

ВЛАДИМИР
МАЯКОВСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ТРИНАДЦАТИ ТОМАХ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1957

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ШЕСТОЙ

1924—первая половина 1925

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1957

Подготовка текста и примечаний:
И. С. Э В Е Н Т О В — стихотворения, тексты к рисункам, лозунги, „Летающий пролетарий“, коллективное
Ю. Л. П Р О К У Ш Е В — „Владимир Ильич Ленин“

В. МАЯКОВСКИЙ

Фото. 1924 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1924—первая половина 1925)

БУДЬ ГОТОВ!

Уверяла дурой дура:
нам не дело-де до Рура.
Из-за немцев,
за германцев
лбам-де русским не ломаться.
Что, мол, Англия —
за морем,
от нее нам мало горя!
Пусть, мол, прет
10 к Афганистану:
беспокоиться не стану.
Эти речи
тем, кто глуп.
Тот,
кто умный,
смотрит в глубь.
Если где елозит Юз,
намотай себе на ус,
а повел Керзон рукой,
20 намотай на ус другой.
А на третий
(если есть)
намотай о Польше весть.
Мы
винтовку
рады кинуть,
но глядим врагу за спину.
Не таится ль за спиной

Врангель
30 тот или иной.
У буржуя,
у француза,
пуд-кулак,
колодезь-пузо —
сыт не будешь немцем голым.
Тянет их
и к нашим горлам.
Что ж
лежать на печке дома?
40 Нет,
рассейся наша дрема.
Что
и где
и как течет —
все берите на учет!
В нашей
войсковой газете
все страницы проглазейте.
Разгремим на сто ладов:
50 стой на страже —
будь готов!

[1924]

КИЕВ

Лапы елок,
лапки,
лапушки...
Все в снегу,
а теплые какие!
Будто в гости
к старой,
старой бабушке
я
10 вчера
приехал в Киев.
Вот стою
на горке
на Владимирской.
Ширь во-всю —
не вымчать и перу!
Так
когда-то,
рассиявшись в выморозки,
20 Киевскую
Русь
оглядывал Перун.
А потом —
когда
и кто,
не помню толком,

только знаю,
что сюда вот
по́ льду,
30 да и по воде,
в порогах,
волоком —
шли
с дарами
к Диру и Аскольду.
Дальше
било солнце
куполам в литавры.
— На колени, Русь!
40 Согнись и стой.—
До сегодня
нас
Владимир гонит в лавры.
Плеть креста
сжимает
каменный святой.
Шли
из мест
таких,
50 которых нету глуше,—
прадеды,
прапрадеды
и пра пра пра!..
Много
всяческих
кровавых безделушек
здесь у бабушки
моей
по берегам Днепра.
60 Был убит
и снова встал Столыпин,
памятником встал,
вложивши пальцы в китель.
Снова был убит,
и вновь
дрожали липы

от пальбы
двенадцати правительств.
А теперь
70 встают
с Подола
дымы,
киевская грудь
гудит,
котлами грета.
Не святой уже —
другой,
земной Владимир
крестит нас
80 железом и огнем декретов.
Даже чуть
зарусофильствовал
от этой шири!
Русофильство,
да другого сорта.
Вот
моя
рабочая страна,
одна
90 в огромном мире.
— Эй!
Пуанкаре!
возьми нас?..
Черта!
Пусть еще
последний,
старый батька
содрогает
плачем
100 лавры звонницы.
Пусть
еще
врезается с Крещатика
волчий вой:
«Даю-беру червонцы!»

Наша сила —
правда,
ваша —
лаврьи звоны.
110 Ваша —
дым кадильный,
наша —
фабрик дым.
Ваша мощь —
червонец,
наша —
стяг червонный.
— Мы возьмем,
займем
120 и победим.
Здравствуй
и прощай, седая бабушка!
Уходи с пути!
скорее!
ну-ка!
Умирай, старуха,
спекулянтка,
на́божка.
Мы идем —
130 ватага юных внуков!

[*1924*]

УХ, И ВЕСЕЛО!

О скуке
на этом свете
Гоголь
говаривал много.
Много он понимает —
этот самый ваш
Гоголь!

В СССР
от веселости
[10] стонут
целые губернии и волости.
Например,
со смеха
слёзы потопом
на крохотном перегоне
от Киева до Конотопа.
Свечи
кажут
язычьи кончики.
[20] 11 ночи.
Сидим в вагончике.
Разговор
перекидывается сам
от бандитов
к Брынским лесам.
Остановят поезд —
минута паники.

И мчи
в Москву,
30 укутавшись в подштанники.
Осоловели;
поезд
темный и душный,
и легли,
попрятав червонцы
в отдушины.

4 утра.
Скок со всех ног.
Стук
40 со всех рук:
«Вставай!
Открывай двери!
Чай, не зимняя спячка.
Не медведи-звери!»
Где-то
с перепугу
загрохотал наган,
у кого-то
в плевательнице
50 застряла нога.
В двери
новый стук
раздраженный.
Заплакали
разбуженные
дети и жены.
Будь что будет...
Жизнь —
на ниточке!
60 Снимаю цепочку,
и вот...
Ласковый голос:
«Купите открыточки,
пожертвуйте
на воздушный флот!»

Сон
еще
не сошел с сонных,
ищут
70 радостно
карманы в кальсонах.

Черта
вытащишь
из голой ляжки.

Наконец,
разыскали
копеечные бумажки.

Утро,
вдали
80 петухи пропели...
— Через сколько
лет
соберет он на пропеллер?

Спрашиваю,
под плед
засовывая руки:
— Товарищ сборщик,
есть у вас внуки?

— Есть,—
90 говорит.
— Так скажите
внучке,
чтоб с тех собирала,
— на ком брючки.
А этаким способом
— через тысячную ночку—
соберете
разве что
на очки летчику. —
100 Наконец,
задыхаясь от смеха,
поезд
взял
и дальше поехал.

К чему спать?

Позевывает пассажир.

Сны эти

только

нагоняют жир.

110 Человеческим

происхождением

гордятся простофили.

А я

сожалею,

что я

не филин.

Как филинам полагается,

не предаваясь сну,

ждал бы

сборщиков,

взлезши на сосну.

[*1924*]

ПРОТЕСТУЮ!

Я
ненавижу
человечье устройство,
ненавижу организацию,
вид
и рост его.
На что похожи
руки наши?..
Разве так
10 машина
уважаемая
машет?..
Представьте,
если б
шатунов шатия
чуть что —
лезла в рукопожатия.
Я вот
хожу
20 весел и высок.
Прострелят,
и конец —
не вставишь висок.
Не завидую
ни Пушкину,
ни Шекспиру Биллю.
Завидую
только
блиндированному автомобилю.

30 Мозг
нагрузишь
до крохотной нагрузки,
и уже
захотелось
поэзии...
музыки...
Если б в понедельник
паровозы
не вылезли, болея
40 с перепоя,
в честь
поэтического юбилея...
Даже если
не брать уродов,
больных,
залегших
под груду одеял,—
то даже
прелестнейший
50 тов. Родов
тоже
еще для Коммуны не идеал.
Я против времени,
убийцы вороватого.
Сколькие
в землю
часами вогнаны.
Почему
болезнь
60 сковала Арватова?
Почему
безудержно
пишут Коганы?
Довольно!—
зевать нечего:
переиначьте
конструкцию
рода человечьего!
Тот человек,
70 в котором

цистерной энергия —
не стопкой,
который
сердце
заменил мотором,
который
заменит
легкие — топкой.
Пусть сердце,
80 даже душа,
но такая,
чтоб жила,
паровозом дыша,
никакой
весне
никак не потакая.
Чтоб утром
весело
стряхнуть сон.
90 Не о чем мечтать,
гордиться нечего.
Зубчиком
вхожу
в зубчатое колесо
и пошел
заверчивать.
Оттрудясь,
развлекаться
не чаплинской лентой,
100 не в горелках резвясь,
натыкаясь на грабли,—
отдыхать,
в небеса вбегая ракетой.
Сам начертил
и вертись в пара́боле.

[1924]

9-е ЯНВАРЯ

О боге болтая,
о смирении говоря,
помни день —
9-е января.
Не с красной звездой —
в смирении тупом
с крестами шли
за Гапоном-попом.
Не в сабли
10 врубались
конармией-птицей —
белели
в руках
листы петиций.
Не в горло
вгрызались
царевым лампасникам —
плелись
в надежде на милость помазанника.
20 Скор
ответ
величества
был:
«Пули в спины!
в груди!
и в лбы!»
Позор без названия,
ужас без имени

покрыл и царя,
30 и площадь,
и Зимний.
А поп
на забрызганном кровью требнике
писал
в приход
царевы серебреники.
Не все враги уничтожены.
Есть!
Раздуйте
40 опять
потухшую месть.
Не сбиты
с Запада
крепости вражьи.
Буржуи
рабочих
сгибают в рожья.
Рабочие,
помните русский урок!
50 Затвор осмотрите,
штык
и курок.
В споре с врагом —
одно решение:
Да здравствуют битвы!
Долой прошения!

[*1924*]

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Украсьте цветами!
Во флаги здания!
Снимите кепку,
картуз
и шляпу:
британский лев
в любовном признании
нам
протянул
10 когтистую лапу.
И просто знать,
и рабочая знать
годы гадала —
«признать — не признать?»
На слом сомненья!
Раздоры на слом!
О, гряди
послом,
О'Греди!
20 Но русский
в ус усмехнулся капризно:
«Чего, мол, особенного —
признан так признан!»
Мы славим
рабочей партии братию,
но...
не смиренных рабочих Георга.

Крепи РКП, рабочую партию,—
и так запризнают,
30 что любо-дорого!
Ясна
для нас
дипломатия лисьина:
чье королевство
к признанью не склонится?!
Признанье это
давно подписано
копытом
летящей
40 буденновской конницы.
Конечно,
признание дело гуманное.
Но кто ж
о признании не озаботится?
Народ
не накормишь небесною манною.
А тут
такая
на грех
50 безработица.
Зачем...
почему
и как...
и кто вот...
признанье
— теперь!—
осмеет в колебаньи,
когда
такой у Советов довод,
60 как зрелые хлебом станицы Кубани!
А, как известно,
в хорошем питании
нуждаются
даже лорды Британии.

И руку пожмем,
и обнимемся с нею.

Но мы
себе
намотаем на ус:
70 за фраком лордов
впервые синеют
20 000 000 рабочих блуз.
Не полурабочему, полулорду
слава признанья.
Возносим славу —
красной деревне,
красному городу,
красноармейцев железному сплаву!

[*1924*]

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ

За дедкой репка...
Даже несколько репок:
Австрия,
Норвегия,
Англия,
Италия.
Значит —
Союз советский крепок.
Как говорится в раешниках —
10 и так далее.
Признавшим
и признающим —
рука с приветом.
А это —
выжидающим.
Упирающимся — это:

ФАНТАСТИКА

Уму поэта-провидца
в грядущем
такая сценка провидится:
20 в приемной Чичерина
цацей цаца
торгпред
каких-то «приморских швейцарцев» —
2 часа даром

цилиндрик мнет
перед скалой-швейцаром.
Личико ласковое.
Улыбкою сощéрено.
«Допустите
до Его Превосходительства Чичерина!»
У швейцара
ответ один
(вежливый,
постепенно становится матов):
— Говорят вам по-эс-эс-эс-эрски—
отойдите, господин.
Много вас тут шляется
запоздавших дипломатов.
Роты —
прут, как шпроты.
Не выражаться же
в присутствии машинисток-дам.
Сказано:
прием признаваемых
по средáм. —
Дипломат прослезился.
Потерял две ночи
ради
очереди.
Хвост —
во весь Кузнецкий мост!
Наконец,
достояв до ночной черни,
поймали
и закрутили пуговицу на Чичерине.
«Ваше Превосходительство...
мы к вам, знаете...
Смилостивьтесь...
только пару слов...
Просим вас слезно —
пожалуйте, признайте...
Назначим —
хоть пять полномочных послов».
Вот
вежливый чичеринский ответ:

— Нет!
с вами
нельзя и разговаривать долго.
Договоров не исполняете,
70 не платите долга.
Да и общество ваше
нам не гоже.
Соглашатели у власти —
правительство тоже.
До установления
общепризнанной
советской власти
ни с какою
запоздавшей любовью
80 не лазьте.
Конечно,
были бы из первых ежели вы —
были б и мы
уступчивы,
вежливы. —
Дверь — хлоп.
Швейцар
во много недоступней, чем Перекоп.
Постояв,
90 развязали кошли пилигримы.
Но швейцар не пустил,
франк швейцарский не взяв,
И пошли они,
солнцем палимы...

ВЫВОД

Признавайте,
пока просто.
Вход: Москва, Лубянка,
угол Кузнецкого моста.

[1924]

БУРЖУЙ,
ПРОЩАЙСЯ С ПРИЯТНЫМИ ДЕНЬКАМИ — ДОБЬЕМ ОКОНЧАТЕЛЬНО ТВЕРДЫМИ ДЕНЬГАМИ

Мы хорошо знакомы с совзнаками,
со всякими лимонами,
лимардами всякими.
Как было?
Пала кобыла.
У жёнки
поизносились одежонки.
Пришел на конный
и стал торговаться.
10 Кони
идут
миллиардов по двадцать.
Как быть?
Пошел крестьянин
совзнаки копить.
Денег накопил —
неописуемо!
Хоть сиди на них:
целая уйма!
20 Сложил совзнаки в наибольшую из торб
и пошел,
взваливши торбу на горб.
Пришел к торговцу:
— Коня гони!

Торговец в ответ:
                    — Подорожали кони!
Копил пока —
конь
      вздорожал
30   миллиардов до сорока. —
Не купить ему
                    ни коня, ни ситца.
Одно остается —
                      стоять да коситься.
Сорок набрал мужик на конягу.
А конь
        уже
              стоит сотнягу.
Пришел с сотней, —
40   а конь двести.
— Заплатите, мол,
                        и на лошадь лезьте! —
И ушел крестьянин
                        не солоно хлебавши,
неся
      на спине
                совзнак упавший.
Объяснять надо ли?
Горе в том,
50   что совзнаки падали.
Теперь
          разносись по деревне гул!
У нас
        пустили
                  твердую деньгу́.
Про эти деньги
                    и объяснять нечего.
Все, что надо
                  для удобства человечьего.
60 Трешница как трешница,
                            серебро как серебро.
Хочешь — позванивай,
                          хочешь — ставь на ребро.

Теперь —
что серебро,
что казначейский билет —
одинаково обеспечены:
разницы нет.
Пока
70 до любого рынка дойдешь —
твои рубли
не падут
ни на грош.
А места занимают
меньше точки.
Донесешь
богатство
в одном платочке.
Не спеша
80 приторговал себе коня,
купил и поехал,
домой гоня.
На оставшуюся
от размена
лишку —
ситцу купил
и взял подмышку.
Теперь
возможно,
90 если надобность есть,
весь приход-расход
заранее свесть.

[*1924*]

ТВЕРДЫЕ ДЕНЬГИ — ТВЕРДАЯ ПОЧВА ДЛЯ СМЫЧКИ КРЕСТЬЯНИНА И РАБОЧЕГО

Каждый знает:
водопады бумажные
для смычки
с деревней
почва неважная.
По нужде
совзнаками заливала казна.
Колебался,
трясся
10 и падал совзнак.
Ни завод не наладишь,
ни вспашку весеннюю.
Совзнак —
что брат
японскому землетрясению.
Каждой фабрике
и заводу
лили совзнаки
в котлы,
20 как воду.
Как будто много,
а на деле —
Раз десять скатились
в течение недели.
Думает город —
не сесть бы в галошу!

Давай
на товары
цену наброшу, —
30 а деревня думает —
город ругая —
цена у него
то одна,
то другая! —
Так никто
связать и не мог
цену хлеба
с ценой сапог.
Получалась не смычка,
40 а фразы праздные.
Даже
руки
не пожмешь как надо.
С этой тряски
в стороны разные
рабочий
с крестьянином
лез от разлада.
Теперь,
50 после стольких
трясущихся лет —
серебро
и твердый
казначейский билет.
Теперь
под хозяйством деревни и города
фундамент-рубль
установлен твердо.
Твердо
60 на дырах
поставим заплаты.
Твердые
будут
размеры зарплаты.
Твердо учтя,
а не зря
и не даром,

твердые цены
дадим
70 товарам.
Твердо
крестьянин
сумеет расчесть,
с чего ему
прибыль твердая есть.
Труд крестьян
и рабочий труд
твердо
друг с другом
80 цену сведут.
Чтобы
не только
пожатьем слиться,
а твердым
обменом
ржи и ситца.
Твердой ценой
пойдут
от рабочего
90 сахар,
соль,
железо,
спички.
Твердые деньги —
твердая почва
для деловой
настоящей смычки.

[*1924*]

КОМСОМОЛЬСКАЯ

Смерть —
не сметь!

Строит,
рушит,
кроит
и рвет,
тихнет,
кипит
и пенится,
гудит,
говорит,
10 молчит
и ревет —
юная армия:
ленинцы.
Мы
новая кровь
городских жил,
тело нив,
ткацкой идей
нить.
20 Ленин —
жил,
Ленин —
жив,
Ленин —
будет жить.

Залили горем.
Свезли в мавзолей
частицу Ленина —
тело.
30 Но тленью не взять —
ни земле,
ни золе —
первейшее в Ленине —
дело.
Смерть,
косу положи!
Приговор лжив.
С таким
небесам
40 не блажить.
Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.

Ленин —
жив
шаганьем Кремля —
50 вождя
капиталовых пленников.
Будет жить,
и будет
земля
гордиться именем:
Ленинка.
Еще
по миру
пройдут мятежи —
60 сквозь все межи
коммуне
путь проложить.
Ленин —
жил.

Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.

К сведению смерти,
70 старой карги,
гонящей в могилу
и старящей:
«Ленин» и «Смерть» —
слова-враги.
«Ленин» и «Жизнь» —
товарищи.
Тверже
печаль держи.
Грудью
80 в горе прилив.
Нам —
не ныть.
Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.

Ленин рядом.
90 Вот
он.
Идет
и умрет с нами.
И снова
в каждом рожденном рожден —
как сила,
как знанье,
как знамя.
Земля,
100 под ногами дрожи.
За все рубежи
слова —
взвивайтесь кружить.

Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.
110 Ленин ведь
тоже
начал с азов,—
жизнь —
мастерская геньина.
С низа лет,
с класса низов —
рвись
разгромадиться в Ленина.
Дрожите, дворцов этажи!
120 Биржа нажив,
будешь
битая
выть.
Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.

130 Ленин
больше
самых больших,
но даже
и это
диво
создали всех времен
малыши —
мы,
малыши коллектива.
140 Мускул
узлом вяжи.
Зубы-ножи —

в знанье —
вонзай крошить.
Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
150 будет жить.

Строит,
рушит,
кроит
и рвет,
тихнет,
кипит
и пенится,
гудит,
молчит,
160 говорит
и ревет —
юная армия:
ленинцы.
Мы
новая кровь
городских жил,
тело нив,
ткацкой идей
нить.
170 Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.

31 марта 1924 г.

НА УЧЕТ КАЖДАЯ МЕЛОЧИШКА

(ПАРА ИЗДЕВАТЕЛЬСТВ)

ПЕРВОЕ

Поэта
интересуют
и мелкие фактцы.
С чего начать?
Начну с того,
как рабфаковцы
меня
хотели качать.
Засучили рукав,
10 оголили руку
и хвать
кто за шиворот,
а кто за брюку.
Я
отбился
ударами ног,
но другому,—
маленькому —
свернули-таки
позвонок.
20 Будучи опущенным,
подкинутый сто крат,
напомню,
что сказал
ученикам Сократ.

Однажды,
после
Сокрачьего выступления,
лошадям
не доверяя
30 драгоценного груза,
сами —
в коляску
впряглись в исступлении
студенты
какого-то
помпейского вуза.
Студенты скакали
и делали стойку:
Сократ
40 разглядывал
кентаврью стайку.
Доехал
спокойно
на зависть стоику,
сказал,
поднесши
к кепке лайку:
— А все-таки
с лошадью конкурировать
50 не можете!..
Правильно
правоверным
изрек Аллах:
мною
для того же
изобретены лошади,
чтоб мы
ездили
на них,
60 а не на ослах. —
Пример неподходящий,
спорить нечего;
но все же
его
запомните крепче...

Чтоб в вас
ничем
никогда не просвечивал
прошлый
70 белоподкладочный
мышиный жеребчик.

Каждую мелочь
мерь,
держи
восторгов елей!
Быт
не прет в дверь —
быт
ползет
80 из щелéй.
Затянет
тинкой зыбей,
слабых
собьет с копыт.
Отбивайся,
крепись,
бей
быт!

ВТОРОЕ

Рабфаковка
90 у меня
попросила портрет.
В этом
особенно плохого
нет.
Даже весело.
Пришла
и повесила.
Утром поглядела —
стена громада.
100 А Маяковский
маленький,
— других бы надо!—

Купила Шелли,
повесила.
Красивый —
оторвешься еле.
Купила Бетховена,
взяла Шаляпина,—
скоро
110 вся стена заляпана.
Вроде
Третьяковской галереи.
Благочинные живописи,
поэзии иереи.
На стенках
картинки
лестничками и веерами.
Появились
какие-то
120 бородастые
в раме.
Вскоре
новое горе:
открытки
между гравюрами,
как маленькие точки.
Пришлось
открытки
обфестонить в фестончики.
130 Наутро
осмотрела вместе:
серо́-с.
Пришлось
накупить
бумажных роз!
Уже
о работе
никаких дум.
Смотри,
140 чтоб в уголочках
не откнопились кнопки!

Одни
стихи
и лезут на ум.
Бубнит
не хуже
дрессированного попки.
Особенно
если лунища
150 припустит сиять —
сидит
и млеет,
не сводя глаз:
ни дать ни взять
иконостас.
Ставлю вопрос
справедливый,
но колкий:
— Деточка,
160 чем вы лучше
кухарки-богомолки?
Хуже ангела,
скулящего
в божьем клире?—
Душу
разъедает
бездельник-лирик!

Каждую мелочь
мерь!
170 Держи
восторгов елей!
Быт
не прет в дверь.
Быт
ползет
из щелéй!

Затянет
тинкой зыбей,
слабых
180 собьет с копыт.
Отбивайся,
крепись,
бей
быт!

[*1924*]

ДВА БЕРЛИНА

Авто
Курфюрстендам-ом катая,
удивляясь,
раззеваю глаза —
Германия
совсем не такая,
как была
год назад.
На первый взгляд
10 общий вид:
в Германии не скулят.
Немец —
сыт.
Раньше
доллар —
лучище яркий,
теперь
«принимаем только марки».
По городу
20 немец
шествует гордо,
а раньше
в испуге
тек, как вода,
от этой самой
от марки твердой
даже
улыбка
как мрамор тверда.

30 В сомненьи
гляжу
на сытые лица я.
Зачем же
тогда —
что ни шаг —
полиция!

Слоняюсь
и трусь
по рабочему Норду.
40 Нужда
худобой
врывается в глаз.
Толки:
«Вольфы...
покончили с голоду...
Семьей...
в коморке...
открыли газ...»
Поймут,
50 поймут и глупые дети,
Если
здесь
хоть версту пробрели,
что должен
отсюда
родиться третий —
третий родиться —
Красный Берлин.
Пробьется,
60 какие рогатки ни выставь,
прорвется
сквозь штык,
сквозь тюремный засов.
Первая весть:
за коммунистов
подано
три миллиона голосов.

[*1924*]

ЮБИЛЕЙНОЕ

Александр Сергеевич,
разрешите представиться.
Маяковский.

Дайте руку!
Вот грудная клетка.
Слушайте,
уже не стук, а стон;
тревожусь я о нем,
в щенка смирённом львенке.
Я никогда не знал,
что столько
тысяч тонн
10 в моей
позорно легкомыслой головенке.
Я тащу вас.
Удивляетесь, конечно?
Стиснул?
Больно?
Извините, дорогой.
У меня,
да и у вас,
в запасе вечность.
20 Что нам
потерять
часок-другой?!
Будто бы вода —
давайте
мчать болтая,

будто бы весна —
свободно
и раскованно!
В небе вон
30 луна
такая молодая,
что ее
без спутников
и выпускать рискованно.
Я
теперь
свободен
от любви
и от плакатов.
40 Шкурой
ревности медведь
лежит когтист.
Можно
убедиться,
что земля поката,—
сядь
на собственные ягодицы
и катись!
Нет,
50 не навяжусь в меланхолишке черной,
да и разговаривать не хочется
ни с кем.
Только
жабры рифм
топырит учащённо
у таких, как мы,
на поэтическом песке.
Вред — мечта,
и бесполезно грезить,
60 надо
весть
служебную нуду.
Но бывает —
жизнь
встает в другом разрезе,

и большое
понимаешь
через ерунду.
Нами
70 лирика
в штыки
неоднократно атакована,
ищем речи
точной
и нагой.
Но поэзия —
пресволочнейшая штуковина:
существует —
и ни в зуб ногой.
80 Например
вот это —
говорится или блеется?
Синемордое,
в оранжевых усах,
Навуходоносором
библейцем —
«Коопсах».
Дайте нам стаканы!
знаю
90 способ старый
в горе
дуть винище,
но смотрите —
из
выплывают
Red и White Star'ы [1]
с ворохом
разнообразных виз.
Мне приятно с вами, —
100 рад,
что вы у столика.
Муза это
ловко
за язык вас тянет.

---

[1] Красные и белые звезды (*англ.*).

Как это
у вас
говаривала Ольга?..
Да не Ольга!
из письма
110 Онегина к Татьяне.
— Дескать,
муж у вас
дурак
и старый мерин,
я люблю вас,
будьте обязательно моя,
я сейчас же
утром должен быть уверен,
что с вами днем увижусь я. —
120 Было всякое:
и под окном стояние,
пи́сьма,
тряски нервное желе.
Вот
когда
и горевать не в состоянии —
это,
Александр Сергеич,
много тяжелей.
130 Айда, Маяковский!
Маячь на юг!
Сердце
рифмами вымучь —
вот
и любви пришел каюк,
дорогой Владим Владимыч.
Нет,
не старость этому имя!
Ту́шу
140 вперед стремя́,
я
с удовольствием
справлюсь с двоими,
а разозлить —
и с тремя.

Говорят —
я темой и-н-д-и-в-и-д-у-а-л-е-н!
Entre nous [1]...
чтоб цензор не нацикал.
150 Передам вам —
говорят —
видали
даже
двух
влюбленных членов ВЦИКа.
Вот —
пустили сплетню,
тешат душу ею.
Александр Сергеич,
160 да не слушайте ж вы их!
Может
я
один
действительно жалею,
что сегодня
нету вас в живых.
Мне
при жизни
с вами
170 сговориться б надо.
Скоро вот
и я
умру
и буду нем.
После смерти
нам
стоять почти что рядом:
вы на Пе,
а я
180 на эМ.
Кто меж нами?
с кем велите знаться?!

---

[1] Между нами *(франц.)*.

Чересчур
страна моя
поэтами нищá.
Между нами
— вот беда —
позатесался Нáдсон.
Мы попросим,
190 чтоб его
куда-нибудь
на Ща!
А Некрасов
Коля,
сын покойного Алеши,—
он и в карты,
он и в стих,
и так
неплох на вид.
200 Знаете его?
вот он
мужик хороший.
Этот
нам компания —
пускай стоит.
Что ж о современниках?!
Не просчитались бы,
за вас
полсотни óтдав.
210 От зевоты
скулы
разворачивает аж!
Дорогойченко,
Герасимов,
Кириллов,
Родов —
какой
однаробразный пейзаж!
Ну Есенин,
220 мужиковствующих свора.
Смех!
Коровою
в перчатках лаечных.

Раз послушаешь...
но это ведь из хора!
Балалаечник!
Надо,
чтоб поэт
и в жизни был мастак.
230 Мы крепки,
как спирт в полтавском штофе.
Ну, а что вот Безыменский?!
Так...
ничего...
морковный кофе.
Правда,
есть
у нас
Асеев
240 Колька.
Этот может.
Хватка у него
моя.
Но ведь надо
заработать сколько!
Маленькая,
но семья.
Были б живы —
стали бы
250 по Лефу соредактор.
Я бы
и агитки
вам доверить мог.
Раз бы показал:
— вот так-то, мол,
и так-то...
Вы б смогли —
у вас
хороший слог.
260 Я дал бы вам
жиркость
и сýкна,

в рекламу б
выдал
гумских дам.
(Я даже
ямбом подсюсюкнул,
чтоб только
быть
270 приятней вам.)
Вам теперь
пришлось бы
бросить ямб картавый.
Нынче
наши перья —
штык
да зубья вил, —
битвы революций
посерьезнее «Полтавы»,
280 и любовь
пограндиознее
онегинской любви.
Бойтесь пушкинистов.
Старомозгий Плюшкин,
перышко держа,
полезет
с перержавленным.
— Тоже, мол,
у лефов
290 появился
Пушкин.
Вот арап!
а состязается —
с Державиным...
Я люблю вас,
но живого,
а не мумию.
Навели
хрестоматийный глянец.
300 Вы
по-моему́
при жизни
— думаю —

тоже бушевали.
Африканец!
Сукин сын Дантес!
Великосветский шкода.
Мы б его спросили:
— А ваши *кто* родители?
310 Чем вы занимались
до 17-го года? —
Только этого Дантеса бы и видели.
Впрочем,
что ж болтанье!
Спиритизма вроде.
Так сказать,
невольник чести...
пулею сражен...
Их
320 и по сегодня
много ходит —
всяческих
охотников
до наших жен.
Хорошо у нас
в Стране советов.
Можно жить,
работать можно дружно.
Только вот
330 поэтов,
к сожаленью, нету —
впрочем, может,
это и не нужно.
Ну, пора:
рассвет
лучища выкалил.
Как бы
милиционер
разыскивать не стал.
340 На Тверском бульваре
очень к вам привыкли.
Ну, давайте,
подсажу
на пьедестал.

Мне бы
памятник при жизни
полагается по чину.
Заложил бы
динамиту
— ну-ка,
350 дрызнь!
Ненавижу
всяческую мертвечину!
Обожаю
всяческую жизнь!

[*1924*]

ПРОЛЕТАРИЙ, В ЗАРОДЫШЕ ЗАДУШИ ВОЙНУ!

БУДУЩИЕ:

ДИПЛОМАТИЯ

— Мистер министр?
How do you do? [1]
Ультиматум истек.
Уступки?
Не иду.
Фирме Морган
должен Крупп
ровно
три миллиарда
10 и руп.
Обложить облака!
Начать бои!
Будет добыча —
вам пай.
Люди — ваши,
расходы —
мои.
Good bye! [2]

---

[1] Здравствуйте *(англ.)*.
[2] Прощайте *(англ.)*.

«Смит и сын.
20 Самоговорящий ящик»
Ящик
министр
придвинул быстр.
В раструб трубы,
мембране говорящей,
сорок
секунд
бубнил министр.
Сотое авеню.
30 Отец семейства.
Дочь
играет
цепочкой на отце.
Записал
с граммофона
время и место.
Фармацевт — как фармацевт.
Пять сортировщиков.
Вид водолаза.
40 Серых
масок
немигающий глаз —
уставили
в триста баллонов газа.
Блок
минуту
повизгивал лазя,
грузя
в кузова
50 «чумной газ».
Клубы
Нью-Йорка
раскрылись в сроки,
раз
не разнился
от других разов.

Фармацевт
сиял,
убивши в покер
60 флеш-роялем
— четырех тузов.

НАСТУПЛЕНИЕ

Штаб воздушных гаваней и доков.
Возд-воен-электрик
Джим Уост
включил
в трансформатор
заатлантических токов
триста линий —
зюд-ост.
70 Авиатор
в карте
к цели полета
вграфил
по линейке
в линию линия.
Ровно
в пять
без механиков и пилотов
взвились
80 триста
чудовищ алюминия.
Треугольник
— летящая фабрика ветра —
в воздух
триста винтов всвистал.
Скорость —
шестьсот пятьдесят километров.
Девять
тысяч
90 метров —
высота.
Грозой не кривясь,
ни от ветра резкого,

только —
будто
гигантский Кольт —
над каждым аэро
сухо потрескивал
ток
100 в 15 тысяч вольт.
Встали
стражей неба вражьего.
Кто умер —
счастье тому.
Знайте,
буржуями
сжигаемые заживо,
последнее изобретение:
«крематорий на дому».

БОЙ

110 Город
дышал
что было мочи,
спал,
никак
не готовясь
к смертям.
Выползло
триста,
к дымочку дымочек.
120 Пошли
спиралью
снижаться, смердя.
Какая-то птица
— пустяк,
воробушки —
падала
в камень,
горохом ребрышки.

Крыша
130 рейхстага,
сиявшая лаково,
в две секунды
стала седая.
Бесцветный дух
до́ма обволакивал,
ник
к земле,
с этажей оседая.
«Спасайся, кто может,
140 с десятого —
прыга...»
Слово
свело
в холодеющем нёбе;
ножки,
еще минуту подрыгав,
рядом
легли —
успокоились обе.
150 Безумные
думали:
«Сжалим,
умолим».
Когда
растаял
газ,
повися, —
ни человека,
ни зверя,
160 ни моли!
Жизнь
была
и вышла вся.
Четыре
аэро
снизились искоса,
лучи
скрестя
огромнейшим иксом.

170 Был труп
— и нет.
Был дом
— и нет его.
Жег
свет
фиолетовый.
Обделали чисто.
Ни дыма,
ни мрака.
180 Взорвали,
взрыли,
смыли,
взмели.
И город
лежит
погашенной маркой
на грязном,
рваном
пакете земли.

ПОБЕДА

190 Морган.
Жена.
В корсетах.
Не двинется.
Глядя,
как
шампанское пенится,
Морган сказал:
— Дарю
имениннице
200 немного разрушенное,
но хорошее именьице!

ТОВАРИЩИ, НЕ ДОПУСТИМ!

Сейчас
подытожена
великая война.

Пишут
мемуары
истории писцы.
Но боль близких,
любимых, нам
210 еще
кричит
из сухих цифр.
30
миллионов
взяли на мушку,
в сотнях
миллионов
стенанье и вой.
Но и этот
220 ад
покажется погремушкой
рядом
с грядущей
готовящейся войной.
Всеми спинами,
по пленам драными,
руками,
брошенными
на операционном столе,
230 всеми
в осень
ноющими ранами,
всей трескотней
всех костылей,
дырами ртов,
— выбил бой! —
голосом,
визгом газовой боли —
сегодня,
240 мир,
крикни
— Д о л о й!!!
Не будет!
Не хотим!
Не позволим!

Нациям
нет
врагов наций.
Нацию
250 выдумал
мира враг.
Выходи
не с нацией драться,
рабочий мира,
мира батрак!
Иди,
пролетарской армией топая,
штыки
последние
260 атакой выставь!
«Фразы
о мире —
пустая утопия,
пока
не экспроприирован
класс капиталистов».
Сегодня...
завтра... —
а справимся все-таки!
270 Виновным — смерть.
Невиновным — вдвойне.
Сбейте
жирных
дюжины и десятки.
Миру — мир,
война — войне.

2 августа 1924 г.

СЕВАСТОПОЛЬ—ЯЛТА

В авто
насажали
разных армян,
рванулись —
и мы в пути.
Дорога до Ялты
будто роман:
все время
надо крутить.
10 Сначала
авто
подступает к горам,
охаживая кря́жевые.
Вот так и у нас
влюбленья пора:
наметишь —
и мчишь, ухаживая.
Авто
начинает
20 по солнцу трясть,
то жаренней ты,
то варённей:
так сердце
тебе
распаляет страсть,
и грудь —
раскаленной жаровней.

Привал,
шашлык,
30 не вяжешь лык,
с кружением
нету сладу.
У этих
у самых
гроздьев шашлы —
совсем поцелуйная сладость.
То солнечный жар,
то ущелий тоска, —
не верь
40 ни единой версийке.
Который москит
и который мускат,
и кто персюки́
и персики?
И вдруг вопьешься,
любовью залив
и душу,
и тело,
и рот.
50 Так разом
встают
облака и залив
в разрыве
Байдарских ворот.
И сразу
дорога
нудней и нудней,
в туннель,
тормозами тужась.
60 Вот куча камня,
и церковь над ней —
ужасом
всех супружеств.
И снова
почти
о скалы скулой,
с боков
побелелой глядит.

Так ревность
70 тебя
обступает скалой —
за камнем
любовник бандит.
А дальше —
тишь;
крестьяне, корпя,
лозой
разделали скаты
Так,
80 свой виноградник
по́том кропя,
и я
рисую плакаты.
Пото́м,
пропылясь,
проплывают года,
труся́т
суетнею мышиной,
и лишь
90 развлекает
семейный скандал
случайно
лопнувшей шиной.
Когда ж
окончательно
это доест,
распух
от моторного гвалта —
— Стоп!—
100 И склепом
отдельный подъезд:
— Пожалте
червонец!
Ялта.

[*1924*]

ВЛАДИКАВКАЗ—ТИФЛИС

Только
нога
ступила в Кавказ,
я вспомнил,
что я —
грузин.
Эльбрус,
Казбек.
И еще —
10 как вас?!
На гору
горы грузи!
Уже
на мне
никаких рубах.
Бродягой, —
один архалух.
Уже
подо мной
20 такой карабах,
что Ройльсу —
и то б в похвалу.
Было:
с ордой,
загорел и носат,
старее
всего старья,
я влез,
веков девятнадцать назад,

30 вот в этот самый
в Дарьял.
Лезгинщик
и гитарист душой,
в многовековом поту,
я землю
прошел
и возделал мушо̀й
отсюда
по самый Батум.
40 От этих дел
не вспомнят ни зги.
История —
врун даровитый,
бубнит лишь,
что были
царьки да князьки:
Ираклии,
Нины,
Давиды.
50 Стена —
и то
знакомая что-то.
В тахтах
вот этой вот башни —
я помню:
я вел
Руставели Шо́той
с царицей
с Тамарою
60 шашни.
А после
катился,
костями хрустя,
чтоб в пену
Тереку врыться.
Да это что!
Любовный пустяк!
И лучше
резвилась царица.

70 А дальше
я видел —
в пробоину скал
вот с этих
тропиночек узких
на сакли,
звеня,
опускались войска
золотопогонников русских.
Лениво
80 от жизни
взбираясь ввысь,
гитарой
душу отверз —
«Мхолот шен эртс
рац, ром чемтвис
Моуция
маглидган гмертс...» [1]
И утро свободы
в кровавой росе
90 сегодня
встает поодаль.
И вот
я мечу,
я, мститель Арсен,
бомбы
5-го года.
Живились
в пажах
князёвы сынки,
100 а я
ежедневно
и наново
опять вспоминаю
все синяки
от плеток
всех Алихановых.

---

[1] Лишь тебе одной все, что дано мне с высоты богом *(грузинск.)*.

И дальше
история наша
хмура̀.
110 Я вижу
пра̀вящих кучку.
Какие-то люди,
мутней, чем Кура̀,
французов чмокают в ручку.
Двадцать,
а может,
больше веков
волок
угнетателей узы я,
120 чтоб только
под знаменем большевиков
воскресла
свободная Грузия.
Да,
я грузин,
но не старенькой нации,
забитой
в ущелье в это.
Я —
130 равный товарищ
одной Федерации
грядущего мира Советов.
Еще
омрачается
день иной
ужасом
крови и яри.
Мы бродим,
мы
140 еще
не вино,
ведь мы еще
только мадчари.
Я знаю:
глупость — эдемы и рай!
Но если
пелось про это,

должно быть,
Грузию,
150 радостный край,
подразумевали поэты.
Я жду,
чтоб аэро
в горы взвились.
Как женщина,
мною
лелеема
надежда,
что в хвост
160 со словом «Тифлис»
вобьем
фабричные клейма.
Грузин я,
но не кинто озорной,
острящий
и пьющий после.
Я жду,
чтоб гудки
взревели зурной,
170 где шли
лишь кинто
да ослик.
Я чту
поэтов грузинских дар,
но ближе
всех песен в мире,
мне ближе
всех
и зурн
180 и гитар
лебедок
и кранов шаири.
Строй
во всю трудовую прыть,
для стройки
не жаль ломаний!

Если
даже
Казбек помешает —
190 срыть!
Все равно
не видать
в тумане.

[*1924*]

ТАМАРА И ДЕМОН

От этого Терека
в поэтах
истерика.
Я Терек не видел.
Большая потерийка.
Из омнибуса
вразвалку
сошел,
поплевывал
10 в Терек с берега,
совал ему
в пену
палку.
Чего же хорошего?
Полный развал!
Шумит,
как Есенин в участке.
Как будто бы
Терек
20 сорганизовал,
проездом в Боржом,
Луначарский.
Хочу отвернуть
заносчивый нос
и чувствую:
стыну на грани я,
овладевает
мною
гипноз,

30 воды
и пены играние.
Вот башня,
револьвером
небу к виску,
разит
красотою нетроганой.
Поди,
подчини ее
преду искусств —
40 Петру Семенычу
Когану.
Стою,
и злоба взяла меня,
что эту
дикость и выступы
с такой бездарностью
я
променял
на славу,
50 рецензии,
диспуты.
Мне место
не в «Красных нивах»,
а здесь,
и не построчно,
а даром
реветь
стараться в голос во весь,
срывая
60 струны гитарам.
Я знаю мой голос:
паршивый тон,
но страшен
силою ярой.
Кто видывал,
не усомнится,
что
я
был бы услышан Тамарой.

70 Царица крепится,
взвинчена хоть,
величественно
делает пальчиком.
Но я ей
сразу:
— А мне начхать,
царица вы
или прачка!
Тем более
80 с песен —
какой гонорар?!
А стирка —
в семью копейка.
А даром
немного дарит гора:
лишь воду —
поди,
попей-ка! —
Взъярилась царица,
90 к кинжалу рука.
Козой,
из берданки ударенной.
Но я ей
по-своему,
вы ж знаете как —
под ручку...
любезно...
— Сударыня!
Чего кипятитесь,
100 как паровоз?
Мы
общей лирики лента.
Я знаю давно вас,
мне
много про вас
говаривал
некий Лермонтов.
Он клялся,
что страстью
110 и равных нет...

Таким мне
мерещился образ твой.
Любви я заждался,
мне 30 лет.
Полюбим друг друга.
Попросту.
Да так,
чтоб скала
распостелилась в пух.
120 От черта скраду
и от бога я!
Ну что тебе Демон?
Фантазия!
Дух!
К тому ж староват —
мифология.
Не кинь меня в пропасть,
будь добра.
От этой ли
130 струшу боли я?
Мне
даже
пиджак не жаль ободрать,
а грудь и бока —
тем более.
Отсюда
дашь
хороший удар —
и в Терек
140 замертво треснется.
В Москве
больнее спускают...
куда!
ступеньки считаешь —
лестница.
Я кончил,
и дело мое сторона.
И пусть,
озверев от помарок,

150 про это
пишет себе Пастернак,
А мы...
соглашайся, Тамара!
История дальше
уже не для книг.
Я скромный,
и я
бастую.
Сам Демон слетел,
160 подслушал,
и сник,
и скрылся,
смердя
впустую.
К нам Лермонтов сходит,
презрев времена.
Сияет —
«Счастливая парочка!»
Люблю я гостей.
170 Бутылку вина!
Налей гусару, Тамарочка!

[*1924*]

ГУЛОМ ВОССТАНИЙ,
НА ЭХО ПОМНОЖЕННЫМ,
ОБ ЭТОМ ДАДУТ
НАСТОЯЩИЙ СТИХ,
А Я
ЛИШЬ ТО,
ЧТО СЕГОДНЯ МОЖНО,
СКАЖУ
О ДЕЛЕ 26-ти

I

Нас
больше европейцев —
на двадцать сто.
Землею
больше, чем Запад,
Но мы —
азиатщина,
мы —
восток.
10 На глотке
Европы лапа.
В Европе
женщины
радуют глаз.
Мужчины
тают
в комплиментных сантиментах.
У них манишки,
у них газ.

20 и пушки
любых миллиметров и сантиметров.
У них —
машины.
А мы
за шаг,
с бою
у пустынь
и у гор взятый,
платим жизнью,
30 лихорадками дыша.
Что мы?!
Мы — азиаты.
И их рабов,
чтоб не смели мычать,
пером
обложил
закон многолистый.
У них под законом
и подпись
40 и печать.
Они — умные,
они — империалисты.
Под их заботой
одет и пьян
закон:
«закуй и спаивай!»;
они культурные,
у них
аэропланы,
50 и газ,
и пули сипаевы.

II

Буржуй
шоферу
фыркнет: «Вези!»

Кровь
бакинских рабочих —
бензин.
Приехал.
Ковер —
60 павлин рассиянный —
ему
соткали
рабы-персиане.
Буржуй
садится
к столу из пальмы —
ему
в Багдадах
срубили и дали мы.
70 Ему
кофейку вскипятили:
«Выпейте,
для вас
на плантациях
гибли в Египте!»
Ему молоко —
такого не видано —
во-всю
отощавшая Индия выдоена.
80 Попил;
и лакей
преподносит, юрок,
сигары
из содранной кожи турок.
Он сыт.
Он всех,
от индуса
до грузина,
вогнал
90 в пресмыкающиеся твари,
чтоб сияли
витрины колониальных магазинов,
громоздя
товар на товаре.

III

Гроза
разрасталась со дня нà день.
Окна дворцов
сыпались, дребезжа.
И первым
100 с Востока
на октябрьской баррикаде
встал Азербайджан.
Их знамя с нами —
рядом борются.
Барабаном борьбы
пронесло
волю
веками забитых горцев,
волю
110 низов нефтяных промыслóв.
Сила
мильонов
восстанием била —
но тех,
кто умел весть,
борьбой закаленных,
этих было —
26.
В кавказских горах,
120 по закавказским степям
несущие
трудовую ношу —
кому
из вас
не знаком Степан?
Кто
не знал Алешу?
Голос их —
голос рабочего низа.
130 Словá —
миллионов словá.
Их вызов —
классу буржуев вызов,

мысль —
пролетариата голова.
Буржуазия
в осаде нищих.
Маузер революции
у ее виска.
140 Впервые
ее
распухшую пятерницу
так
зажала
рабочая рука.

IV

Машина капитала.
Заработало колесо.
Забыв
и обед и жен,
150 Тиг-Джонсу
депеши слал Моллесон,
Моллесону
писал Тиг Джонс.
Как все их дела,
и это вот
до точки
с бандитов сколото.
Буржуи
сейчас же
160 двинули в ход
предательство,
подкуп
и золото.
Их всех
заманили
в тюремный загон
какой-то
квитанцией ложненькой.
Их вывели ночью.
170 Загнали в вагон.

И всем объявили:
— заложники! —
Стали
на 207-й версте,
на насыпь
с площадок скинув.
И сотен винтовок
огонь засвистел —
стреляли в затылок и в спину.
180 — Рука, размахнись,
раззудись, душа!
Гуляй,
правосудие наше!
Хрипевших
били,
прикладом глуша.
И головы
к черту с-под шашек!
Засыпав чуть
190 приличия для,
шакалам
не рыться чтоб слишком,—
вернулись
в вагон
и дрались,
деля
с убитых
в крови барахлишко.

V

Буржуи,
200 воздайте помогшим вам!
(Шакал
помог покончить.)
На шею
шакалу —
орден Льва!
В 4 плеча
погончик!

Трубку
пасти каждой в оскал!
210 Кокарду
над мордою выставь!
Чем не майоры?
Чем не войска
для империалистов?!

VI

Плач семейный —
не смочит платочки.
Плач ли
сжатому в боль кулаку?!
Это —
220 траур
не маленькой точки
в карте,
выбившей буквы —
«Баку».
Не прощающим взором Ганди —
по-иному,
индусы,
гляньте!
Пусть
230 сегодня
сердце корейца
жаром
новой мести греется.
Тряпку
с драконом
сними и скатай,
знамя
восстания
взвивший Китай!
240 Горе,
ливнем пуль
пройди по праву
по Сахарам,
никогда
не видевшим дождей.

Весь
трудящийся Восток,
сегодня —
в траур!
250 Ты
сегодня
чтишь
своих вождей.

VII

Никогда,
никогда
ваша кровь не остынет, —
26 —
Джапаридзе и Шаумян!
Окропленные
260 вашей кровью
пустыни
красным знаменем
реют,
над нами шумя.
Вчера —
20.
Сегодня —
100.
Завтра
270 миллионом станем.
Вставай, Восток!
Бейся, Восток —
одним
трудовым станом!
Вы
не уйдете
из нашей памяти:
ей
и века — не расстояние.
280 Памятней будет,
чем камень памятника,

свист
и огонь восстания.
Вчера —
20.
Сегодня —
100.
Завтра
миллионом станем!
290 Вставай!
Подымись, трудовой Восток,
единым
красным станом!

[*1924*]

ПРОЧЬ РУКИ ОТ КИТАЯ!

Война,
империализма дочь,
призраком
над миром витает.
Рычи, рабочий:
— Прочь
руки от Китая! —
Эй, Макдональд,
не морочь,
10 в лигах
речами тая.
Назад, дредноуты!
— Прочь
руки от Китая! —
В посольском квартале,
цари точь-в-точь,
расселись,
интригу сплетая.
Сметем паутину.
20 — Прочь
руки от Китая!—
Ку́ли,
чем их кули́ волочь,
рикшами
их катая —
спину выпрями!
— Прочь
руки от Китая! —

Колонией
30 вас
хотят истолочь.
400 миллионов —
не стая.
Громче, китайцы:
— Прочь
руки от Китая! —
Пора
эту свòлочь сволóчь,
со стен
40 Китая
кидая.
— Пираты мира,
прочь
руки от Китая! —
Мы
всем рабам
рады помочь,
сражаясь,
уча
50 и питая.
Мы с вами, китайцы!
— Прочь
руки от Китая! —
Рабочий,
разбойничью ночь
громи,
ракетой кидая
горящий лозунг:
— Прочь
60 руки от Китая!

[*1924*]

ХУЛИГАНЩИНА

Только
солнце усядется,
канув
за опустевшие
фабричные стройки,
стонут
окраины
от хулиганов
вроде вот этой
10 милой тройки.

Человек пройдет
и — марш поодаль.
Таким попадись!
Ежовые лапочки!
От них ни проезда,
от них
ни прохода
ни женщине,
ни мужчине,
20 ни электрической лампочке.
«Мадамочка, стой!
Провожу немножко...
Клуб?
Почему?
Ломай стулья!
Он возражает?
В лопатку ножиком!

Зубы им вычти!
Помножь им скулья!»
30 Гудят
в башке
пивные пары́,
тощая мысль
самогоном
смята,
и в воздухе
даже не топоры,
а целые
небоскребы
40 стоэтажного
мата.

Рабочий,
этим ли
кровь наших жил?!
Наши дочки
этим разве?!
Пока не поздно —
конец положи
этой горланной
50 и грязной язве!

[*1924*]

СЕЛЬКОР

Город растет,
а в далекой деревне,
в тихой глуши
медвежья угла
все еще
стынет
в дикости древней
старый,
косматый,
10 звериный уклад.
Дико в деревне,
и только селькоры,
жизнь
подставляя
смертельным рискам,
смело
долбят
непорядков горы
куцым
20 своим
карандашным огрызком.
Ходит
деревнею
слух ухатый:
«Ванька — писатель!» —
Банда кулацкая,
камни запрятав,
таится у хаты,

бродит,
30 зубами
по-волчьи лацкает.
В темном лесу
настигнут к нòчи...
«Ванька идет!
Православные,
тише!»
Раз топором!
А после гогочут:
«Што?
40 Теперь,
небойсь, не напишет!»
Труден
и тяжек
путь селькора.
Но славят
и чтут вас
каждый день
все,
кто беден,
50 все, кто в горе,
все, кто в обиде,
все, кто в нужде!
Враг богат,
изворотлив
и ловок,
но не носить нам
его оков.
Ваш карандаш
вернее винтовок,
60 бьет
и пронзает
лучше штыков.

[*1924*]

НА ПОМОЩЬ

Рабочий!
Проснись,
вставай
и пройди
вверх
и вниз по Цветному.
В тебе
омерзенье
и страх родит
10 этот
немытый
омут.
Смотри и слушай:
прогнивший смех,
взгляд
голодный и острый.
Идут,
расфуфырясь
в собачий мех,
20 жены, дочки
и сестры.
Не за червонец даже,
за грош
эта
голодная масса
по подворотням
на грязи рогож
распродает
свое мясо.

30 Сюда
попробуй
сунься,
полезь!
Здесь
бьют
пострашнее танков!
Иссушит,
сгрызет
и свалит болезнь
40 тебя,
и детей,
и правнуков!
Идут —
накрашены обе щеки —
аллеей
грязной и торной,
а сбоку
с червонцами покупщики,
как будто —
50 над падалью вороны.
Я знаю:
такое
не вытравишь враз,
века
проституток калечат.
Я знаю:
десятки
красивеньких фраз
болезни веков
60 не излечат.
Рабочий,
нужду
учись понимать
не той лишь,
с которой венчанный.
Своя ли,
чужая ль жена
или мать —
рабочий, вниманье женщине!
[*1924*]

ПОСМЕЕМСЯ!

СССР!
Из глоток из всех,
да так,
чтоб врагу аж смяться,
сегодня
раструбливай
радостный смех —
нам
можно теперь посмеяться!
10 Шипели: «Погибнут
через день, другой,
в крайности —
через две недели!»
Мы
гордо стоим,
а они дугой
изгибаются.
Ливреи надели.
Бились
20 в границы Советской страны:
«Не допустим
и к первой годовщине!»
Мы
гордо стоим,
а они —
штаны
в берлинских подвалах чинят.

Ллойд-Джорджи
ревели
30 со своих постов:
«Узурпаторы!
Бандиты!
Воришки!»
Мы
гордо стоим,
а они — раз сто
слетали,
как еловые шишки!
Они
40 на наши
голодные дни
радовались,
пожевывая пончики.
До урожаев
мы доживаем,
а они
последние дожевали
мильончики!
Злорадничали:
50 «Коммунистам
надежды нет:
погибнут
не в мае, так в июне».
А мы,
мы — стоим.
Мы — на 7 лет
ближе к мировой коммуне!
Товарищи,
во-всю
60 из глоток из всех —
да так, чтоб врагам
аж смяться,
сегодня
раструбливайте
радостный смех!
Нам
есть над чем посмеяться!
[*1924*]

ФЛАГ

Ты пёр
позавчера
за громыханьем
врангелевских ядер.
Теперь
в изумленьи юли!
Вот мы —
с пятьдесят—
стоим
10 на пяди
Советской
посольской земли.
Товарищи,
двое
док
таких, что им
и небо пустяк,
влезли
и стали
20 крепить на флагшток
в серпе и молоте
ситцевый стяг.
Флажок тонковат,
помедлил минутцу,
кокетничал с ветром,
и вдруг
флажок

развился в ветре
и стал пламениться,
30 зажег облака,
поднебесье зажег.
Париж отвернулся,
Париж крепится,
хранит
солидность,
годами вселённую.
Но вот
пошла
разрастаться тряпица
40 на весь Париж,
на мир,
на вселенную.
Бурчат:
«Флажок за долги?
Не цена!»
А тут —
и этого еще не хватало!—
Интернационал
через забор
50 махнул
и пошел по кварталам.
Факт —
поют!
Играют —
факт!
А трубы дулись,
гремели.
А флаг горит,
разрастается флаг.
60 Переполох на Гренелле.
Полезла консьержка.
Консьерж полез.
Из всех
из парадных окрест,
из тысяч
свистков
«Аксион франсез»

ревет
кошачий оркестр.
70 Орут:
«Чем петь,
гоните долги!»
Мы жарим.
Смолкают, выждав.
И снова
свистят,
аж трещат потолки.
Мы вновь запеваем —
трижды.
80 Я крикнуть хочу:
«Извините, мусьи!
Мы
здесь
пребываем по праву.
Для этого
мили
Буденный месил,
гоняя
белых ораву.
90 Орете не вы,
а долги орут.
Доели
белые,
знать.
Бросали
франки в них,
как в дыру,
пока
догадались
100 признать.
В драках,
чтоб песне
этой
распе́сниться,
рубили нас
белые
в доски.

Скажите,
их пушки
110 вашим
ровесницы?
Их пули
вашинским
тёзки?
Спуститесь на землю!
Мораль —
облака.
Сторгуемся,
милые тети!
120 У нас
от нашествий,
у нас
от блокад
ведь тоже
трехверстный счетик.
Мы стали
тут
и не двинемся с места.
А свист —
130 как горох
об гранит.
Мы мёрли,
чтоб петь
вот это
вместо
«Боже,
буржуев храни».

[*1924—1925*]

ТРЕТИЙ ФРОНТ

Эй,
Роста,
давай телеграммы
во все концы!
Сегодня
со всех союзных мест
красной
учительской армии бойцы
сошлись
10 на первый
учительский съезд.
На третьем фронте
вставая горою,
на фронте учебы,
на фронте книг,—
учитель
равен
солдату-герою —
тот же буденновец
20 и фронтовик.
Он так же
мёрз
в окопах школы;
с книгой,
будто с винтовкой,
пешком
шел разутый,
чуть не голый,

верст за сорок
30 в город
с мешком.
С краюхой черствой,
с мерзлой луковкой,
Он,
слушая
вьюги шрапнельный рой,
сражался,
бился
с каждой буковкой,
40 идя
в атаки
со всей детворой.
В ОНО
и в ВИКе
к общей благости
работай
не за страх, а за совесть,
а плату
за май
50 получишь в августе —
вот
шкрабовских дней
печальная повесть.
Пошла
всесоюзная
стройка да ковка.
Коль будем
сильны
и на третьем фронте —
60 Коммуну
тогда
ни штыком,
ни винтовкой —
ничем
с завоеванных мест не стронете.
И шкраб,
как ребенка,
школу вынашивал,

пока
70 сменялась миром гроза.
И вот
со всего
Союза нашего
на шкраба
с вниманьем
поднялись глаза.
У нас
долгов
пред учителем
80 много,
на весь ССР
сегодня
звучите:
идущий
со своей коммуною в ногу,
да здравствует
красный
народный учитель!
Но каплю и грусти
90 прибавим к этому:
учитель,
чеши виноватое темя,—
каб раньше
учитель
пошел за Советом,
мы,
может быть,
были бы
сплошь грамотеями.

[*1925*]

РАБКОР

«Ключи счастья»
напишет какая-нибудь дура.
Это
раньше
и называлось:
л-и-т-е-р-а-т-у-р-а!
Нам этого мало —
не в коня корм.
Пришлось
10 за бумагу
браться рабкорам.
Работы груда.
Дела горы.
За что ни возьмись —
нужны рабкоры!
Надо
глядеть
за своим Пе-Де —
не доглядишь,
20 так быть беде.
Того и гляди
(коль будешь разиней)
в крестины
попа
привезет на дрезине.
Покрестит
и снова
гонит вон —

в соседнем селе
30 закупить самогон.
Пе-Че пропиши,
чтоб не брал Пе-Че
казенный кирпич
для своих печей.
С Те-Че
и с Ше-Че
не спускайте глаз,
а то,
разозлясь,
40 изорвут стенгаз.
Пиши!
И пусть
не сходит со стен
сам
совпревосходительный
эН!
С своих
высоких постов,
как коршуны,
50 начальства
глядят
на работу рабкорщины.
Позеленев
от пяток до носа,
грозят
— Уволим!—
Пишут доносы.
Да у рабкоров
не робкий норов,
60 и взять на пушку
нельзя рабкоров.
Знаем
печатного слова вес,
не устрашит
ни донос,
ни обрез.

Пишет рабкор.
Рабкор —
проводник
70 ленинских дел
и ленинских книг.
Пишет рабкор
За рабкорами
скоро
в селах
родится
селькор за селькором.
Пишет рабкор!
Хватает стенгаз
80 лучше, чем пуля,
чем штык,
чем газ.
И от того,
что пишет рабкор,
сохнет
белогвардеец и вор.
Вперед, рабкоры!
Лозунг рабкорин:
— Пишите в упор!
90 — Смотрите в корень!

[*1925*]

РАБКОР

Лбом
пробив
безграмотья горы,
сразу
за перья
засели рабкоры.
Тот — такой,
а этот —
этакий,—
[10] каждого
надо
взять под заметки.
Спецы,
замзавы
и завы,
как коршуны,
злобно
глядят
на работу рабкорщины.
[20] Пишет:
«Поставили
скверного спеца,
с ним
ни в какой работе не спеться».
Впишет,
подумает:
— Кажется, здорово?!—

Радостью
светит
30 улыбка рабкорова.
Пишет:
«Петров
подозрительной масти,
лезет к бабью,
матершиниться мастер».
Белым
и ворам
эта рабкорь
хуже, чем тиф,
40 чем взрослому корь.
Сжали кулак,
насупили глаз,
рады б порвать
и его
и стенгаз.
Да у рабкоров
не робкий норов,
голой рукой
не возьмешь рабкоров.
50 Знают
печатного слова вес,
не устрашит рабкора
обрез.
Пишут рабкоры,
лозунг рабкорин:
— Пишите в упор
и смотрите в корень!

[1925]

НЕМНОЖКО УТОПИИ

ПРО ТО, КАК ПОЙДЕТ МЕТРОШКА

Что такое?
Елки-палки!
По Москве —
землечерпалки.
Это
улиц потроха
вырывает МКХ.

МКХ
тебе
10 не тень
навело
на майский день.
Через год
без всякой тени
прите
в метрополитене.

Я
кататься не хочу,
я
20 не верю лихачу.
Я
полезу
с Танею
в метрополитанию.

Это
нонече
не в плане —
в тучи
лезть
30 на ероплане.
Я
с милёнком Семкою
прокачусь подзёмкою.

Под Москвой
товарищ крот
на аршин
разинул рот.
Электричество гудёт,
под землей
40 трамвай идет.

Во Москве-реке
карась
смотрит
в дырочку сквозь грязь.
Под рекой
быстрей налима
поезда проходят мимо.
У трамвайных
у воришек
50 в морде
радости излишек.
Времена пойдут не те,
поворуем
в темноте.

У милёнка
чин огромный:
он
в милиции подзёмной.
За проезд цена кусается.
60 Крот
в метрошку
лезет зайцем.

[*1925*]

ДВА МАЯ

Сегодня
забыты
нагайки полиции.
От флагов
и небо
огнем распалится.
Поставить
улицу —
она
10 от толп
в один
смерчевой
развихрится столб.
В Европы
рванется
и бешеный раж ее
пойдет
срывать
дворцов стоэтажие.
20 Но нас
не любовь сковала,
но мир
рабочих
к борьбе
взбарабанили мы.
Еще предстоит —
атакой взбежа,

восстаньем
пройти
30 по их рубежам.
Их бог,
как и раньше,
жирен с лица.
С хвостом
золотым,
в копытах тельцà.
Сидит расфранчен
и наодеколонен.
Сжирает
40 нà день
десять колоний.
Но скоро,
на радость
рабам покорным,
забитость
вырвем
из сердца
с корнем.
Но будет —
50 круги
расширяются верно
и Крест-
и Проф-
и Коминтерна.
И это будет
последний... —
а нынче
сердцами
не нежность,
60 а ненависть вынянчим.
Пока
буржуев
не выжмем,
не выжнем —
несись
по мужицким
разваленным хижинам,

несись
по асфальтам,
70 греми
по торцам:
— Война,
война,
война дворцам!
А теперь
картина
идущего,
вернее,
летящего
80 грядущего.
Нет
ни зим,
ни осеней,
ни шуб...
Май —
сплошь.
Ношу
к луне
и к солнцу
90 два ключа.
Хочешь —
выключь.
Хочешь —
включай.
И мы,
и Марс,
планеты обе
слетелись
к бывшей
100 пустыне Гоби.
По флоре,
эту печку
обвившей,
никто
не узнает
пустыни бывшей.

Давно
пространств
меж мирами Советы
110 слетаются
со скоростью света.
Миллионами
становятся в ряд
самолеты
на первомайский парад.
Сотня лет,
без самого малого,
как сбита
банда капиталова.
120 Год за годом
пройдут лета еще.
Про них
и не вспомнит
мир летающий.
И вот начинается
красный парад,
по тысячам
стройно
скользят и парят.
130 Пустили
по небу
красящий газ —
и небо
флагом
красное враз.
По радио
к звездам
— никак не менее! —
гимны
140 труда
раскатило
в пение.
И не моргнув
(приятно и им!)
планеты
в ответ
рассылают гимн.

Рядом
с этой
150 воздушной гимнастикой
— сюда
не нанесть
бутафорский сор —
солнце
играм
один режиссер.
Всё
для того,
веселиться чтобы.
160 Ни ненависти,
ни тени злобы.
А музыка
плещется,
катится,
льет,
пока
сигнал
огласит
— разлёт!—
170 И к солнцу
отряд
марсианами вскинут.
Купают
в лучах
самолетовы спины.

[*1925*]

МАЙ

Помню
старое
1-ое Мая.
Крался
тайком
за последние дома я.
Косил глаза:
где жандарм,
где казак?
10 Рабочий
в кепке,
в руке —
перо.
Сходились —
и дальше,
буркнув пароль.
За Сокольниками,
ворами,
шайкой,
20 таились
самой
глухой лужайкой.
Спешили
надежных
в дозор запречь.
Отмахивали
наскоро
негромкую речь.

Рванув
30 из-за пазухи
красное знамя,
шли
и горсточкой
блузы за нами.
Хрустнул
куст
под лошажьей ногою.
— В тюрьму!
Под шашки!
40 Сквозь свист нагаек!—
Но нас
безнадежность
не жала тоской,
мы знали —
за нами
мир заводской.
Мы знали —
прессует
минута эта
50 трудящихся,
нищих
целого света.
И знал
знаменосец,
под шашкой осев,
что кровь его —
самый
вернейший посев.
Настанет —
60 пришедших не счесть поимённо —
мильонами
красные
встанут знамёна!
И выйдут
в атаку
веков и эр
несметные силища
Эс Эс Эс Эр.

[1925]

КРАСНАЯ ЗАВИСТЬ

Я
еще
не лыс
и не шамкаю,
все же
дядя
рослый с виду я.
В первый раз
за жизнь
10 малышам-ка я
барабанящим
позавидую.
Наша
жизнь —
в грядущее рваться,
оббивать
его порог,
вы ж
грядущее это
20 в двадцать
расшагаете
громом ног.
Нам
сегодня
карежит уши
громыханий
теплушечных
ржа.
Вас,
30 забывших
и имя теплушек,

разлетит
на рабфак
дирижабль.
Мы,
пергаменты
текстами са́ля,
подписываем
договора.
40 Вам
забыть
и границы Версаля
на борту
самолета-ковра.
Нам —
трамвай.
Попробуйте,
влезьте!
Полон.
50 Как в арифметике —
цифр.
Вы ж
в работу
будете
ездить,
самолет
выводя
под уздцы.
Мы
60 сегодня
двугривенный потный
отчисляем
от крох,
от жалований,
чтоб флот
взлетел
заработанный,
вам
за юность одну
70 пожалованный.

Мы
живем
как радиозайцы,
телефонные
трубки
крадя,
чтоб музыкам
в вас
врезаться,
80 от Урала
до Крыма грядя.
Мы живем
только тем,
что тощи,
чуть полней бы —
и в комнате
душно.
Небо
будет
90 ваша жилплощадь —
не зажмет
на шири
воздушной.
Мы
от солнца,
от снега зависим.
Из-за дождика —
с богом
судятся.
100 Вы ж
дождем
раскропите выси,
как только
заблагорассудится.
Динамиты,
бомбы,
газы —
самолетов
наших
110 фарш.

Вам
смертями
не сыпать наземь,
разлетайтесь
под звонкий марш.
К нам
известье
идет
с почто̀вым,
130 проплывает
радость —
год.
Это
глупое время
на что вам?
Телеграммой
проносится код.
Мы
в камнях
140 проживаем вёсны —
нет билета
и денег нет.
Вам
не будет
пространств повѐрстных —
сам
себе
проездной билет.
Превратятся
150 не скоро
в ягодку
словоцветы
О. Д. В. Ф.
Те,
кому
по три
и по два годка,
вспомни
нас,
160 эти ягоды съев.

[*1925*]

ЯЛТА—НОВОРОССИЙСК

Пустяшный факт —
а вот пожалте!
И месяцы
даже
его не истопали.
С вечера
в Ялте
ждал «Севастополя».
Я пиво пил,
10 изучал расписание,
охаживал мол,
залив огибающий,
углублялся
в круги
для спасания
погибающих.
Всю ночь прождали.
Солнце взвалив,
крымское
20 утро
разинулось в зное.
И вот
«Севастополь»
вылез в залив,
спокойный,
как заливное.
Он шел,
как собака
к дичи подходит;

30 вползал,
как ревматик
вползает на койку.
Как будто
издевается пароходик,
на нас
из залива
делая стойку.
Пока
прикрутили
40 канатом бока,
машина
маслом
плевалась мило.
Потом
лебедкой
спускали быка —
ревел,
возможно
его прищемило.
50 Сошел капитан.
Продувная бестия!
Смотрел
на всё
невинней овцы.
Я тыкал
мандат,
прикрывая
«Известия»
и упирая
60 на то, что «ВЦИК».
Его
не проведешь на мандате—
бывали
всякие
за несколько лет!
— Идите
направо,
червонец дайте,

а вам
70 из кассы
дадут билет.—
У самого лег
у котла
на наре.
Варили
когда-нибудь
вас
в самоваре?
А если нет,
80 то с подобным неучем
нам
и разговаривать не о чем.
Покойнице
бабушке б
ехать в Батум —
она — так дà —
недурно поспàла бы.
В поту
бегу
90 на ветер палубы.
Валялась
без всяких классов,
горою
мяса,
костей
и жира,
разваренная масса
пассажиров.
А между ними
100 две,
в моционе,
оживленнейшие дамочки.
Образец —
дореволюционный!
Ямки и щечки,
щечки и ямочки.
Спросил капитана:
— Скажите, как звать их?

Вот эти вот
110 две
моркови?—
— Левкович,
которая порозоватей,
а беленькая —
Беркович.
Одна говорила:
— Ну и насели!
И чистая
публика
120 не выделена!
Когда
на «Дофине» сидела
в Марселе —
французы сплошь!
Удивительно! —
Сидел
на борту
матрос лохматина,
трубе
130 корабельной
под рост.
Услышал,
обдумал,
ругнулся матерно
и так
сказал
матрос:
— Флотишко
белые сперли
140 до тла!
Угнали.
У нас —
ни кляпа̀!
Для нашей
галоши
дыры котла
сам
собственноручно клепал.

Плывет плоховато —
150 комода вроде.
На этих
дыни возили раньше нам.
Два лета
работал я
в Райкомводе.
В Одессе
стоит иностранщина.
Не пароходы,
а бламанже!
160 У нас
в кочегарках
от копоти залежь,
а там
работай
хоть в паре манжет —
старайся,
и то не засалишь.
Конечно,
помягше
170 для нежных задов,
но вот что,
мои мамаши:
здесь тише,
здесь тверже,
здесь хуже —
зато
н-а-ш-е!
Эх,
только были бы тут рубли —
180 Европа
скупая гадина,—
уж мы б
понастроили б нам корабли
— громадина!
Чтоб мачта
спичкой казалась
с воды,
а с мачты —
море в овчину.

190 Тады́
катай
хоть на даровщину! —

Не знаю,
сколько это узлов
плелись,
не быстрей комода.
И в Черное море
плюнул зло
моряк
200 из Райкомвода.

[*1925*]

ВЫВОЛАКИВАЙТЕ БУДУЩЕЕ!

Будущее
            не придет само,
если
      не примем мер.
За жабры его,— комсомол!
За хвост его,— пионер!
Коммуна
            не сказочная принцесса,
чтоб о ней
10   мечтать по ночам.
Рассчитай,
             обдумай,
                          нацелься —
и иди
         хоть по мелочам.
Коммунизм
              не только
у земли,
           у фабрик в поту.
20 Он и дома
              за столиком,
в отношеньях,
                  в семье,
                           в быту.
Кто скрипит
               матершиной смачной
целый день,
               как немазаный воз,

тот,
30 кто млеет
под визг балалаечный,
тот
до будущего
не дорос.
По фронтам
пулеметами такать —
не в этом
одном
война!
40 И семей
и квартир атака
угрожает
не меньше
нам.
Кто не выдержал
натиск домашний,
спит
в уюте
бумажных роз,—
50 до грядущей
жизни мощной
тот
пока еще
не дорос.
Как и шуба,
и время тоже —
проедает
быта моль ее.
Наших дней
60 залежалых одёжу
перетряхни, комсомолия!

[1925]

ДАЕШЬ МОТОР!

Тяп да ляп —
не выйдет корабль,
а воздушный —
и тому подавно.
Надо,
чтоб винт
да чтоб два крыла б,
чтоб плыл,
чтоб снижался плавно.
10 А главное —
сердце.
Сердце — мотор.
Чтоб гнал
ураганней ветра.
Чтоб
без перебоев гудел,
а то —
пешком
с трех тысяч
20 метров.
Воробьи,
и то
на моторах скользят.
Надо,
сердце чтоб
в ребра охало.
А замолк
мотор —
и лететь нельзя.

30 И на землю
падает
дохлый.
Если
нужен
мотор
и для воробья,
без него
обойдутся
люди как?
40 Воробей
четверку весит,
а я —
вешу
пять с половиной
пудиков.
Это мало еще —
человечий вес.
А машина?
Сколько возьмет-то?!
50 Да еще
и без бомб
на войну
не лезь,
и без мины,
и без пулемета.
Чтоб небо
летчик
исколесил,
оставляя
60 и ласточку сзади,—
за границей
моторы
в тысячи сил
строят
тыщами
изо дня нà день.
Вот
и станут
наши
70 лететь в хвосте

на своих
ходынских
гробах они.
Тот же
мчит
во весь
тыщесильный темп —
только
в морду
80 ядром бабахнет.
И гудят
во французском небе
«Рено»,
а в английском
«Рольс-Ройсы».
Не догонишь
их,
оседлав бревно.
Пролетарий,
90 моторами стройся!
Если
враз
не сбережешь —
не сдавайся, брат,
потрудись
не неделю одну ты.
Ведь на первом
моторе
и братья Райт
100 пролетали
не больше минуты.
А теперь —
скользнут.
Лети, догоняй!
Только
тучи
кидает от ветра.
Шпарят,
даже
110 не сев
в течение дня,

по четыреста

— в час! —

километров.

Что̀ мотор —

изобрел

буржуйский ум?

Сами

сделали

120 и полетали?

Нет,

и это чудо

ему

по заводам

растил

пролетарий.

Эй,

рабочий русский,

в чем затор?

130 Власть

в своих руках

держа, вы —

втрое лучший

должны

создать мотор

для защиты

рабочей державы.

Вот

уже

140 наступает пора та —

над полями,

винтом тараторя,

оплываем

Рязань

да Саратов

на своем,

на советском

моторе.

Русский

150 часто

любит

«жить на авось» —

дескать,
вывезет кривая.
Ты
в моторном деле
«авоськи» брось,
заграницы
трудом
160 покрывая.
По-иному
поставь
работу.
Сам
к станку
приставься ра̀ненько.
Каждый час
проверь
по НОТу.
170 Взрасти
слесарей
и механиков...
Чтоб скорее
в счастье
настали века,
коммунисты
идут к которым,
ежедневно
потей
180 и корпи, «Икар»,
над родным
советским
мотором.
Пролетарии,
помните
это лишь вы:
землю
взмыли,
чтоб с птицей сравняться ей.
190 Так дружней
за мотор
возьмись, «Большевик», —

это
сердце
всей авиации.
Надо —
сердце.
Сердце — мотор,
чтоб гнал
200 ураганней ветра,
чтоб
без перебоев гудел,
а то —
пешком
с трех тысяч
метров.
Надо,
чтоб винт
да чтоб два крыла б,
210 чтоб плыл,
чтоб снижался плавно.
Тяп да ляп —
не выйдет корабль,
а воздушный —
и тому подавно.

[*1925*]

О. Д. В. Ф.

— Не понимаю я, —
сказал
один,
в раздумье сев,—
что это
за такие
воздушные друзья
и что такое
О. Д. В. Ф.?—
10 Товарищ,
брось
в раздумье коптиться!
О. Д. В. Ф.—
это
тот,
кто сделает
тебя
птицей.
— А на что
20 воздушный флот?—
Вот.
Если
враг
с пулеметом,
враг с картечью
налетит,
на аэро сев,—
кто
в защиту
30 ему
полетит навстречу?

Самолет.
А его
построит
О. Д. В. Ф.
Если
лихорадка,
народ калеча,
налетит,
40 комаром насев,—
хину
кто повезет?
Кто
тебя
излечит?
Самолет.
А его
построит
О. Д. В. Ф.
50 Кто
прикажет,
за вёрсты увидев рыбу:
«Догоняй,
на лодки сев?»
(Ведь ее
с берегов
и не взвидели вы бы!)
Самолет.
А его
60 построит
О. Д. В. Ф.
Если
надо
в момент
исследовать местность,
враг
откуда
стреляет, засев,—

кто
70 ее промерит?
Известно:
самолет.
А его
построит
О. Д. В. Ф.
Если
надо
вмиг
доставить известие,
80 хоть верхом
на ласточку
сев,—
кто
его
доставит
с ветром вместе?
Самолет.
А его
построит
90 О. Д. В. Ф.
Если
Антанта
на нас
рассердится,
кто
смирит
антантин гнев?
Успокоит
антантино сердце
100 самолет.
А его
построит
О. Д. В. Ф.
Если
солнце
огненным глазом
выжигает
крестьянский посев —

кто
110 заставит
тучи
раздождиться наземь?
Самолет.
А его
построит
О. Д. В. Ф.
Если
надо
срочно
120 доставить клади,
хоть в ковер
в волшебный
засев,—
кто
и тысячу
верст
отмахает на̀ день?
Самолет.
А его
130 построит
О. Д. В. Ф.
Когда
жара
и дождь когда,
кто,
на тучи
чуть не сев,
предскажет
крестьянину
140 и жар
и холода̀?
Самолет.
А его
построит
О. Д. В. Ф.
Если надо,
чтоб мчал
пассажир,

в день
150 десятки
верст облетев,—
кто
отмашет
небесную ширь?
Самолет.
А его
построит
О. Д. В. Ф.
Если
160 не тушит
ни одна душа,
а пожар
разевает зев —
кто
взлетит
в облака,
тушá?
Самолет.
А его
170 построит
О. Д. В. Ф.
Вот
для чего
воздушный флот!
Чтобы, бомбы
в кузов
грузя,
не грозили
враги
180 насев,
объединились
летанья друзья
в содружество
О. Д. В. Ф.

[1925]

ВОТ ДЛЯ ЧЕГО МУЖИКУ САМОЛЕТ

Город —
летает.
Ушел в поднебесье.
Прет.
Сквозь тучи.
А рядом
в деревне—
меряет,
месит
10 проселки да веси
лаптем,
возком
по привычке древней.
Голову поднял
и видит
мужик —
там
самолет
разрезает небо.
20 Хмур мужичонко.
Дернул гужи.
— Не для ча
нам
подобная нéбыль.
Хватит
и тверди
на нашинский век.
Чай,
не всю
30 обпахали пока.

Ишь,
загордился!
Прет человек.
Лезет...
наверх...
к ангелам...
да к богам...
Это —
блажь,
40 на мужицкий взгляд.
Воздух...
На кой он надобен ляд? —
Брось.
Не скули.
Вглядись.
Поглазастей.
Глаз
защити
ладонями рук.
50 Этот
летун
в мужицком хозяйстве
нынче
первейший,
надежнейший друг.
Тот,
который
в это не верит,
сам
60 убедись
на первом примере.
Знает каждый,
бывает
часто —
надо
обмерить
земельный участок.
Без обмера
плохое дело:
70 ни надела,
ни передела.

Мужик
запрягает
гнедого мерина,
едет
искать
жилье землемерино.
Просят
крестьяне
80 за год
к зиме,
чтобы
к весне
прискакал землемер.
К весне
припрет
землемерина этакий,
да и пойдет
мотать рулетки.
90 Кто
разберется
в этаком деле?
Годы нужны ему
али
недели?!
Ну,
а цена землемера
кусается.
Носят
100 ему
то масло,
то яйца.
Дело
пойдет
куда короче,
если
в дело
вмешается летчик.
Мигом взлетит
110 (летуны на то они!).

Вся
деревенька —
как на ладони.
Взвился
с фотографом
аэроплан,
карточку снял —
и нá тебе —
план.
120 Нам хорошо,
и быстро,
и дешево,
и
у землемера
цела подошва.
Вот
зачем
при нашем строе
самолеты
130 лихо строят.
Чтоб взлетали
нá небо
да снимали
планы бы.
Крестьяне,
пользу с планами
видели?
Теперь —
другая:
140 борьба с вредителем.
Урожай.
Сам-сто.
Собирай, кончай.
И вдруг
на хлеб
нашла саранча.
Не боится,
гадина,
ни попа,
150 ни ладана.

Махонькая,
              а будто
                        в сажень рот!
Жрет
       и летает.
                   Летает
                          и жрет.
Крестьянин,
              и в этом деле
160   вот
не поп поможет,
                  а самолет.
Вылетел,
           пропеллером рыча.
— Где тут
              такая-растакая саранча? —
Увидел,
          рассыпал
                     ядовитый порошок,
170 хлебам
          не вредящий ни крошки.
Саранча подохла
                     и лежит
                              на вершок,
скрестив
           на пузе
                    ножки.
Вот
     зачем
180   при нашем строе
самолеты
           лихо строят.
Чтобы он
           летал
                  на нéбе
да смотрел
            за нашим хлебом.
Этого мало —
               с высшей пользою

190 в деле
в каждом
его используем.
Вот,
например,
лесной пожар
режет
целый лес
без ножа.
Не то что в лес —
200 не пройдешь
и мимо,
дома
сиди да чихай
от дыма.
Летчик
взлетел
и в зеленой гуще
видит,
где реже огонь,
210 где гуще.
Вмиг
облетел
окрестных жителей,
в нужных
местах
расставил тушителей.
Взялись
во весь
крестьянский дух.
220 Глядь,
через день
огонь и потух.
Чтоб скорей
домчать
газету,
тоже
лучше средства
нету.

Может
230 из любого
царства
вмиг
сюда
домчать лекарства.
Да и вас
доставит.
Вот
для чего вам
самолет.
240 Вот
зачем
при нашем строе
самолеты
надо строить.
Надо,
чтоб
по небесам
полетел
крестьянин сам.
250 А как построить?
Одному?
Туго.
Дорог самолет,
то-то и оно-то.
Сообща.
Попробуй,
стань другом
Красного
воздушного флота.
260 Полтина к полтине,
силу множа,
возьмитесь, разом насев.
В этом деле
всем поможет
Общество
Д. В. Ф.

[*1925*]

ТЕКСТЫ К РИСУНКАМ В ЖУРНАЛЕ „КРАСНЫЙ ПЕРЕЦ“

(1 9 2 4)

МАЛЕНЬКАЯ РАЗНИЦА

1. В Европе
   двое жирных людей
   ведут человека
   себя худей [1].
2. А мы
   облегчаем работу их:
   жирного водят
   двое худых.

[*1924*]

[1] На рисунке два жирных полицейских ведут худого рабочего.

ЗАПАСЛИВЫЙ КООПЕРАТОР

Зачем же мне к зиме коса?
Что мне, ею брить волоса?
— Зимой побреешь волòсья.
А там, глядишь, подрастут и колосья.

[*1924*]

КАЖДАЯ ФАБРИКА И КАЖДЫЙ ЗАВОД, ПОСМОТРИ ВНИМАТЕЛЬНО ЭТО ВОТ:

1. 1905 г. Эй, лодыри,
   работай до одури!
2. 1917 г. Взялись, и вот
   результат работы за 17-й год.
3. 1920 г. Опять упала производительность труда,—
   думает буржуй,— проберусь туда.
4. 192? г. А вот буржуй сидит и плачет,
   сами понимаете, что это значит.

[*1924*]

МЫ ПРОГНАЛИ С БИРЖИ ТРУДА ТЕХ, КТО ТАК ПРОЛЕЗ ТУДА

1. «Транспортники», усевшись в круг,
   железнодорожничают не покладая рук [1].
2. Вот день работницы «текстильной»,—
   мадам узор драконит стильный [2].
3. Вот матерой «пищевичочек»,
   по пуду каждая из щечек [3].
4. А «водник», разжирев моржом,
   сидит и пьет себе «Боржом» [4].

[*1924*]

[1] Нарисованы нэпманы, играющие в «chemin de fer» («железку»).
[2] Буржуйка у себя дома за вышиваньем.
[3] Толстый буржуй за обедом.
[4] Подагрический старик пьет минеральные воды.

ПОСТОЯЛ ЗДЕСЬ, МОТНУЛСЯ ТУДА — ВОТ И ВСЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

1. Пришел Петров,
осмотрел станок.
С полчаса потоптался
на каждой из ног.
2. Час на это топтанье
потерял
и побежал
получать материал.
3. В конторе тоже
порядок простой:
за ордером
полчаса постой.
4. Получил ордер;
теперь надо
в очереди за материалом
постоять у склада.
5. Вернулся,
станок осмотрел тонко
и видит:
не в порядке шестеренка.
6. Работа — не отдых,
не сидка средь леса,
побежал отыскивать,
где слесарь.

7. Петров, пока
шестеренка чинится,
то зевнет,
то подбоченится,

8. наконец после
работы упорной
пошел отдохнуть —
покурить в уборной.

Из этих строчек
вывод простой:
рабочий,
уничтожь
и гульбу, и простой!

[*1924*]

1. Ворковал
(совсем голубочек)
Макдональд
посреди рабочих.
2. Не слова — бриллиантов
караты
сыплет всласть
Макдональд
оратор.
3. Всех горланов
перегорланит
и без мыла
прет в парламент.
4. Макдональд
и важен
и выспрен:
он еще
и еще переизбран!
5. Макдональду
везет без меры:
он в «рабочие»
избран
премьеры.
6. Прибавляет
к великой спеси
тридцать
тысяч
фунтов
в весе.

7. И за это
первому
в городе
нацепляет
буржую
орден.
8. И по милости
тех, которых,
катит он
в дареных моторах.
9. Прет вперед
он (любо-дорого!),
к ручке пущен
царя Георга.
10. Вверх катиться
резко и быстро
лестно
и для премьер-министра.
11. Знай катай,
но и знай меру,
а без меры
вредит и
премьеру.
12. Свистят рабочие:
— Ишь, канальи,—
глядя на пятки
Макдональи.

[*1924*]

ГРУСТНАЯ ПОВЕСТЬ ИЗ ЖИЗНИ ФИЛИППОВА

ПРОСИМ ПЕКАРЕЙ НЕ РЫДАТЬ И НЕ ВСХЛИПЫВАТЬ!

«Известный московский булочник Филиппов, убежавший в свое время за границу, обратился за денежной помощью к московским пекарям». (*«Правда»*)

1. Филиппов —
не из мелочей,—
царю он
стряпал торты.
Жирел
с продажи калачей —
и сам
калач был тертый.

2. Октябрь
подшиб торговый дом.
Так ловко попросили их,
что взмыл
Филиппов,
как винтом,
до самой
до Бразилии.

3. В архив
иллюзии сданы,

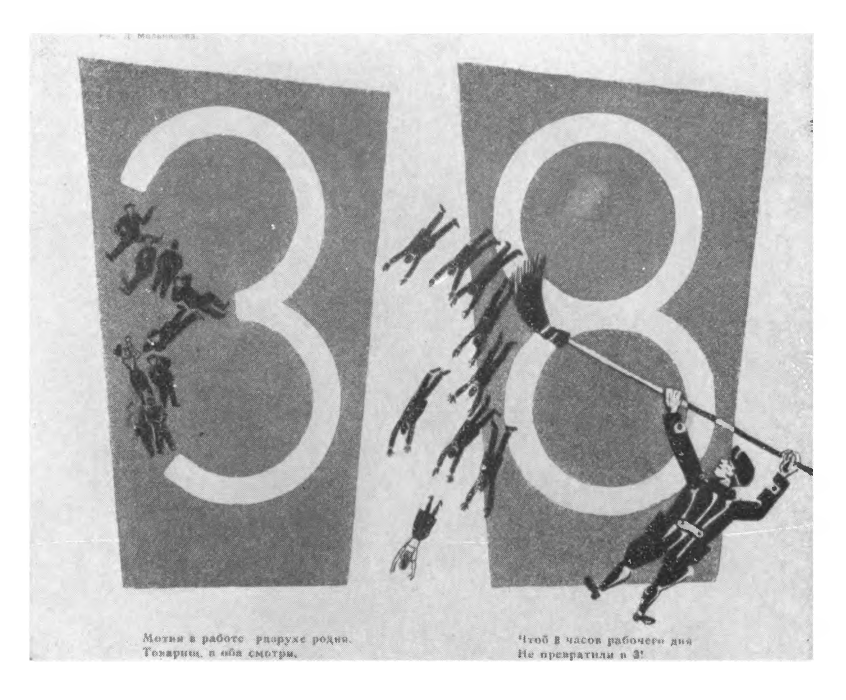
живет Филиппов
липово:
стощал Филиппов,
и штаны
протерлись у Филиппова.

4. Вдруг
озаряется лицо
в тиши
бразильской ночи:
Филиппов
пишет письмецо
в Москву,
к «своим» рабочим.

5. «Соввласть
и вас
люблю, ей-ей,
и сердцем я
и разумом.
Готов
за тысячу рублей
признать
с энтузиазмом!

6. Прошу
во имя ИСУХРИ,
жду
с переводом бланки,—
вновь
запеку я сухари
и снова
встану нà ноги».

7. Во-всю
сияют пекаря
и прыгают,
как дети,
строчат,
любовию горя,
Филиппову ответик.

Текст к рисунку в журнале «Красный перец», 1924, № 23.

8. Мадам Филиппова
                    ревет,
дочь
    скачет, как кобылка,—
им даже
        и не перевод,
а целая —
            посылка!..

9. Восторг!
        От слез —
                    глаза в росе.
Такой
    не ждали штуки ж!
И вдруг блеснул во всей
                        красе
им —
    шоколадный кукиш!

[*1924*]

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, НАМОТАЙ НА УС — КТО ЮЗ

1. В молодости
Юз
перед судебным органом
защищал
миллиардера Моргана.
2. Провода под землей —
де дорого и далече,—
пусть так висят
и рабочих калечат!
3. Видя,
что Юз —
человек свой,
дружит с ним трест
«Стандарт-Ойль».
4. Тресты
Юза
и туда и сюда:
Юз —
член
верховного суда.
5. Юз-судья
глядит сквозь
пальчики
на господ,
замешанных
в нефтяном скандальчике.

6. За это
Юза
папаши из трестов
сажают
на статс-секретарское место.
7—8. Ненавистью
и злобой дыша,
языком
обматывает
земной шар.
9. Теперь,
от наживы
слюнками тая,
лезет лапой
к горлу Китая!
10. Но Юзу
охочее
всех охот —
на нас повести
крестовый поход.
11. Без хлеба
и соли,
но от всего сердца
ждем Юза
с красным перцем!

[*1924*]

КРЕСТЬЯНСКОЕ

Нищета
          и ничего более
у нас
        от этого самого трехполья!
Сажайте не покладая рук вы
свеклы,
          репы,
                моркови
                        и брюквы!
10 Обилие корма —
                радость коровья.
Доится
          во все коровье здоровье.
В придачу
            золото, а не навоз,
вози на землю
              за возом воз.
И в результате
                узнаешь нас ли?!
20 Катаемся,
            как сыр в масле.
Червонцами
            полон чан.
У нас просят,
              а не мы у англичан!
Чтоб к нам
            не приставал
                        непонятливый лодырь,

мораль вывожу:
30 мы
за корнеплоды.
И «Красный перец»
в результате вот
распространился
как корнеплод.

[1924]

1. Мотня в работе — разрухе родня.
   Товарищ, в оба смотри,
2. чтоб 8 часов рабочего дня
   не превратили в 3.

[*1924*]

РАБОЧИЙ, ЭЙ!

1. Раньше
   купеческий сыночек
   так прогуливал свободные ночи:
   «Пей, Даша!
   Пей, Паша!
   Все равно
   за все
   заплатит папаша».
2. Папаша потрогает сынку бочок,
   нарвет ушей с него целый пучок.
   Да еще, чтоб не повторялся прогул,
   вывернет кстати одну из скул.
3. А сам наутро,
   чтоб не разориться,
   прогуленное
   с рабочих
   выжмет сторицей.
4. А теперь
   в прогул
   прогуливает рабочий,
   к сожалению,
   рабочие дни, а не ночи.
5. Прогуливает
   не доходы папаши,
   а смычку с деревней
   и производство наше!
6. Ему не нарвешь —
   в бороде и с усами!

Товарищи,

прогульщиков клеймите сами!

Помни, рабочий:

каждый прогул

горе — нам,

радость — врагу.

[*1924*]

НАШИ ПОПРАВКИ
В АНГЛО-СОВЕТСКИЙ ДОГОВОР

1. Дин-дин-дон!
   Дин-дин-дон!
   Лондон —
   сумасшедший дом.
   Те: «Дадим»,
   а эти: «Им
   ни копейки не дадим».
2. Вот взъерошенный, как ёж,
   в драку лезет Ллойд-Джордж.
   «Где ты, Асквит?
   Подсоби!
   Дам я в морду Понсоби...»
3. Достопочтенный лорд Черчилль
   совсем в ругне переперчил:
   орет,
   как будто чирьи
   вскочили на Черчилле.
4. Речь водой у Макдональда,
   льет он — надо аль не надо.
   Иль с елеем
                    ставит клизму
   старику капитализму.
5. А потом
               орут:
                    «Пора!
   Подавайте выбора!»

Невдомек
английским комикам,
как покончить
с этим домиком.
6. Вот
рабочим
наш совет:
встаньте раненько,
чуть свет,
и, встав
с зарею утренней,
заем устройте
внутренний.
7. Заодно
пусти спиралью
дрянь консерволибералью.
А фунты и прочее
пусть возьмут
рабочие.
8. Мы б вступили с этих пор
и без прений
в договор.
Тут и спор о займе к черту:
по любви,
не по расчету!

[*1924*]

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

1. В воскресенье
от звона
такой шум,
что и весельчаку
самоубийство
идет на ум.
Звонить вручную —
путь окольный.

2. Провел провода,
кнопку нажал,—
и бог
моментально
со своей колокольни
обулся
и прибежал.

3. А если
звонарям
некуда
деться,
приставить
к парадным —
не разберешься
без спе́ца!
Не разобраться
без ангелов кротких,
где два длинных,
а где
два коротких.

«РАБОЧИЙ» МАКДОНАЛЬД И БУРЖУЙ АСКВИТ

Английские марионетки
лучшей выточки:
речи разные,
а на одной ниточке.

[*1924*]

ПОВЕСТВОВАНИЕ ЭТО О СТРАНСТВИИ ЭСЕРА ВОКРУГ СВЕТА

1917 г.

1. В Москве в 17-м году
с Корниловым играл
в одну дуду.

1918 г.

2. Рысью, в резвом аллюре,
припустил к гетману и Петлюре.

1919 г.

3. Нос по ветру, глаза начеку,
дернул в Сибирь к Колчаку.

1920 г.

4. — Нет ни Колчака, ни чехов больше...
Отчего не послужить
Барону и Польше?

1921 г.

5. — Каждому известно —
«Свет с востока».
Попробую выудить
монету в Токио!

1922 г.

6. — Годик прокормлюсь
в Константинополе,

пока монархисты не всё
подлопали.

1923 г.

7. Оттуда — весь в мыле —
в Америку:
— Не отслюните ль деньжат
эсерику?

1924 г.

8. Эмигрантского
житьишка
нет жиже —
продает цветы в Париже.

[*1924*]

СМОТРИ, ЧТОБ ПРАЗДНИК ПЕРЕШЕЛ И В БУДНИ, ЧТОБ ШЛИ НА РАБОТУ ПРАЗДНИКА МНОГОЛЮДНЕЙ

1. Смычку
изображают так вот:
рабочий
крестьянину
руку жмет.

2. Смотри,
чтоб рукопожатию
и в будни перейти —
помоги кооперативу,
нажимай на кооператив.

3. Дело очень легкое и простое—
в праздник
о производительности
послушать стоя.

4. Посмотри,
на заводе
так не стой,
чтоб вместо работы
не вышел простой.

5. В праздник
чье же сердце не радо
видеть
пионеров,
идущих парадом?

6. Но ты
и в будни
от всего сердца
помоги пионеру
по рисунку «Перца» [1].

[*1924*]

---

[1] На рисунке взрослые несут пионерам одежду, обувь, книги.

Страница журнала «Красный перец», 1924, № 24.

1. Не предаваясь «большевистским бредням»,
   жил себе Шариков буржуйчиком средним.
2. Но дернули мелкобуржуазную репку,
   и Шариков шляпу сменил на кепку.
3. В кепке у Шарикова — умная головка;
   Шариков к партии примазался ловко.
4. Дальше — о Шарикове добрые вести:
   Шариков — делами ворочает в тресте.
5. Затем у Шарикова — родственников кучка.
   Зашел один — пухлая ручка.
6. С братцем троюродным не станешь же драться?!
   Шариков мандатом наделяет братца.
7. За первым, в спасение о родстве своем,
   к мандатам родственнички тянутся вдвоем.
8. Стали и эти вдвоем в работу:
   трест обрабатывать до седьмого поту.
9. А у Шарикова — даже палец затек:
   требуют мандаты то свояк, то зятек.
10. Родственными связями упоен,
    Шариков «связал» ими весь район.
11. Шариковы грабят в двести рук,
    точь-в-точь — паутина, а в центре паук.
12. Так бы и висела, да РКК.
    смела в два счета Шарикова-паука.

[1924]

1. Юз, незнакомый с проволóчкой,
   нас оплетал колючей прóволочкой.
2. Но наш товар блокаду разрывает...
   Блокада порвана — и Юз теперь рыдает.

[*1924*]

ЛОЗУНГ-ПЛАКАТ

(1 9 2 4)

ТЕКСТЫ ДЛЯ ПЛАКАТОВ НАРКОМФИНА

1

Новые деньги,
стоящие твердо,
укрепят хозяйство
деревни и го́рода.

2

Всех врагов,
не добитых дубьем,
теперь
рублем
наверно добьем.

3

Нынче
светлая пора
под серпом и молотом:
дожили до серебра,
доживем до золота.

4

Засияло серебро —
Даже больно глазу!

Хочешь —
 ставишь на ребро,
хочешь —
 пробуй на̀ зуб.

5

Твердые деньги —
 твердая почва
для прочной смычки
 крестьянина и
 рабочего.

6

Эй,
 отстань, нужда и горе,—
проходи сторонкою.
Доконаем горе вскоре
мы деньгою звонкою.

7

Звон серебряной деньги
песней
 входит
 в сердце.
Скройтесь, черные деньки,
от ЭСЕСЕСЕРЦА.

8

Равны серебро
 и новый бумажный билет,
нынче
 меж ними
 разницы нет.
Бери,
 какая больше на вкус, —
теперь и бумажкам твердый курс.

[*1924*]

ЛОЗУНГИ К 1 МАЯ

1

Не спускай взора
с детей без призора.

2

Ленина знамя
всегда с нами.

3

Рабочие единицы!
Первого мая
надо объединиться.

4

Труд ручной —
возня мышиная.
К социализму
доедем машиною.

5

Вчера
чинил
обломков груду,
сегодня
новый завод
оборудуй.

6

Знамя вздымай,
над миром скрестя
молот рабочих
и серп крестьян.

[*1924*]

ПРОФПЛАКАТЫ

1

Машина вас
ломала, как ветку.
Профсоюз машину
загородит в сетку.

2

Я — член союза.
Союз
позаботится,
чтоб ко мне не подошла
безработица.

3

Член союза
первым пройдет
в рабфак и вузы.

4

Рабочий один слаб,
профсоюз —
защита
от
хозяйских лап.

5

Если ты
на работе
стал инвалид,
профсоюз
тебя
обеспечить велит.

6

В одиночку
нас
предприниматели затрут.
Колдоговор
защищает труд.

7

Без грамоты втрое
над работой потеем.
Союз рабочего
сделает грамотеем.

8

Кому из рабочих
знания не любы?
Профсоюз дает
школы и клубы.

9

Износится рабочий,
профсоюз ему
дает санаторий
под Москвой и в Крыму.

10

Чтоб союз аккуратно работу нес,
вноси аккуратно членский взнос.

11

Под защитой союза, при равном труде,
мужчине и женщине зарплата наравне.

12

Члену союза
нэпач
нипочем.
Профсоюз защитит
и справится
с нэпачом.

13

Чтоб легче был
работы груз,
коллективный договор
заключит союз.

14

Профсоюз —
по женскому рабству
удар.
Профсоюз —
защитник женского
труда.

15

Везде,
где труд,
рабочий где,—
На страже
кодекс
законов о труде.

[*1924*]

[КООПЕРАТИВНЫЕ ПЛАКАТЫ]

I

1

В коммуну
не впрыгнешь разом.
Бей капитал
и винтовкой
и грошом.
Соедини
«революционный энтузиазм
с уменьем
стать торгашом».

2

Бедняк
в одиночку
былинки слабей.
Объединись в кооперацию
и капиталистов бей.

3

Даст ссуду
частный торговéц,

после
крестьян
стрижет, как овец.
Кооперация
крестьянскому люду
дает
на выгодных условиях
ссуду.

4

В одиночку
с земли
питаюсь еле я.
С кооперацией
придет
расцвет земледелия.

5

В одиночку,
в поту и мыле,
древней сошкой
перепахиваем луг.
Через кооперацию
трактор осилим,
а не то, что плуг!

6

Кооператор,
торгуй книгой!
Свет
и знание
в деревню двигай!

7

Слова Ильича
помни твердо:

«Кооперация —
смычка
деревни и города».

8

Как
к коммунизму
верней пройти вам?
Кратчайший путь
через дверь кооператива!

9

Войди в кооперацию,
и — каждый
из твоих детей
в кооперативной школе
станет грамотей.

10

Дорогу
не заслóните
никакой тенью,
кооперация
крепнет
со дня нá день.
В кооперацию
входишь не по принужденью,
а только
собственной
выгоды ради.

11

Женщины,
освободясь от кухонной
маяты противной,

ряды кооперации
заполняйте вами!
Работой кооперативной
мужчина
и женщина
выравниваются правами.

12

Чтоб кооперация
поддержала,
насытила
и одела,
помогай кооперации
не болтовней,
а делом.

II

1

Весел,
умен
и счастлив тот,
кто урожай
кооперативам несет.

2

Здесь крестьянскому люду
заранее дадут нужную ссуду.
Эта ссуда лучше всяких опор
поддержит
бедняцкий
и середняцкий двор.

3

При сдаче хлеба
задержек нет.
Сейчас оплачивают
по средней цене.

4

Кроме этого,
хлеб,
тобою о́тданный,
не спекулянт жрет,
а ест голодный.
Чтоб польза была республике
и тебе барыши —
урожай
кооперативам сдать реши.

[*1924*]

[ПЛАКАТ О ЖИЛИЩНО-СТРОИТЕЛЬНОМ ЗАЙМЕ]

Товарищи!
Нет ничего проще,
чем достать жилую площадь.
Чтобы каждый зажил в жилище своем —
покупай
жилищно-строительный заем!

[*1924*]

ПАРИЖ

(1924—1925)

ЕДУ

Билет —
щелк.
Щека —
чмок.
Свисток —
и рванулись туда мы
куда,
как сельди,
в сети чулок
10 плывут
кругосветные дамы.
Сегодня приедет —
уродом-урод,
а завтра —
узнать посмейте-ка:
в одно
разубран
и город и рот —
помады,
20 огней косметика.
Веселых
тянет в эту вот даль.
В Париже грустить?
Едва ли!
В Париже
площадь
и та Этуаль,

а звезды —
так сплошь этуали.
30 Засвистывай,
трись,
врезайся и режь
сквозь Льежи
и об Брюссели.
Но нож
и Париж,
и Брюссель,
и Льеж —
тому,
40 кто, как я, обрусели.
Сейчас бы
в́ сани
с ногами —
в снегу,
как в газетном листе б...
Свисти,
заноси снегами
меня,
прихерсонская степь...
50 Вечер,
поле,
огоньки,
дальняя дорога,—
сердце рвется от тоски,
а в груди —
тревога.
Эх, раз,
еще раз,
стих — в пляс.
60 Эх, раз,
еще раз,
рифм хряск.
Эх, раз,
еще раз,
еще много, много раз...

Люди
разных стран и рас,
копая порядков грядки,
увидев,
как я (70)
себя протряс,
скажут:
в лихорадке.

[*1925*]

ГОРОД

Один Париж —
адвокатов,
казарм,
другой —
без казарм и без Эррио.
Не оторвать
от второго
глаза —
от этого города серого.
10 Со стен обещают:
«Un verre de Koto
donne de l'energie» [1].
Вином любви
каким
и кто
мою взбудоражит жизнь?
Может,
критики
знают лучше.
20 Может,
их
и слушать надо.
Но кому я, к черту, попутчик!
Ни души
не шагает
рядом.

[1] Стакан Кото дает энергию *(франц.)*.

Как раньше,
свой
раскачивай горб
30 впереди
поэтовых арб —
неси,
один,
и радость,
и скорбь,
и прочий
людской скарб.
Мне скучно
здесь
40 одному
впереди,—
поэту
не надо многого,—
пусть
только
время
скорей родит
такого, как я,
быстроногого.
50 Мы рядом
пойдем
дорожной пыльцой.
Одно
желанье
пучит:
мне скучно —
желаю
видеть в лицо,
кому это
60 я
попутчик?!
«Je suis un chameau» [1],
в плакате стоят

[1] Я верблюд (*франц.*).

литеры,
каждая — фут.
Совершенно верно:
«je suis»,—
это
«я»,
70 а «chameau» —
это
«я верблюд».
Лиловая туча,
скорей нагнись,
меня
и Париж полей,
чтоб только
скорей
зацвели огни
80 длиной
Елисейских полей.
Во всё огонь —
и небу в темь
и в чернь промокшей пыли.
В огне
жуками
всех систем
жужжат
автомобили.
90 Горит вода,
земля горит,
горит
асфальт
до жжения,
как будто
зубрят
фонари
таблицу умножения.

Площадь
100 красивей
и тысяч
дам-болонок.

Эта площадь
оправдала б
каждый город.
Если б был я
Вандомская колонна,
я б женился
на Place de la Concorde [1].

[*1925*]

---

[1] Площадь Согласия (*франц.*).

ВЕРЛЕН И СЕЗАН

Я стукаюсь
о стол,
о шкафа острия —
четыре метра ежедневно мерь.
Мне тесно здесь
в отеле Istria [1]—
на коротышке
rue Campagne-Première [2].
Мне жмет.
10 Парижская жизнь не про нас —
в бульвары
тоску рассыпай.
Направо от нас —
Boulevard Montparnasse [3],
налево —
Boulevard Raspail [4].
Хожу и хожу,
не щадя каблука,—
хожу
20 и ночь и день я,—
хожу трафаретным поэтом, пока
в глазах
не встанут виденья.
Туман — парикмахер,
он делает гениев —

---

[1] Истрия *(франц.)*.
[2] Название улицы в Париже *(франц.)*.
[3] Бульвар Монпарнасс *(франц.)*.
[4] Бульвар Распай *(франц.)*.

загримировал
одного
бородой —
Добрый вечер, m-r Тургенев.
30 Добрый вечер, m-me Виардо.
Пошел:
«За что боролись?
А Рудин?..
А вы,
именье
возьми подпальни»...
Мне
их разговор эмигрантский
нуден,
40 и юркаю
в кафе от скульни.
Да.
Это он,
вот эта сова —
не тронул
великого
тлен.
Приподнял шляпу:
«Comment ça va,
50 cher camarade Verlaine?[1]
Откуда вас знаю?
Вас знают все.
И вот
довелось состукаться.
Лет сорок
вы тянете
свой абсент
из тысячи репродукций.
Я раньше
60 вас
почти не читал,
а нынче —
вышло из моды,—
и рад бы прочесть —
не поймешь ни черта:

[1] Как поживаете, дорогой товарищ Верлен? *(франц.)*

по-русски дрянь,—
переводы.
Не злитесь,—
со мной,
70 должно быть, и вы
знакомы
лишь понаслышке.
Поговорим
о пустяках путевых,
о нашинском ремеслишке.
Теперь
плохие стихи —
труха.
Хороший —
80 себе дороже.
С хорошим
и я б
свои потроха
сложил
под забором
тоже.
Бумаги
гладь
облевывая
90 пером,
концом губы —
поэт,
как блядь рублевая,
живет
с словцом любым.
Я жизнь
отдать
за сегодня
рад.
100 Какая это громада!
Вы чуете
слово —
пролетариат? —
ему
грандиозное надо.

Из кожи
надо
вылазить тут,
а нас —
110 к журнальчикам
премией.
Когда ж поймут,
что поэзия —
труд,
что место нужно
и время ей.
«Лицом к деревне» —
заданье дано,—
за гусли,
120 поэты-други!
Поймите ж —
лицо у меня
одно —
оно лицо,
а не флюгер.
А тут и ГУС
отверзает уста:
вопрос не решен.
«Который?
130 Поэт?
Так ведь это ж —
просто кустарь,
простой кустарь,
без мотора».
Перо
такому
в язык вонзи,
прибей
к векам кунсткамер.
140 Ты врешь.
Еще
не найден бензин,
что движет
сердец кусками.

Идею
нельзя
замешать на воде.
В воде
отсыреет идейка.
150 Поэт
никогда
и не жил без идей.
Что я —
попугай?
индейка?
К рабочему
надо
идти серьезней —
недооценили их мы.
160 Поэты,
покайтесь,
пока не поздно,
во всех
отглагольных рифмах.
У нас
поэт
событья берет —
опишет
вчерашний гул,
170 а надо
рваться
в завтра,
вперед,
чтоб брюки
трещали
в шагу.
В садах коммуны
вспомнят о барде —
какие
180 птицы
зальются им?
Что
будет
с веток
товарищ Вардин

рассвистывать
свои резолюции?!
За глотку возьмем.
«Теперь поори,
190 несбитая быта морда!»
И вижу,
зависть
зажглась и горит
в глазах
моего натюрморта.
И каплет
с Верлена
в стакан слеза.
Он весь —
200 как зуб на сверлé.
Тут
к нам
подходит
Поль Сезан:
«Я
так
напишу вас, Верлен».
Он пишет.
Смотрю,
210 как краска свежа.
Monsieur,
простите вы меня,
у нас
старикам,
как под хвост вожжа,
бывало
от вашего имени.
Бывало —
сезон,
220 наш бог — Ван-Гог,
другой сезон —
Сезан.
Теперь
ушли от искусства
вбок —

не краску любят,
а сан.
Птенцы —
у них
230 молоко на губах,—
а с детства
к смирению падки.
Большущее имя взяли
АХРР,
а чешут
ответственным
пятки.
Небось
не напишут
240 мой портрет,—
не трут
понапрасну
кисти.
Ведь то же
лицо как будто,—
ан нет,
рисуют
кто поцекистей.

Сезан
250 остановился на линии,
и весь
размерсился — тронутый.
Париж,
фиолетовый,
Париж в анилине,
вставал
за окном «Ротонды».

[*1925*]

NOTRE-DAME

Другие здания
лежат,
как грязная кора,
в воспоминании
о Notre-Dame'е [1].
Прошедшего
возвышенный корабль,
о время зацепившийся
и севший на мель.
10 Раскрыли дверь —
тоски тяжелей;
желе
из железа —
нелепее.
Прошли
сквозь монаший
служилый елей
в соборное великолепие.
Читал
20 письмена,
украшавшие храм,
про боговы блага
на небе.
Спускался в партер,
подымался к хорам,
смотрел удобства
и мебель.

---

[1] Собор Парижской богоматери *(франц.)*.

Я вышел —
со мной
30 переводчица-дура,
щебечет
бантиком-ротиком:
«Ну, как вам
нравится архитектура?
Какая небесная готика!»
Я взвесил все
и обдумал,—
ну вот:
он лучше Блаженного Васьки.
40 Конечно,
под клуб не пойдет —
темноват,—
об этом не думали
классики.
Не стиль...
Я в этих делах не мастак.
Не дался
старью на съедение.
Но то хорошо,
50 что уже места
готовы тебе
для сидения.
Его
ни к чему
перестраивать заново —
приладим
с грехом пополам,
а в наших —
ни стульев нет,
60 ни орга̂нов.
Копнёшь —
одни купола.
И лучше б оркестр,
да игра дорога —
сначала
не будет финансов,—

а то ли дело
когда орга́н —
играй
70 хоть пять сеансов.
Ясно —
репертуар иной —
фокстроты,
а не сопенье.
Нельзя же
французскому госкино
духовные песнопения.
А для рекламы —
не храм,
80 а краса —
старайся
во все тяжкие.
Электрорекламе —
лучший фасад:
меж башен
пустить перетяжки,
да буквами разными:
«Signe de Zoro» [1],
чтоб буквы бежали,
90 как мышь.
Такая реклама
так заорет,
что видно
во весь Boulmiche [2].
А если
и лампочки
вставить в глаза
химерам
в углах собора,
100 тогда —
никто не уйдет назад:
подряд —
битковые сборы!

---

[1] Знак Зоро *(франц.)*.
[2] Бульвар в Париже *(франц.)*.

Да, надо
быть
бережливым тут,
ядром
чего
не попортив.
110 В особенности,
если пойдут
громить
префектуру
напротив.

[*1925*]

ВЕРСАЛЬ

По этой
дороге,
спеша во дворец,
бесчисленные Людовики
трясли
в шелках
золоченых каретц
телес
десятипудовики.
10 И ляжек
своих
отмахав шатуны,
по ней,
марсельезой пропет,
плюя на корону,
теряя штаны,
бежал
из Парижа
Капет.
20 Теперь
по ней
веселый Париж
гоняет
авто рассияв,—
кокотки,
рантье, подсчитавший барыш,
американцы
и я.
Версаль.
30 Возглас первый:

«Хорошо жили стервы!»
Дворцы
на тыщи спален и зал —
и в каждой
и стол
и кровать.
Таких
вторых
и построить нельзя —
40 хоть целую жизнь
воровать!
А за дворцом,
и сюды
и туды,
чтоб жизнь им
была
свежа,
пруды,
фонтаны,
50 и снова пруды
с фонтаном
из медных жаб.
Вокруг,
в поощренье
жантильных манер,
дорожки
полны стату́ями —
везде Аполлоны,
а этих
60 Венер
бе́зруких,—
так целые уймы.
А дальше —
жилья
для их Помпадурш —
Большой Трианон
и Маленький.
Вот тут
Помпадуршу
70 водили под душ,

вот тут
помпадуршины спаленки.
Смотрю на жизнь —
ах, как не нова!
Красивость —
аж дух выматывает!
Как будто
влип
в акварель Бенуа,
80 к каким-то
стишкам Ахматовой.
Я все осмотрел,
поощупал вещи.
Из всей
красотищи этой
мне
больше всего
понравилась трещина
на столике
90 Антуанетты.
В него
штыка революции
клин
вогнали,
пляша под распевку,
когда
санкюлоты
поволокли
на эшафот
100 королевку.
Смотрю,
а все же —
завидные видики!
Сады завидные —
в розах!
Скорей бы
культуру
такой же выделки,
но в новый,
110 машинный рóзмах!

В музеи
вот эти
лачуги б вымести!
Сюда бы —
стальной
и стекольный
рабочий дворец
миллионной вместимости,—
такой,
120 чтоб и глазу больно.
Всем,
еще имеющим
купоны
и монеты,
всем царям —
еще имеющимся —
в назидание:
с гильотины неба,
головой Антуанетты,
130 солнце
покатилось
умирать на зданиях.
Расплылась
и лип
и каштанов толпа,
слегка
листочки ворся.
Прозрачный
вечерний
140 небесный колпак
закрыл
музейный Версаль.

[*1925*]

ЖОРЕС

Ноябрь,
а народ
зажат до жары.
Стою
и смотрю долго:
на шинах машинных
мимо —
шары
катаются
10 в треуголках.
Войной обагренные
руки
умыв,
и красные
шансы
взвесив,
коммерцию
новую
вбили в умы —
20 хотят
спекульнуть на Жоресе.
Покажут рабочим —
смотрите,
и он
с великими нашими
тоже.

Жорес
настоящий француз.
Пантеон
30 не станет же
он
тревожить.
Готовы
потоки
слезливых фраз.
Эскорт,
колесницы —
эффект!
Ни с места!
40 Скажите,
кем из вас
в окне
пристрелен
Жорес?
Теперь
пришли
панихидами выть.
Зорче,
рабочий класс!
50 Товарищ Жорес,
не дай убить
себя
во второй раз.
Не даст.
Подняв
знамен мачтовый лес,
спаяв
людей
в один
60 плывущий флот,
громовый и живой,
попрежнему
Жорес
проходит в Пантеон
по улице Суфло.
Он в этих криках,
несущихся вверх,

в знаменах,
в шагах,
70 в горбах
«Vivent les Soviets!..
A bas la guerre!..
Capitalisme à bas!..»[1]
И вот —
взбегает огонь
и горит,
и песня
краснеет у рта.
И кажется —
80 снова
в дыму
пушкари
идут
к парижским фортам.
Спиною
к витринам отжали —
и вот
из книжек
выжались
90 тени.
И снова
71-й год
встает
у страниц в шелестении.
Гора
на груди
могла б подняться.
Там
гневный окрик орет:
100 «Кто смел сказать,
что мы
в семнадцатом
предали
французский народ?

[1] Да здравствуют Советы!..
Долой войну!..
Долой капитализм!.. (*франц.*).

Неправда,
мы с вами,
французские блузники.
Забудьте
этот
110 поклеп дрянной.
На всех баррикадах
мы ваши союзники,
рабочий Крезо,
и рабочий Рено».

[*1925*]

ПРОЩАНИЕ

(КАФЕ)

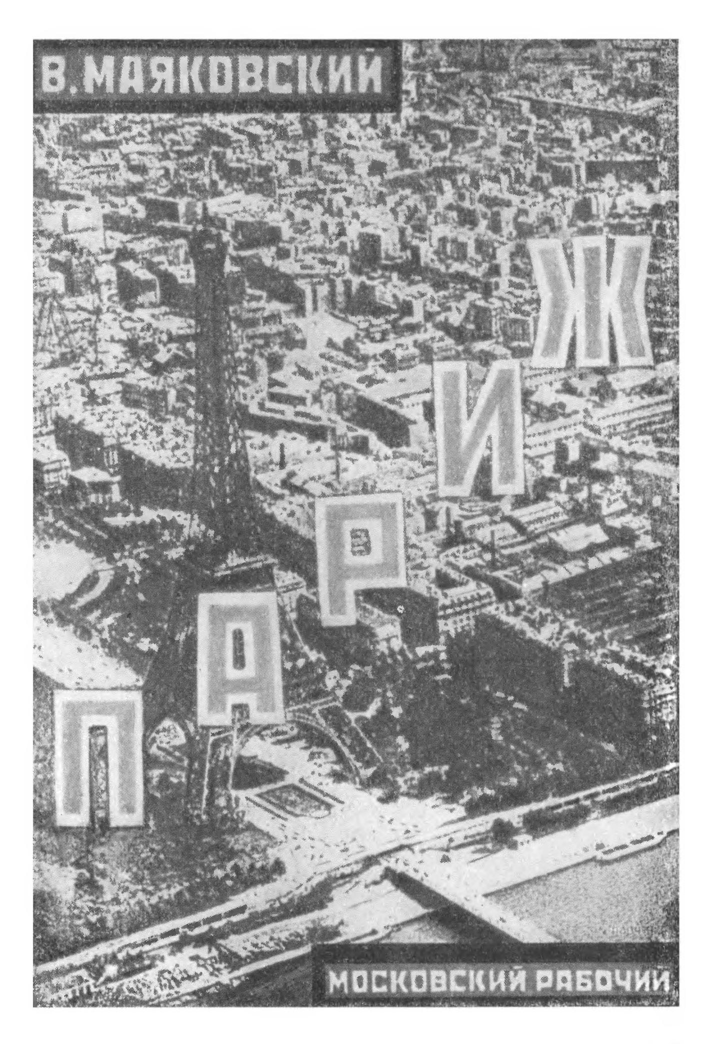
Обыкновенно
мы говорим:
все дороги
приводят в Рим.
Не так
у монпарнасца.
Готов поклясться.
И Рем
и Ромул,
и Ремул и Ром
в «Ротонду» придут
или в «Дом»[1].
В кафе
идут
по сотням дорог,
плывут
по бульварной реке.
Вплываю и я:
«Garçon,
20 un grog
americain!»[2]

---

[1] Кафе на Монпарнасе.
[2] Официант,
грог
по-американски! (*франц.*).

Сначала
слова
и губы
и скулы
кафейный гомон сливал.
Но вот
пошли
вылупляться из гула
30 и лепятся
фразой
слова.
«Тут
проходил
Маяковский давеча,
хромой —
не видали рази?» —
«А с кем он шел?» —
«С Николай Николаичем». —
40 «С каким?» —
«Да с великим князем!»
«С великим князем?
Будет врать!
Он кругл
и лыс,
как ладонь.
Чекист он,
послан сюда
взорвать...» —
50 «Кого?» —
«Буа-дю-Булонь [1].
Езжай, мол, Мишка...»
Другой поправил:
«Вы врете,
противно слушать!
Совсем и не Мишка он,
а Павел.
Бывало сядем —
Павлуша! —

[1] Булонский лес.

Обложка книги «Париж» работы художника А. Родченко. 1925.

60 а тут же
его супруга,
княжна,
брюнетка,
лет под тридцать...»—
«Чья?
Маяковского?
Он не женат».—
«Женат —
и на императрице».—
70 «На ком?
Ее же расстреляли...» —
«И он
поверил...
Сделайте милость!
Ее ж Маяковский спас
за трильон!
Она же ж
омолодилась!»
Благоразумный голос:
80 «Да нет,
вы врете —
Маяковский — поэт».—
«Ну да,—
вмешалось двое саврасов,—
в конце
семнадцатого года
в Москве
чекой конфискован Некрасов
и весь
90 Маяковскому отдан.
Вы думаете —
сам он?
Сбондил до иот —
весь стих,
с запятыми,
скраден.
Достанет Некрасова
и продает —
червонцев по десять
100 на день».

Где вы,
свахи?
Подымись, Агафья!
Предлагается
жених невиданный.
Видано ль,
чтоб человек
с такою биографией
был бы холост
110 и старел невыданный?!
Париж,
тебе ль,
столице столетий,
к лицу
эмигрантская нудь?
Смахни
за ушми
эмигрантские сплетни.
Провинция! —
120 не продохнуть. —
Я вышел
в раздумье —
черт его знает!
Отплюнулся —
тьфу напасть!
Дыра
в ушах
не у всех сквозная —
другому
130 может запасть!
Слушайте, читатели,
когда прочтете,
что с Черчиллем
Маяковский
дружбу вертит
или
что женился я
на кулиджевской тете,
то, покорнейше прошу, —
140 не верьте.

[*1925*]

ПРОЩАНЬЕ

В авто,
последний франк разменяв.
— В котором часу на Марсель?—
Париж
бежит,
провожая меня,
во всей
невозможной красе.
Подступай
10 к глазам,
разлуки жижа,
сердце
мне
сантиментальностью расквась!
Я хотел бы
жить
и умереть в Париже,
Если б не было
такой земли —
20 Москва.

[*1925*]

ПОЭМЫ

(1924—1925)

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

Российской
коммунистической партии
посвящаю

Время —
начинаю
про Ленина рассказ.
Но не потому,
что горя
нету более,
время
потому,
что резкая тоска
10 стала ясною
осознанною болью.
Время,
снова
ленинские лозунги развихрь.
Нам ли
растекаться
слезной лужею,—
Ленин
и теперь
20 живее всех живых.
Наше знанье —
сила
и оружие.
Люди — лодки.
Хотя и на суше.
Проживешь
свое
пока,

много всяких
30 грязных раку́шек
налипает
нам
на бока.
А потом,
пробивши
бурю разозленную,
сядешь,
чтобы солнца близ,
и счищаешь
40 водорослей
бороду зеленую
и медуз малиновую слизь.
Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше.
Я боюсь
этих строчек тыщи,
50 как мальчишкой
боишься фальши.
Рассияют головою венчик,
я тревожусь,
не закрыли чтоб
настоящий,
мудрый,
человечий
ленинский
огромный лоб.
60 Я боюсь,
чтоб шествия
и мавзолеи,
поклонений
установленный статут
не залили б
приторным елеем
ленинскую
простоту.

За него дрожу,
70 как за зеницу глаза,
чтоб конфетной
не был
красотой оболган.
Голосует сердце —
я писать обязан
по мандату долга.

Вся Москва.
Промерзшая земля
дрожит от гуда.
80 Над кострами
обмороженные с ночи.
Что он сделал?
Кто он
и откуда?
Почему
ему
такая почесть?
Слово зà словом
из памяти таская,
90 не скажу
ни одному —
на место сядь.
Как бедна
у мира
сло́ва мастерская!
Подходящее
откуда взять?
У нас
семь дней,
100 у нас
часов — двенадцать.
Не прожить
себя длинней.
Смерть
не умеет извиняться.
Если ж
с часами плохо,

мала
календарная мера,
110 мы говорим —
«эпоха»,
мы говорим —
«эра».

Мы
спим
ночь.

Днем
совершаем поступки.
Любим
120 свою толочь
воду
в своей ступке.
А если
за всех смог
направлять
потоки явлений,
мы говорим —
«пророк»,
мы говорим —
130 «гений».
У нас
претензий нет,—
не зовут —
мы и не лезем;
нравимся
своей жене,
и то
довольны донѐльзя.
Если ж,
140 телом и духом слит,
прет
на нас непохожий,
шпилим —
«царственный вид»,
удивляемся —
«дар божий».

Скажут так,—
и вышло
ни умно, ни глупо.
150 Повисят слова
и уплывут, как дымы.
Ничего
не выколупишь
из таких скорлупок.
Ни рукам
ни голове не ощутимы.
Как же
Ленина
таким аршином мерить!
160 Ведь глазами
видел
каждый всяк —
«эра» эта
проходила в двери,
даже
головой
не задевая о косяк.
Неужели
про Ленина тоже:
170 «вождь
милостью божьей»?
Если б
был он
царствен и божествен,
я б
от ярости
себя не поберег,
я бы
стал бы
180 в перекоре шествий,
поклонениям
и толпам поперек.
Я б
нашел
слова
проклятья громоустого,

и пока
растоптан
я
190 и выкрик мой,
я бросал бы
в небо
богохульства,
по Кремлю бы
бомбами
метал:
д о л о й!
Но тверды
шаги Дзержинского
200 у гроба.
Нынче бы
могла
с постов сойти Чека.
Сквозь мильоны глаз,
и у меня
сквозь оба,
лишь сосульки слез,
примерзшие
к щекам.
210 Богу
почести казенные
не новость.
Нет!
Сегодня
настоящей болью
сердце холодей.
Мы
хороним
самого земного
220 изо всех
прошедших
по земле людей.
Он земной,
но не из тех,
кто глазом
упирается
в свое корыто.

Землю
всю
230 охватывая разом,
видел
то,
что временем закрыто.
Он, как вы
и я,
совсем такой же,
только,
может быть,
у самых глаз
240 мысли
больше нашего
морщинят кожей,
да насмешливей
и тверже губы,
чем у нас.
Не сатрапья твердость,
триумфаторской коляской
мнущая
тебя,
250 подергивая вожжи.
Он
к товарищу
милел
людскою лаской.
Он
к врагу
вставал
железа тверже.
Знал он
260 слабости,
знакомые у нас,
как и мы,
перемогал болезни.
Скажем,
мне бильярд —
отращиваю глаз,

шахматы ему —
они вождям
полезней.
270 И от шахмат
перейдя
к врагу натурой,
в люди
выведя
вчерашних пешек строй,
становил
рабочей — человечьей диктатурой
над тюремной
капиталовой турой.
280 И ему
и нам
одно и то же дорого.
Отчего ж,
стоящий
от него поодаль,
я бы
жизнь свою,
глупея от восторга,
за одно б
290 его дыханье
о́тдал?!
Да не я один!
Да что я
лучше, что ли?!
Даже не позвать,
раскрыть бы только рот —
кто из вас
из сёл,
из кожи вон,
300 из штолен
не шагнет вперед?!
В качке —
будто бы хватил
вина и горя лишку—

Обложка первого издания поэмы «Владимир Ильич Ленин»,
1925.

инстинктивно
хоронюсь
трамвайной сети.
Кто
сейчас
310 оплакал бы
мою смертишку
в трауре
вот этой
безграничной смерти!
Со знаменами идут,
и так.
Похоже —
стала
вновь
320 Россия кочевой.
И Колонный зал
дрожит,
насквозь прохожен.
Почему?
Зачем
и отчего?
Телеграф
охрип
от траурного гуда.
330 Слезы снега
с флажьих
покрасневших век.
Что он сделал,
кто он
и откуда —
этот
самый человечный человек?

Коротка
и до последних мгновений
340 нам
известна
жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь
товарища Ленина

надо писать
и описывать заново.
Далеко давным,
годов за двести,
первые
350 про Ленина
восходят вести.
Слышите —
железный
и луженый,
прорезая
древние века,—
голос
прадеда
Бромлея и Гужона —
360 первого паровика?
Капитал
его величество,
некоронованный,
невенчанный,
объявляет
покоренной
силу деревенщины.
Город грабил,
грёб,
370 грабастал,
глыбил
пуза касс,
а у станков
худой и горбастый
встал
рабочий класс.
И уже
грозил,
взвивая трубы за̀ небо:
380 — Нами
к золоту
пути мостѝте.
Мы родим,
пошлем,
придет когда-нибудь

человек,
борец,
каратель,
мститель! —
390 И уже
смешались
облака и ды́мы,
будто
рядовые
одного полка.
Небеса
становятся двойными,
дымы
забивают облака.
400 Товары
растут,
меж нищими высясь.
Директор,
лысый черт,
пощелкал счетами,
буркнул:
«кризис!»
и вывесил слово
«расчет».
410 Кра́пило
сласти
мушиное се́ево,
хлеба̀
зерном
в элеваторах портятся,
а под витринами
всех Елисеевых,
живот подведя,
плелась безработица.
420 И бурчало
у трущоб в утробе,
покрывая
детвориный плачик:

— Под работу,
под винтовку ль,
на̀ —
ладони обе!
Приходи,
заступник
430 и расплатчик! —
Эй,
верблюд,
открыватель колоний!
Эй,
колонны стальных кораблей!
Марш
в пустыни
огня раскаленней!
Пеньте пену
440 бумаги белей!
Начинают
черным лата́ться
оазисы
пальмовых нег.
Вон
среди
золотистых плантаций
засеченный
вымычал негр:
450 — У-у-у-у-у,
у-у-у!
Нил мой, Нил!
Приплещи
и выплещи
черные дни!
Чтоб чернее были,
чем я во сне,
и пожар чтоб
крови вот этой красней.
460 Чтоб во всем этом кофе,
враз вскипелом,
вариться пузатым —
черным и белым.

Каждый
добытый
слоновий клык —
тык его в мясо,
в сердце тык.
Хоть для правнуков,
470 не зря чтоб
кровью литься,
выплыви,
заступник солнцелицый.
Я кончаюсь,—
бог смертей
пришел и поманил.
Помни
это заклинанье,
Нил,
480 мой Нил!—
В снегах России,
в бреду Патагонии
расставило
время
станки потогонные.
У Ива̀нова уже
у Вознесенска
каменные туши
будоражат
490 выкрики частушек:
«Эх, завод ты мой, завод,
желтоглазина.
Время нового зовет
Стеньку Разина».
Внуки
спросят:
— Что такое капиталист?—
Как дети
теперь:
500 — Что это
г-о-р-о-д-о-в-о-й?..—

Для внуков
пишу
в один лист
капитализма
портрет родовой.
Капитализм
в молодые года
был ничего,
510 деловой парнишка:
первый работал —
не боялся тогда,
что у него
от работ
засалится манишка.
Трико феодальное
ему теснò!
Лез
не хуже,
520 чем нынче лезут.
Капитализм
революциями
своей весной
расцвел
и даже
подпевал «Марсельезу».
Машину
он
задумал и выдумал.
530 Люди,
и те — ей!
Он
по вселенной
видимо-невидимо
рабочих расплодил
детей.
Он враз
и царства
и графства сжевал
540 с коронами их
и с орлами.

Встучнел,
как библейская корова
или вол,
облизывается.
Язык — парламент.
С годами
ослабла
мускулов сталь,
550 он раздобрел
и распух,
такой же
с течением времени
стал,
как и его гроссбух.
Дворец возвел —
не увидишь такого!
Художник
— не один!—
560 по стенам поерзал.
Пол ампиристый,
потолок рококо́вый,
стенки —
Людовика XIV,
Каторза.
Вокруг,
с лицом,
что равно годится
быть и лицом
570 и ягодицей,
задолицая
полиция.
И краске
и песне
душа глуха,
как корове
цветы
среди луга.
Этика, эстетика
580 и прочая чепуха —

просто —
его
женская прислуга.
Его
и рай
и преисподняя —
распродает
старухам
дырки
590 от гвоздей
креста господня
и перо
хвоста
святого духа.
Наконец,
и он
перерос себя,
за него
работает раб.
600 Лишь наживая,
жря
и спя,
капитализм разбух
и обдряб.
Обдряб
и лег
у истории на пути
в мир,
как в свою кровать.
610 Его не объехать,
не обойти,
единственный выход —
взорвать!
Знаю,
лирик
скривится горько,
критик
ринется
хлыстиком выстегать:

620 — А где ж душа?!

Да это ж —

риторика!

Поэзия где ж? —

Одна публицистика!! —

Капитализм —

неизящное слово,

куда изящней звучит —

«соловей»,

но я

630 возвращусь к нему

снова и снова.

Строку

агитаторским лозунгом взвей.

Я буду писать

и про то

и про это,

но нынче

не время

любовных ляс.

640 Я

всю свою

звонкую силу поэта

тебе отдаю,

атакующий класс.

Пролетариат —

неуклюже и узко

тому,

кому

коммунизм — западня.

650 Для нас

это слово —

могучая музыка,

могущая

мертвых

сражаться поднять.

Этажи

уже

заёжились, дрожа,

клич подвалов

660 подымается по этажам:

— Мы прорвемся
небесам
в распахнутую синь.
Мы пройдем
сквозь каменный колодец.
Будет.
С этих нар
рабочий сын —
пролетариатоводец.—
670 Им
уже
земного шара мало.
И рукой,
отяжелевшей
от колец,
тянется
упитанная
туша капитала
ухватить
680 чужой горлéц.
Идут,
железом
клацая и лацкая.
— Убивайте!
Двум буржуям тесно!—
Каждое село —
могила братская,
городá —
завод протезный.
690 Кончилось —
столы
накрыли чайные.
Пирогом
победа на столе.
— Слушайте
могил чревовещание,
кастаньеты костылей!
Снова
нас
700 увидите
в военной яви.

Эту
время
не простит вину.
Он расплещется,
придет он
и объявит
вам
и вашинской войне
710 войну! —
Вырастают
на земле
слезы́ озёра,
слишком
непролазны
крови топи.
И клонились
одиночки фантазеры
над решением
720 немыслимых утопий.
Голову
об жизнь
разбили филантропы.
Разве
путь миллионам —
филантропов тропы?
И уже
бессилен
сам капиталист,
730 так
его
машина размахалась,—
строй его
несет,
как пожелтелый лист,
кризисов
и забастовок ха́ос.
— В чей карман
стекаем
740 золотою лавой?
С кем идти
и на кого пенять? —

Класс миллионоглавый
напрягает глаз —
себя понять.
Время
часы
капитала
кра́ло,
750 побивая
прожекторов яркость.
Время
родило
брата Карла —
старший
ленинский брат
Маркс.
Маркс!
Встает глазам
760 седин портретных рама.
Как же
жизнь его
от представлений далека!
Люди
видят
замурованного в мрамор,
гипсом
холодеющего старика.
Но когда
770 революционной тропкой
первый
делали
рабочие
шажок,
о, какой
невероятной топкой
сердце Маркс
и мысль свою зажег!
Будто сам
780 в заводе каждом
стоя сто́ймя,

будто
каждый труд
размозоливая лично,
грабящих
прибавочную стоимость
за руку
поймал с поличным.
Где дрожали тельцем,
790 не вздымая глаз свой
даже
до пупа
биржевика-дельца,
Маркс
повел
разить
войною классовой
золотого
до быка
800 доросшего тельца́.
Нам казалось —
в коммунизмовы затоны
только
волны случая
закинут
нас
юля́.
Маркс
раскрыл
810 истории законы,
пролетариат
поставил у руля.
Книги Маркса
не набора гранки,
не сухие
цифр столбцы —
Маркс
рабочего
поставил на́ ноги
820 и повел
колоннами
стройнее цифр.

Вел
и говорил:—
сражаясь лягте,
дело —
корректура
выкладкам ума.
Он придет,
830 придет
великий практик,
поведет
полями битв,
а не бумаг!—
Жерновами дум
последнее меля́
и рукой
дописывая
восковой,
840 знаю,
Марксу
виделось
видение Кремля
и коммуны
флаг
над красною Москвой.
Назревали,
зрели дни,
как дыни,
850 пролетариат
взрослел
и вырос из ребят.
Капиталовы
отвесные твердыни
валом размывают
и дробят.
У каких-нибудь
годов
на расстоянии
860 сколько гроз
гудит
от нарастаний.

Завершается
восстанием
гнева нарастание,
нарастают
революции
за вспышками восстаний.
Крут
870 буржуев
озверевший норов.
Тьерами растерзанные,
воя и стеная,
тени прадедов,
парижских коммунаров,
и сейчас
вопят
парижскою стеною:
— Слушайте, товарищи!
880 Смотрите, братья!
Горе одиночкам —
выучьтесь на нас!
Сообща взрывайте!
Бейте партией!
Кулаком
одним
собрав
рабочий класс.—
Скажут:
890 «Мы вожди»,
а сами —
шаркунами?
За речами
шкуру
распознать умей!
Будет вождь
такой,
что мелочами с нами —
хлеба проще,
900 рельс прямей.

Смесью классов,
вер,
сословий
и наречий
на рублях колес
землища двигалась.
Капитал
ежом противоречий
рос во-всю
910 и креп,
штыками иглясь.
Коммунизма
призрак
по Европе рыскал,
уходил
и вновь
маячил в отдаленьи...
По всему поэтому
в глуши Симбирска
920 родился
обыкновенный мальчик
Ленин.

Я знал рабочего.
Он был безграмотный.
Не разжевал
даже азбуки соль.
Но он слышал,
как говорил Ленин,
и он
930 знал — всё.
Я слышал
рассказ
крестьянина-сибирца.
Отобрали,
отстояли винтовками
и раем
разделали селеньице.
Они не читали
и не слышали Ленина,
940 но это
были ленинцы.
Я видел горы —
на них
и куст не рос.
Только
тучи
на скалы
упали ничком.
И на сто верст
950 у единственного горца
лохмотья
сияли
ленинским значком.

Скажут —
это
о булавках áхи.
Барышни их
вкалывают
из кокетливых причуд.
960 Не булавка вколота —
значком
прожгло рубахи
сердце,
полное
любовью к Ильичу.
Этого
не объяснишь
церковными славянскими
крюками,
970 и не бог
ему
велел —
избранник будь!
Шагом человеческим,
рабочими руками,
собственною головой
прошел он
этот путь.
Сверху
980 взгляд
на Россию брось —
рассинелась речками,
словно
разгулялась
тысяча розг,
словно
плетью исполосована.
Но синей,
чем вода весной,
990 синяки
Руси крепостной.
Ты
с боков
на Россию глянь —

и куда
глаза ни кинь,
упираются
небу в склянь
горы,
1000 каторги
и рудники.
Но и каторг
больнее была
у фабричных станков
кабала.
Были страны
богатые более,
красивее видал
и умней.
1010 Но земли
с еще большей болью
не довиделось
видеть
мне.
Да, не каждый
удар
сотрешь со щеки.
Крик крепчал:
— Подымайтесь
1020 за землю и волю вы!—
И берутся
бунтовщики-
одиночки
за бомбу
и за рево́львер.
Хорошо
в царя
вогнать обойму!
Ну, а если
1030 только пыль
взметнешь у колеса?!
Подготовщиком
цареубийства
пойман

брат Ульянова,
народоволец
Александр.
Одного убьешь —
другой
1040 во весь свой пыл
пытками
ушедших
переплюнуть тужится.
И Ульянов
Александр
повешен был
тысячным из шлиссельбуржцев.
И тогда
сказал
1050 Ильич семнадцатигодовый —
это слово
крепче клятв
солдатом поднятой руки:
— Брат,
мы здесь
тебя сменить готовы,
победим,
но мы
пойдем путем другим! —
1060 Оглядите памятники —
видите
героев род вы?
Станет Гоголем,
а ты
венком его величь.
Не такой —
чернорабочий,
ежедневный подвиг
на́ плечи себе
1070 взвалил Ильич.
Он вместе,
учит в кузничной пасти,
как быть,
чтоб зарплата
взросла пятаком.

Что делать,
если
дерется мастер.
Как быть,
1080 чтоб хозяин
поил кипятком.
Но не мелочь
целью в конце:
победив,
не стой так
над одной
сметённой лужею.
Социализм — цель.
Капитализм — враг.
1090 Не веник —
винтовка оружие.
Тысячи раз
одно и то же
он вбивает
в тугой слух,
а назавтра
друг в друга вложит
руки
понявших двух.
1100 Вчера — четыре,
сегодня — четыреста.
Таимся,
а завтра
в открытую встанем,
и эти
четыреста
в тысячи вырастут.
Трудящихся мира
подымем восстанием.
1110 Мы уже
не тише вод,
травинок ниже —
гнев
трудящихся
густится в туче.

Режет
молниями
Ильичевых книжек.
Сыпет
1120 градом
прокламаций и летучек.
Бился
об Ленина
темный класс,
тёк
от него
в просветленьи,
и, обданный
силой
1130 и мыслями масс,
с классом
рос
Ленин.
И уже
превращается в быль
то,
в чем юношей
Ленин кля́лся:
— Мы
1140 не одиночки,
мы —
союз борьбы
за освобождение
рабочего класса.—
Ленинизм идет
все далее
и более
вширь
учениками
1150 Ильичевой выверки.
Кровью
вписан
героизм подполья
в пыль
и в слякоть
бесконечной Володимирки.

Нынче
нами
шар земной заверчен.
1160 Даже
мы,
в кремлевских креслах если,—
скольким
вдруг
из-за декретов Нерчинск
кандалами
раззвенится в кресле!
Вам
опять
1170 напомню птичий путь я.
За волчком —
трамваев
электрическая рысь.
Кто
из вас
решетчатые прутья
не царапал
и не грыз?!
Лоб
1180 разбей
о камень стенки тесной —
за тобою
смыли камеру
и замели.
«Служил ты недолго, но честно
на благо родимой земли».
Полюбилась Ленину
в какой из ссылок
этой песни
1190 траурная сила?
Говорили —
мужичок
своей пойдет дорогой,
заведет
социализм
бесхитростен и прост.

Нет,
и Русь
от труб
1200 становится сторо́гой.
Город
дымной бородой оброс.
Не попросят в рай —
пожалуйста,
войдите —
через труп буржуазии
коммунизма шаг.
Ста крестьянским миллионам
пролетариат водитель.
1210 Ленин —
пролетариев вожак.
Понаобещает либерал
или эсерик прыткий,
сам охочий до рабочих шей,—
Ленин
фразочки
с него
пооборвет до нитки,
чтоб из книг
1220 сиял
в дворянском нагише.
И нам
уже
не разговорцы досужие,
что-де свобода,
что люди братья,—
мы
в марксовом всеоружии
одна
1230 на мир
большевистская партия.
Америку
пересекаешь
в экспрессном купе,
идешь Чухломой —
тебе

Страница Записной книжки 1924, № 23 с автографом поэмы «Владимир Ильич Ленин» (оборот 42 листа).

в глаза
вонзается теперь
Р К П
1240 и в скобках
маленькое «б».
Теперь
на Марсов
охотится Пулково,
перебирая
небесный ларчик.
Но миру
эта
строчная буква
1250 в сто крат красней,
грандиозней
и ярче.
Слова
у нас
до важного самого
в привычку входят,
ветшают, как платье.
Хочу
сиять заставить заново
1260 величественнейшее слово
«ПАРТИЯ».
Единица!
Кому она нужна?!
Голос единицы
тоньше писка.
Кто ее услышит? —
Разве жена!
И то
если не на базаре,
1270 а близко.
Партия —
это
единый ураган,
из голосов спрессованный
тихих и тонких,

от него
лопаются
укрепления врага,
как в канонаду
1280 от пушек
перепонки.
Плохо человеку,
когда он один.
Горе одному,
один не воин —
каждый дюжий
ему господин,
и даже слабые,
если двое.
1290 А если
в партию
сгрудились малые —
сдайся, враг,
замри
и ляг!
Партия —
рука миллионопалая,
сжатая
в один
1300 громящий кулак.
Единица — вздор,
единица — ноль,
один —
даже если
очень важный —
не подымет
простое
пятивершковое бревно,
тем более
1310 дом пятиэтажный.
Партия —
это
миллионов плечи,
друг к другу
прижатые туго.

Партией
стройки
в небо взмечем,
держа
1320 и вздымая друг друга.
Партия —
спинной хребет рабочего класса.
Партия —
бессмертие нашего дела.
Партия — единственное,
что мне не изменит.
Сегодня приказчик,
а завтра
царства стираю в карте я.
1330 Мозг класса,
дело класса,
сила класса,
слава класса —
вот что такое партия.
Партия и Ленин —
близнецы-братья —
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим Ленин,
1340 подразумеваем —
партия,
мы говорим
партия,
подразумеваем —
Ленин.
Еще
горой
коронованные гла́вы,
и буржуи
1350 чернеют
как вороны в зиме,
но уже
горение
рабочей лавы
по кратеру партии
рвется из-под земель.

Девятое января.
Конец гапонщины.
Падаем,
1360 царским свинцом косимы.
Бредня
о милости царской
прикончена
с бойней Мукденской,
с треском Цусимы.
Довольно!
Не верим
разговорам посторонним!
Сами
1370 с оружием
встали пресненцы.
Казалось —
сейчас
покончим с троном,
за ним
и буржуево
кресло треснется.
Ильич уже здесь.
Он изо дня нá день
1380 проводит
с рабочими
пятый год.
Он рядом
на каждой стоит баррикаде,
ведет
всего восстания ход.
Но скоро
прошла
лукавая вестийка —
1390 «свобода».
Бантики люди надели,
царь
на балкон
выходил с манифестиком.
А после
«свободной»
медовой недели

речи,
банты
1400 и пения плавные
пушечный рев
покрывает басом:
по крови рабочей
пустился в плавание
царев адмирал,
каратель Дубасов.
Плюнем в лицо
той белой слякоти,
сюсюкающей
1410 о зверствах Чекà!
Смотрите,
как здесь,
связавши зà локти,
рабочих нàсмерть
секли по щекам.
Зверела реакция.
Интеллигентчики
ушли от всего
и всё изгадили.
1420 Заперлись дома,
достали свечки,
ладан курят —
богоискатели.
Сам заскулил
товарищ Плеханов:
— Ваша вина,
запутали, братцы!
Вот и пустили
крови лохани!
1430 Нечего
зря
за оружье браться.—
Ленин
в этот скулеж недужный
врезал голос
бодрый и зычный:

— Нет,
за оружие
браться нужно,
1440 только более
решительно и энергично.
Новых восстаний вижу день я.
Снова подымется
рабочий класс.
Не защита —
нападение
стать должно
лозунгом масс.—
И этот год
1450 в кровавой пене
и эти раны
в рабочем стане
покажутся
школой
первой ступени
в грозе и буре
грядущих восстаний.
И Ленин
снова
1460 в своем изгнании
готовит
нас
перед новой битвой.
Он учит
и сам вбирает знание,
он партию
вновь
собирает разбитую.
Смотри —
1470 забастовки
вздымают год,
еще —
и к восстанию сумеешь сдвинуться ты.
Но вот
из лет
подымается
страшный четырнадцатый.

Так пишут —
солдат-де
1480 раскурит трубку,
балакать пойдет
о походах древних,
но эту
всемирнейшую мясорубку
к какой приравнять
к Полтаве,
к Плевне?!
Империализм
во всем оголении —
1490 живот наружу,
с вставными зубами,
и море крови
ему по колени —
сжирает страны,
вздымая штыками.
Вокруг него
его подхалимы —
патриоты —
приспособились Вовы —
1500 пишут,
руки предавшие вымыв:
— Рабочий,
дерись
до последней крови! —
Земля —
горой
железного лома,
а в ней
человечья
1510 рвань и рвань.
Среди
всего сумасшедшего дома
трезвый
встал
один Циммервальд.
Отсюда
Ленин
с горсточкой товарищей

встал над миром
1520 и поднял над
мысли
ярче
всякого пожарища,
голос
громче
всех канонад.
Оттуда —
миллионы
канонадою в уши,
1530 стотысячесабельной
конницы бег,
отсюда,
против
и сабель и пушек,—
скуластый
и лысый
один человек.
— Солдаты!
Буржуи,
1540 предав и прòдав,
к туркам шлют,
за Верден,
на Двину.
Довольно!
Превратим
войну народов
в гражданскую войну!
Довольно
разгромов,
1550 смертей и ран,
у наций
нет
никакой вины.
Против
буржуазии всех стран
подымем
знамя
гражданской войны! —

Страница Записной книжки 1924, № 23 с автографом поэмы «Владимир Ильич Ленин» (оборот 36 листа).

Думалось:
1560 сразу
пушка-печка
чихнет огнем
и сдунет гнилью,
потом поди,
ищи человечка,
поди,
вспоминай его фамилию.
Глоткой орудий,
шипевших и выших,
1570 друг другу
страны
орут —
на колени!
Додрались,
и вот
никаких победивших —
один победил
товарищ Ленин.
Империализма прорва!
1580 Мы
истощили
терпенье ангельское.
Ты
восставшею
Россией прорвана
от Тавриза
и до Архангельска.
Империя —
это тебе не кýра!
1590 Клювастый орел
с двухглавою властью.
А мы,
как докуренный окурок,
просто
сплюнули
их династью.
Огромный,
покрытый кровавою ржою,

народ,
1600 голодный и голоштанный,
к Советам пойдет
или будет
буржую
таскать,
как и встарь,
из огня каштаны?
— Народ
разорвал
оковы царьи,
1610 Россия в буре,
Россия в грозе,—
читал
Владимир Ильич
в Швейцарии,
дрожа,
волнуясь
над кипой газет.
Но что
по газетным узнаешь клочьям?
1620 На аэроплане
прорваться б ввысь,
туда,
на помощь
к восставшим рабочим,—
одно желанье,
единая мысль.
Поехал,
покорный партийной воле,
в немецком вагоне,
1630 немецкая пломба.
О, если бы
знал
тогда Гогенцоллерн,
что Ленин
и в их монархию бомба!
Питерцы
всё еще
всем на радость

лобзались,
1640 скакали детишками малыми,
но в красной ленточке,
слегка припарадясь,
Невский
уже
кишел генералами.
За шагом шаг —
и дойдут до точки,
дойдут
и до полицейского свиста.
1650 Уже
начинают
казать коготочки
буржуи
из лапок своих пушистых.
Сначала мелочь —
вроде малькóв.
Потом повзрослее —
от шпротов до килечек.
Потом Дарданельский,
1660 в девичестве Милюков,
за ним
с коронацией
прет Михаильчик.
Премьер
не власть —
вышивание гладью!
Это
тебе
не грубый нарком.
1670 Прямо девушка —
иди и гладь ее!
Истерики закатывает,
поет тенорком.
Еще
не попало
нам
и росинки
от этих самых
февральских свобод,

1680 а у оборонцев —
уже хворостинки —
«марш, марш на фронт,
рабочий народ».
И в довершение
пейзажа славненького,
нас предававшие
и до
и пото́м,
вокруг
1690 сторожами
эсеры да Савинковы,
меньшевики —
ученым котом.
И в город,
уже
заплывающий салом,
вдруг оттуда,
из-за Невы,
с Финляндского вокзала
1700 по Выборгской
загрохотал броневик.
И снова
ветер
свежий, крепкий
валы
революции
поднял в пене.
Литейный
залили
1710 блузы и кепки.
«Ленин с нами!
Да здравствует Ленин!»
— Товарищи! —
и над головами
первых сотен
вперед
ведущую
руку выставил.—

— Сбросим
1720 эсдечества
обветшавшие лохмотья.
Долой
власть
соглашателей и капиталистов!
Мы —
голос
воли низа,
рабочего низа
всего света.
1730 Да здравствует
партия,
строящая коммунизм,
да здравствует
восстание
за власть Советов! —
Впервые
перед толпой обалделой
здесь же,
перед тобою,
1740 близ,
встало,
как простое
делаемое дело,
недосягаемое слово —
«социализм».
Здесь же,
из-за заводов гудящих,
сияя горизонтом
во весь свод,
1750 встала
завтрашняя
коммуна трудящихся —
без буржуев,
без пролетариев,
без рабов и господ.
На толщь
окрутивших
соглашательских веревок

слова Ильича

1760 ударами топора.

И речь

прерывало

обвалами рева:

«Правильно, Ленин!

Верно!

Пора!»

Дом

Кшесинской,

за дрыгоножество

1770 подаренный,

нынче —

рабочая блузница.

Сюда течет

фабричное множество,

здесь

закаляется

в ленинской кузнице.

«Ешь ананасы,

рябчиков жуй,

1780 день твой последний

приходит, буржуй».

Уж лезет

к сидящим

в хозяйском стуле —

как живете

да что жуете?

Примериваясь,

в июле

за горло потрогали

1790 и за животик.

Буржуевы зубья

ощерились разом.

— Раб взбунтовался!

Плетями,

да в кровь его!—

И ручку

Керенского

водят приказом —

И партия
снова
ушла в подполье
Ильич на Разливе
Ильич в Финляндии
но ни чердак
ни шалаш
ни поле
вождя
не дадут
озверелой банде их
Ленина не видно
но он
близ
по тому
работа движется как
видна
направляющая
ленинская мысль
~~видна~~
~~[illegible]~~ ведущая
ленинская рука

Страница Записной книжки 1924, № 23 с автографом поэмы «Владимир Ильич Ленин» (лист 46).

на мушку Ленина!

1800 В Кресты Зиновьева!

И партия

снова

ушла в подполье.

Ильич на Разливе,

Ильич в Финляндии.

Но ни чердак,

ни шалаш,

ни поле

вождя

1810 не дадут

озверелой банде их.

Ленина не видно,

но он близ.

По тому,

работа движется как,

видна

направляющая

ленинская мысль,

видна

1820 ведущая

ленинская рука.

Словам Ильичевым —

лучшая почва:

падают,

сейчас же

дело растя,

и рядом

уже

с плечом рабочего —

1830 плечи

миллионов крестьян.

И когда

осталось

на баррикады выйти,

день

наметив

в ряду недель,

Ленин
сам
1840 явился в Питер:
— Товарищи,
довольно тянуть канитель!
Гнет капитала,
голод-уродина,
войн бандитизм,
интервенция во́рья —
будет! —
покажутся
белее родинок
1850 на теле бабушки,
древней истории. —
И оттуда,
на дни
оглядываясь эти,
голову
Ленина
взвидишь сперва.
Это
от рабства
1860 десяти тысячелетий
к векам
коммуны
сияющий перевал.
Пройдут
года
сегодняшних тягот,
летом коммуны
согреет лета́,
и счастье
1870 сластью
огромных ягод
дозреет
на красных
октябрьских цветах.
И тогда
у читающих
ленинские веления,

пожелтевших
декретов
1880 перебирая листки,
выступят
слезы,
выведенные из употребления,
и кровь
волнением
ударит в виски.
Когда я
итожу
то, что про́жил,
1890 и роюсь в днях —
ярчайший где.
я вспоминаю
одно и то же —
двадцать пятое,
первый день.
Штыками
тычется
чирканье молний,
матросы
1900 в бомбы
играют, как в мячики.
От гуда
дрожит
взбудораженный Смольный.
В патронных лентах
внизу пулеметчики.
— Вас
вызывает
товарищ Сталин.
1910 Направо
третья,
он
там.—
— Товарищи,
не останавливаться!
Чего стали?
В броневики
и на почтамт!—

— По приказу
1920 товарища Троцкого! —
— Есть! —
повернулся
и скрылся скоро,
и только
на ленте
у флотского
под лампой
блеснуло —
«Аврора».
1930 Кто мчит с приказом,
кто в куче спорящих,
кто щелкал
затвором
на левом колене.
Сюда
с того конца коридорища
бочком
пошел
незаметный Ленин.
1940 Уже
Ильичем
поведенные в битвы,
еще
не зная
его по портретам,
толкались,
орали,
острее бритвы
солдаты друг друга
1950 крыли при этом.
И в этой желанной
железной буре
Ильич,
как будто
даже заспанный,
шагал,
становился
и глаз, сощуря,

вонзал,
1960 заложивши
руки за̀ спину.
В какого-то парня
в обмотках,
лохматого,
уставил
без промаха бьющий глаз,
как будто
сердце
с-под слов выматывал,
1970 как будто
душу
тащил из-под фраз.
И знал я,
что всё
раскрыто и понято
и этим
глазом
наверное выловится —
и крик крестьянский,
1980 и вопли фронта,
и воля нобельца,
и воля путиловца.
Он
в черепе
сотней губерний ворочал,
людей
носил
до миллиардов полутора.
Он
1990 взвешивал
мир
в течение ночи,
а утром:
— Всем!
Всем!
Всем это —
фронтам,
кровью пьяным,

рабам
2000 всякого рода,
в рабство
богатым отданным.—
Власть Советам!
Земля крестьянам!
Мир народам!
Хлеб голодным! —
Буржуи
прочли
— погодите,
2010 выловим.—
животики пятят
доводом веским —
ужо им покажут
Духонин с Корниловым,
покажут ужо им
Гучков с Керенским.
Но фронт
без боя
слова эти взяли —
2020 деревня
и город
декретами зáлит,
и даже
безграмотным
сердце прожег.
Мы знаем,
не нам,
а им показали,
какое такое бывает
2030 «ужо».
Переходило
от близких к ближним,
от ближних
дальним взрывало сердца:
«Мир хижинам,
война,
война,
война дворцам!»

Дрались

2040 в любом заводе и цехе,

горохом

из городов вытряхали,

а сзади

шаганье октябрьское

метило вехи

пылающих

дворянских усадеб.

Земля —

подстилка под ихними порками,

2050 и вдруг

ее,

как хлебища в узел,

со всеми ручьями ее

и пригорками

крестьянин взял

и зажал, закорузел.

В очках

манжетщики,

злобой похаркав,

2060 ползли туда,

где царство да графство.

Дорожка скатертью!

Мы и кухарку

каждую

выучим

управлять государством!

Мы жили

пока

производством ротаций.

2070 С окопов

летело

в немецкие уши:

— Пора кончать!

Выходите брататься! —

И фронт

расползался

в улитки теплушек.

Такую ли
течь
2080 загородите горстью?
Казалось —
наша лодчонка кренится —
Вильгельмов сапог,
Николаева шпористей,
сотрет
Советской страны границы.
Пошли эсеры
в плащах распашонкой,
ловили бегущих
2090 в свое словоблудьище,
тащили
по-рыцарски
глупой шпажонкой
красиво
сразить
броневые чудища!
Ильич
петушившимся
крикнул:
2100 — Ни с места!
Пусть партия
взвалит
и это бремя.
Возьмем
передышку похабного Бреста.
Потеря — пространство,
выигрыш — время. —
Чтоб не передо̀хнуть
нам
2110 в передышку,
чтоб знал —
запомнят уда́ры мои,
себя
не муштровкой —
сознанием вышколи,
стройся
рядами
Красной Армии.

Историки

2120 с гидрой плакаты выдерут

— чи эта гидра была,

чи нет? —

а мы

знавали

вот эту гидру

в ее

натуральной величине.

«Мы смело в бой пойдем

за власть Советов

2130 и как один умрем

в борьбе за это!»

Деникин идет.

Деникина выкинут,

обрушенный пушкой

подымут очаг.

Тут Врангель вам —

на смену Деникину.

Барона уронят —

уже Колчак.

2140 Мы жрали кору,

ночевка — болотце,

но шли

миллионами красных звезд,

и в каждом — Ильич,

и о каждом заботится

на фронте

в одиннадцать тысяч верст.

Одиннадцать тысяч верст

окружность,

2150 а сколько

вдоль да поперек!

Ведь каждый дом

атаковывать нужно,

каждый

врага

в подворотнях берег.

Эсер с монархистом
шпионят бессонно —
где жалят змеей,
2160 где рубят с плеча.
Ты знаешь
путь
на завод Михельсона?
Найдешь
по крови
из ран Ильича.
Эсеры
целят
не очень верно —
2170 другим концом
да себя же
в бровь.
Но бомб страшнее
и пуль револьве́рных
осада голода,
осада тифо́в.
Смотрите —
кружат
над крошками мушки,
2180 сытней им,
чем нам
в осьмнадцатом году,—
простаивали
из-за осьмушки
сутки
в улице
на холоду.
Хотите сажайте,
хотите травите —
2190 завод за картошку —
кому он не жалок!
И десятикорпусный
судостроитель
пыхтел
и визжал
из-за зажигалок.

А у кулаков
и масло и пышки.
Расчет кулаков
2200 простой и верненький —
запрячь хлеба̀
да зарой в кубышки
николаевки
да ке́ренки.
Мы знаем —
голод
сметает начисто,
тут нужен зажим,
а не ласковость воска,
2210 и Ленин
встает
сражаться с кулачеством
и продотрядами
и продразверсткой.
Разве
в этакое время
слово «демократ»
набредет
какой головке дурьей?!
2220 Если бить,
так чтоб под ним
панель была мокра:
ключ побед —
в железной диктатуре.

Мы победили,
но мы
в пробоинах:
машина стала,
обшивка —
2230 лохмотья.
Валы обломков!
Лохмотьев обойных!
Идите залейте!
Возьмите и смойте!

Где порт?
Маяки
поломались в порту,
кренимся,
мачтами
2240 волны крестя!
Нас опрокинет —
на правом борту
в сто миллионов
груз крестьян.
В восторге враги
заливаются воя,
но так
лишь Ильич умел и мог —
он вдруг
2250 повернул
колесо рулевое
сразу
на двадцать румбов вбок.
И сразу тишь,
дивящая даже;
крестьяне
подвозят
к пристани хлеб.
Обычные вывески
2260 — купля —
— продажа —
— нэп.
Прищурился Ленин:
— Чинитесь пока чего,
аршину учись,
не научишься —
плох.—
Команду
усталую
берег покачивал.
2270 Мы к буре привыкли,
что за подвох?
Залив
Ильичем
указан глубокий

и точка
смычки-причала
найдена,
и плавно
2280 в мир,
строительству в доки,
вошла
Советских республик громадина.
И Ленин
сам
где железо,
где дерево
носил
чинить
2290 пробитое место.
Стальными листами
вздымал
и примеривал
кооперативы,
лавки
и тресты.
И снова
становится
Ленин штурман,
2300 огни по бортам,
впереди и сзади.
Теперь
от абордажей и штурма
мы
перейдем
к трудовой осаде.
Мы
отошли,
рассчитавши точно.
2310 Кто разложился —
на берег
за вòрот.
Теперь вперед!
Отступленье окончено.
РКП,
команду на борт!

Коммуна — столетия,
что десять лет для ней?
Вперед —
2320 и в прошлом
скроется нэпчик.
Мы двинемся
во сто раз медленней,
зато
в миллион
прочней и крепче.
Вот этой
мелкобуржуазной стихии
еще
2330 колышется
мертвая зыбь,
но, тихие
тучи
молнией выев,
уже —
нарастанье
всемирной грозы.
Враг
сменяет
2340 врага поределого,
но будет —
над миром
зажжем небеса
— но это
уже
полезней проделывать,
чем
об этом писать.—
Теперь,
2350 если пьете
и если едите,
на общий завод ли
идем
с обеда,

мы знаем —
пролетариат — победитель,
и Ленин —
организатор победы.
От Коминтерна
2360 до звонких копеек,
серпом и молотом
в новой меди,
одна
неписаная эпопея —
шагов Ильича
от победы к победе.
Революции —
тяжелые вещи,
один не подымешь —
2370 согнется нога.
Но Ленин
меж равными
был первейший
по силе воли,
ума рычагам.
Подымаются страны
одна за одной —
рука Ильича
указывала верно:
2380 народы —
черный,
белый
и цветной —
становятся
под знамя Коминтерна.
Столпов империализма
непреклонные колонны—
буржуи
пяти частей света,
2390 вежливо
приподымая
цилиндры и короны,
кланяются
Ильичевой республике советов.

Нам
не страшно
усилие ничье,
мчим
вперед
2400 паровозом труда...
и вдруг
стопудовая весть —
с Ильичем
удар.

Если бы
выставить в музее
плачущего большевика,
весь день бы
в музее
2410 торчали ротозеи.
Еще бы —
такое
не увидишь и в века!
Пятиконечные звезды
выжигали на наших спинах
панские воеводы.
Живьем,
по голову в землю,
закапывали нас банды
2420 Мамонтова.
В паровозных топках
сжигали нас японцы,
рот заливали свинцом и оловом,
отрекитесь! — ревели,
но из
горящих глоток
лишь три слова:
— Да здравствует коммунизм! —
Кресло за креслом,
ряд в ряд
2430 эта сталь,
железо это
вваливалось
двадцать второго января

в пятиэтажное здание
Съезда советов.
Усаживались,
кидались усмешкою,
решали
2440 пѐходя
мелочь дел.
Пора открывать!
Чего они мешкают?
Чего
президиум,
как вырубленный, поредел?
Отчего
глаза
краснее ложи?
2450 Что с Калининым?
Держится еле.
Несчастье?
Какое?
Быть не может!
А если с ним?
Нет!
Неужели?
Потолок
на нас
2460 пошел снижаться вороном.
Опустили головы —
еще нагни!
Задрожали вдруг
и стали черными
люстр расплывшихся огни.
Захлебнулся
колокольчика ненужный щелк.
Превозмог себя
и встал Калинин.
2470 Слёзы не сжуешь
с усов и щек.
Выдали.
Блестят у бороды на клине.
Мысли смешались,
голову мнут.

Кровь в виски,
клокочет в вене:
— Вчера
в шесть часов пятьдесят минут
2480 скончался товарищ Ленин! —
Этот год
видал,
чего не взвидят сто.
День
векам
войдет
в тоскливое преданье.
Ужас
из железа
2490 выжал стон.
По большевикам
прошло рыданье.
Тяжесть страшная!
Самих себя же
выволакивали
волоком.
Разузнать —
когда и как?
Чего таят!
2500 В улицы
и в переулки
катафалком
плыл
Большой театр.
Радость
ползет улиткой.
У горя
бешеный бег.
Ни солнца,
2510 ни льдины слитка —
всё
сквозь газетное ситко
черный
засеял снег.
На рабочего
у станка

весть набросилась.
Пулей в уме.
И как будто
2520 слезы́ стакан
опрокинули на инструмент.
И мужичонко,
видавший виды,
смерти
в глаз
смотревший не раз,
отвернулся от баб,
но выдала
кулаком
2530 растертая грязь.
Были люди — кремень,
и эти
прикусились,
губу уродуя.
Стариками
рассерьезничались дети,
и, как дети,
плакали седобородые.
Ветер
2540 всей земле
бессонницею выл,
и никак
восставшей
не додумать до конца,
что вот гроб
в морозной
комнатеночке Москвы
революции
и сына и отца.
2550 Конец,
конец,
конец.
Кого
уверять!
Стекло —
и видите под...

Это
его
несут с Павелецкого
2560 по городу,
взятому им у господ.
Улица,
будто рана сквозная —
так болит
и стонет так.
Здесь
каждый камень
Ленина знает
по топоту
2570 первых
октябрьских атак.
Здесь
всё,
что каждое знамя
вышило,
задумано им
и велено им.
Здесь
каждая башня
2580 Ленина слышала,
за ним
пошла бы
в огонь и в дым.
Здесь
Ленина
знает
каждый рабочий,
сердцá ему
ветками елок стели.
2590 Он в битву вел,
победу пророчил,
и вот
пролетарий —
всего властелин.
Здесь
каждый крестьянин
Ленина имя

в сердце
вписал
2600 любовней, чем в святцы.
Он зѐмли
велел
назвать своими,
что дедам
в гробах,
засеченным, снятся.
И коммунары
с-под площади Красной,
казалось,
2610 шепчут:
— Любимый и милый!
Живи,
и не надо
судьбы прекрасней —
сто раз сразимся
и ляжем в могилы! —
Сейчас
прозвучали б
слова чудотворца,
2620 чтоб нам умереть
и его разбудят,—
плотина улиц
враспашку раство́рится,
и с песней
на́ смерть
ринутся люди.
Но нету чудес,
и мечтать о них нечего.
Есть Ленин,
гроб
2630 и согнутые плечи.
Он был человек
до конца человечьего —
неси
и казнись
тоской человечьей.

Вовек
такого
бесценного груза
2640 еще
не несли
океаны наши,
как гроб этот красный,
к Дому союзов
плывущий
на спинах рыданий и маршей.
Еще
в караул
вставала в почетный
2650 суровая гвардия
ленинской выправки,
а люди
уже
прожидают, впечатаны
во всю длину
и Тверской
и Димитровки.
В семнадцатом
было —
2660 в очередь дочери
за хлебом не вышлешь —
завтра съем!
Но в эту
холодную,
страшную очередь
с детьми и с больными
встали все.
Деревни
строились
2670 с городом рядом.
То мужеством горе,
то детскими вызвенит.
Земля труда
проходила парадом —
живым
итогом
ленинской жизни.

Желтое солнце,
косое и лаковое,
2680 взойдет,
лучами к подножью кидается.
Как будто
забитые,
надежду оплакивая,
склоняясь в горе,
проходят китайцы.
Вплывали
ночи
на спинах дней,
2690 часы меняя,
путая даты.
Как будто
не ночь
и не звезды на ней,
а плачут
над Лениным
негры из Штатов.
Мороз небывалый
жарил подошвы.
2700 А люди
днюют
давкою тесной.
Даже
от холода
бить в ладоши
никто не решается —
нельзя,
неуместно.
Мороз хватает
2710 и тащит,
как будто
пытает,
насколько в любви закаленные.
Врывается в толпы.
В давку запутан,
вступает
вместе с толпой за колонны.

Ступени растут,
разрастаются в риф.
2720 Но вот
затихает
дыханье и пенье,
и страшно ступить —
под ногою обрыв —
бездонный обрыв
в четыре ступени.
Обрыв
от рабства в сто поколений,
где знают
2730 лишь золота звонкий резон.
Обрыв
и край —
это гроб и Ленин,
а дальше —
коммуна
во весь горизонт.
Что увидишь?!
Только лоб его̀ лишь,
и Надежда Константиновна
2740 в тумане
за...
Может быть,
в глаза без слез
увидеть можно больше.
Не в такие
я
смотрел глаза.
Знамен
плывущих
2750 склоняется шелк
последней
почестью отданной:
«Прощай же, товарищ,
ты честно прошел
свой доблестный путь, благородный».
Страх.
Закрой глаза
и не гляди —

как будто
2760 идешь
по проволоке про́вода.
Как будто
минуту
один на один
остался
с огромной
единственной правдой.
Я счастлив.
Звенящего марша вода
2770 относит
тело мое невесомое.
Я знаю —
отныне
и навсегда
во мне
минута
эта вот самая.
Я счастлив,
что я
2780 этой силы частица,
что общие
даже слезы из глаз.
Сильнее
и чище
нельзя причаститься
великому чувству
по имени —
класс!
Знамённые
2790 снова
склоняются крылья,
чтоб завтра
опять
подняться в бой —
«Мы сами, родимый, закрыли
орлиные очи твои».
Только б не упасть,
к плечу плечо,

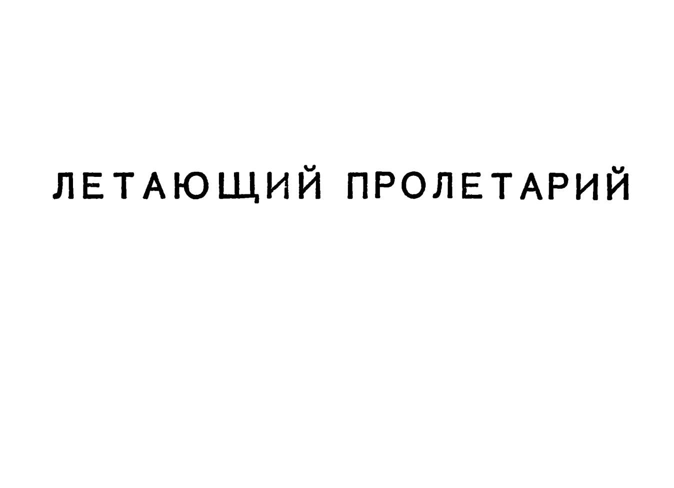
флаги вычернив
2800 и ве́ками алея,
на последнее
прощанье с Ильичем
шли
и медлили у мавзолея.
Выполняют церемониал.
Говорили речи.
Говорят — и ладно.
Горе вот,
что срок минуты
2810 мал —
разве
весь
охватишь ненаглядный!
Пройдут
и на̀верх
смотрят с опаской,
на черный,
посыпанный снегом кружок.
Как бешено
2820 скачут
стрелки на Спасской.
В минуту —
к последней четверке прыжок.
Замрите
минуту
от этой вести!
Остановись,
движенье и жизнь!
Поднявшие молот,
2830 стыньте на месте.
Земля, замри,
ложись и лежи!
Безмолвие.
Путь величайший окончен.
Стреляли из пушки,
а может, из тыщи.
И эта
пальба
казалась не громче,

2840 чем мелочь,
в кармане бренчащая —
в нищем.
До боли
раскрыв
убогое зрение,
почти заморожен,
стою не дыша.
Встает
предо мной
2850 у знамён в озарении
тёмный
земной
неподвижный шар.
Над миром гроб,
неподвижен и нем.
У гроба —
мы,
людей представители,
чтоб бурей восстаний,
2860 дел и поэм
размножить то,
что сегодня видели.
Но вот
издалёка,
оттуда,
из алого
в мороз,
в караул умолкнувший наш,
чей-то голос —
2870 как будто Муралова —
«Шагом марш».
Этого приказа
и не нужно даже —
реже,
ровнее,
тверже дыша,
с трудом
отрывая
тело-тяжесть,

2880 с площади
вниз
вбиваем шаг.
Каждое знамя
твердыми руками
вновь
над головою
взвито ввысь.
Топота потоп,
сила кругами,
2890 ширясь,
расходится
миру в мысль.
Общая мысль
воедино созвеньена
рабочих,
крестьян
и солдат-рубак:
— Трудно
будет
2900 республике без Ленина.
Надо заменить его —
кем?
И как?
Довольно
валяться
на перине клоповой!
Товарищ секретарь!
На́ тебе —
вот —
2910 просим приписать
к ячейке еркаповой
сразу,
коллективно,
весь завод...—
Смотрят
буржуи,
глазки раскоряча,
дрожат
от топота крепких ног.

2920 Четыреста тысяч
от станка
горячих —
Ленину
первый
партийный венок.
— Товарищ секретарь,
бери ручку...
Говорят — заменим...
Надо, мол...
2930 Я уже стар —
берите внучика,
не отстает —
подай комсомол. —
Подшефный флот,
подымай якоря,
в море
пора
подводным кротам.
«По морям,
2940 по морям,
нынче здесь,
завтра там».
Выше, солнце!
Будешь свидетель —
скорей
разглаживай траур у рта.
В ногу
взрослым
вступают дети —
2950 тра́-та-та-та́-та
та́-та-та-та́.
«Раз,
два,
три!
Пионеры мы.
Мы фашистов не боимся,
пойдем на штыки».
Напрасно
кулак Европы задран.

2960 Кроем их грохотом.
Назад!
Не сметь!
Стала
величайшим
коммунистом-организатором
даже
сама
Ильичева смерть.
Уже
2970 над трубами
чудовищной рощи,
руки
миллионов
сложив в древко,
красным знаменем
Красная площадь
вверх
вздымается
страшным рывком.
2980 С этого знамени,
с каждой складки
снова
живой
взывает Ленин:
— Пролетарии,
стройтесь
к последней схватке!
Рабы,
разгибайте
2990 спины и колени!
Армия пролетариев,
встань стройна!
Да здравствует революция,
радостная и скорая!
Это —
единственная
великая война
из всех,
какие знала история.
[*1924*]

ЛЕТАЮЩИЙ ПРОЛЕТАРИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В «Правде»
пишется правда.
В «Известиях» —
известия.
Факты.
Хоть возьми
да положи на стол.
А поэта
интересует
10 *и то,*
что будет через двести
лет
или —
через сто.

I
ВОЙНА, КОТОРАЯ БУДЕТ СЕЙЧАС

Когда
перелистываем
газетный лист мы,
перебираем
новости
20 заграницы болотной,
натыкаемся —
выдумали
ученые империалистовы:

то газ,
то луч,
то самолет беспилотный.
Что́ им,
куриная судьба горька?
Человечеству
30 помогают,
лучи скрестя?
Нет —
с поднебесья
новый аркан
готовят
на шеи
рабочих и крестьян.
Десятилетие
страницы
40 всех газетин
смерть начиняла —
увечья,
горе...
Но вздором
покажутся
бойни эти
в ужасе
грядущих фантасмагорий.

. . . .

2125 год.

Небо горсти сложило
50 (звезды клянчит).
Был вечер,
выражаясь просто.
На небе,
как всегда,
появился аэропланчик.
Обычный —
самопишущий —
«Аэророста».

Москва.
60 Москвичи
повылезли на крыши
сорокаэтажных
домов-коммун.
— Посмотрим, что ли...
Про что пропишет.
Кто?
Кого?
Когда?
Кому? —

ТРЕВОГА.

70 Летчик
открыл
горящий газ,
вывел
на небе
раму.
Вывел
крупными буквами:

ПРИКАЗ.
МОБИЛИЗАЦИЯ.

80 А потом —
т е л е г р а м м у:
Р а п о р т.
Наблюдатели.
Берег восточный.
Доносим:
«Точно —
без пяти восемь,
несмотря
на время раннее,
90 враг
маяки
потушил крайние».

Ракета.
Осветились
в темноте
приготовления —
лихорадочный темп.
Крыло к крылу,
в крылья крылья,
100 первая,
вторая,
сотая эскадрилья.
Еще ракету!
Вспыхнула.
Видели?
Из ангаров
выводятся истребители.
«Зашифровали.
Передали
110 стам
сторожевым
советским постам.
Порядок образцовый.
Летим
наперерез,
в прикрытии
газовых завес».
За рапортом —
воззвание:
120 «Товарищи,
ясно!
Угроза —
Европе
и Азии красной.
Америка —
разбитой буржуазии оплот —
на нас
подымает
воздушный флот.
130 Не врыть
в нору
рабочий класс.

Рука — на руль!
                        Глаз — на газ!»
Казалось,
              газ,
                   смертоносный и душненький,
уже
     обволакивает
140   миллионы голов.
Заторопились.
                    Хватали наушники.
Бросали в радио:
                        «Алло!
                                  Алло!!»
Мотор умолк,
                   тревогу отгаркав.
Потух
        вверху
150   фосфорический свет.
А люди
         выводили
                      двухместки из ангариков,
летели —
            с женой —
                          в районный совет.
Долетевшим
                до половины
встречались —
160   побывавшие в штабе.
Туда!
      Туда!!
             Где бомбы
                         да мины
сложил
         арсенальщик
                          в страшный штабель.

РАДИОМИТИНГ.

— Товарищи!
                На митинг! —
170   радио кликал.

Массы
морем
вздымало бурно.
А с Красной
площади
взлетала восьмикрылка —
походная
коминтерновская трибуна.
Не забудется
180 вовек
картина эта.
В масках,
в противогазном платье
земля
разлеглась
фантастическим макетом.
А вверху —
коминтерновский председатель:
— Товарищи!
190 Сегодня
Америка
Союзу
трудящихся
навязывает войны! —
От Шанхая
до ирландского берега —
фразы
сразу
по радиоволнам.

АВИОМОБИЛИЗАЦИЯ.

200 Сегодня
забыли
сон и дрёму.
Солнце
искусственное
в миллиард свечей
включили,
и от аэродрома
к аэродрому

сновали
210 машины
бессонных москвичей.
Легкие разведчики,
дредноуты из алюминия...
И в газодежде,
мускулами узловат,
рабочий
крепил
подвески минные;
бомбами-
220 летучками
набивал кузова.
Штабные
у машин
разбились на группки.
Небо кроили;
место свое
отмечали.
Делали зарубки
на звездах —
230 территории грядущих боев.
Летчик.
Рядом — ребятишки
(с братом)
шлем
помогали
надеть ему.
И он
объяснял
пионерам и октябрятам,
240 из-за чего тревога
и что — к чему:
— Из Европы выбили...
из Азии...
Ан,
они — туда
навострили лыжи,—
в Америку, значит.
В подводках.
За океан.

250 А там —
свои.
Буржуи.
Кулиджи.
Мы
тут
забыли и имя их.
Заводы строим.
Возносим трубы.
А они
260 не дремлют.
У них —
химия.
Воняют газом.
Точат зубы.
Ну, и решили —
дошло до точки.
Бомбы взяли..
С дом — в объем.
Камня на камне,
270 листочка на листочке
не оставят.
Побьют...
Если мы не побьем.—

ВПЕРЕД.

Одна
машина
выскользнула плавно.
Снизилась,
смотрит...
Чего бы надо еще?
280 Потом рванулась —
обрадовалась словно —
сигнализировала:
«Главнокомандующий.
Приказываю:
Пора!

Обложка первого издания поэмы «Летающий пролетарий» работы художника Г. Бершадского, 1925.

Вперед!!
И до Марса
винт отмашет!»
Отземлились,
290 подняли рупора.
И воздух
гремит
в давнишнем марше.

МАРШ.

Буржуи
лезут в яри
на самый
небий свод.
Товарищ
пролетарий,
300 садись на самолет!
Катись
назад,
заводчики,
по облакам свистя.
Мы — летчики
республики
рабочих и крестьян.
Где не проехать
коннице,
310 где не пройти
ногам —
там
только
летчик гонится
за птицами врага.
Вперед!
Сквозь тучи-кочки!
Летим,
крылом блестя.
320 Мы — летчики
республики
рабочих и крестьян!
Себя
с врагом померьте,

дорогу
кровью рдя;
до самой
небьей тверди
коммуну
330 утвердя.
Наш флаг
меж звезд
полощется,
рабочью
власть
растя.
Мы — летчики,
мы — летчицы,
рабочих и крестьян!

НАЧАЛО.

340 Сначала
разведчики
размахнулись полукругом.
За разведчиками —
истребителей дуга.
А за ними
газоносцы
выстроились в угол.
Тучи
от винтов
350 размахиваются наугад.
А за ними,
почти
закрывая многоокий,
помноженный
фонарями
небесный свод,
летели
огромней,
чем корабельные доки,
360 ангары —
сразу
на аэропланов пятьсот.

Когда
повороты
были резки́,—
на тысячи
ладов и ладков
ревели
сонмы
370 окружающих мастерских
свистоголосием
сирен и гудков.
За ними
вслед
пошли обозы,
маскированные
каким-то
цветом седым.
Тихо...
380 Тебе — не телегой о́б земь!..
Арсеналы,
склады
медикаментов,
еды...
Под ними
земля
выгибалась миской.
Ждали
на каждой
390 бетонной поляне.
Ленинская
эскадрилья
взлетела из-под Минска...
Присоединились
крылатые смоляне...
Выше,
выше
ввинчивались летчики.
Совсем высоко...
400 И — еще выше.
Марш отшумел.
Машины —
точки.

Внизу — пощурились
и бросили крыши.
Проверили.
Есть —
кислород и вода.
Еду
410 машина
в минуту подавала.
И влезли,
осмотрев
провода и привода,
в броню
газонепроницаемых подвалов.
На оборону!
Заводы гудят.
А краны
420 мины таскают.
Под землю
от вражьего газа уйдя,
бежала
жизнь заводская.

ПОХОД.

Летели.
Птицы
в изумленьи глядели.
Летели...
Винт,
430 звезда блестит в темноте ли?
Летели...
Ввысь
до того,
что — иней на теле.
Летели...
Сами
себя ж
догоняя еле,
летели.
440 С часами
скорость
творит чудеса:

шло
в сутки
двое сполна;
два солнца —
в 24 часа;
и дважды
всходила луна.
450 Когда ж
догоняли
вращенье земли —
сто мест
перемахивал
глаз.
А циферблат
показывал
им
один
460 неподвижный час.
Взвивались,
прорезавши
воздух весь.
В удушьи
разинув рот,
с трудом
рукой,
потерявшей вес,
выструивали
470 кислород.
Врезáлись
разведчики
в бурю
и в гром
и, бросив
громовую одурь,
на гладь
океана
кидались ядром
480 и плыли,
распенивши воду.

Пловучей
миной
взорван один.
И тотчас
все остальные
заторопились
в воду уйти,
сомкнувши
490 брони стальные.
Всплывали,
опасное место пройдя,
стряхнувши
с пропеллеров
капли;
и вновь
в небосвод,
пылающ и рдян,
машин
500 многоточие
вкрапили.
Летели...
Минуты...
сутки...
недели...
Летели.
Сквозь россыпи солнца,
сквозь луновы мели
летели.

НАПАДЕНИЕ.

510 Начальник
спокойно
передвигает кожаный
на два
валика
намотанный план.
Все спокойно.
И вдруг —
как подкошенный,
камнем —
520 аэроплан.

Ничего.
И только
лучище
вытягивается
разящей
ручищей.
Вставали,
как в пустыне миражи,
сто тысяч
530 машин
эскадрильи вражьей.
Нацелив
луч,
истребленье готовящий,
сторон с десяти
— никак не менее —
свистели,
летели,
мчались чудовища —
540 из света,
из стали,
из алюминия.
Качнула
машины
ветра река.
Налево
кренятся
по склону.
На правом
550 крыле
встает три «К»,
три
черных
«К» —
Ку-клукс-клана.
А ветер
с другого бока налез,
напразо
качнул огульно —

560 и черную
взметнулась
на левом крыле
фашистская
загогулина.
Секунда.
Рассмерчились бешено.
И нет.
Исчезли,
в газ занавешены.
570 На каждом аэро,
с каждого бока,
как будто
искра —
в газовый бак,
два слова
взрывало сердца:
«Тревога!
Враг!»

АЭРОБИТВА.

Не различить
580 горизонта слитого.
Небо,
воздух,
вода —
воедино!
И в этой
синеве —
последняя битва.
Красных,
белых
590 — последний поединок.
Невероятная битва!
Ни одного громыханийка!!
Ни ядер,
ни пуль не вижу мимо я —
только
винтов
взбешенная механика,

только
одни
600 лучи да химия.
Гнались,
увлекались ловом,
и вдруг —
поворачивали
назад.
Свисали руки,
а на лице
лиловом —
вылезшие
610 остекленелые глаза.
Эскадрильи,
атакующие,
тучи рыли.
Прожектор
глаз
открывает круглый —
и нету
никаких эскадрилий.
Лишь падают
620 вниз
обломки и угли.
Иногда,
невидимые,
башня с башнею
сходились,
и тогда
громыхало одно это.
По старинке
дрались
630 врукопашную
два
в абордаже
воздушные дредноута.
Один разбит,
и сразу —
идиллия:
беззащитных,
как щенят,

в ангары

640 поломанные

дредноуты вводили,

здесь же

в воздухе

клепая и чиня.

Четырежды

ночью,

от звезд рябой,

сменились

дней глади,

650 но все

растет,

расширяется бой,

звереет

со дня на́ день.

В бою

умирали

пятые сутки.

Враг

отошел на миг.

660 А после

тысяча

ясно видимых и жутких

машин

пошла напрямик.

В атаку!

В лучи!! —

Не свернули лёта.

В газ!!! —

И газ не мутит.

670 Неуязвимые,

прут без пилотов.

Всё

метут

на пути.

ГНУТ.

Командав нахмурился.

Кажется — крышка!

Бросится наш,
винтами взмашет —
и падает
680 мухой,
сложивши крылышки.
Нашим — плохо.
Отходят наши.
Работа —
чистая.
Сброшена тонна.
Ни увечий,
ни боли,
ни раны...
690 И город
сметен
без всякого стона
тонной
удушливой
газовой дряни.
Десятки
столиц
невидимый выел
никого,
700 ничего не щадящий газ.
К самой
к Москве
машины передовые
прут,
как на парад,
как на показ...
Уже
надеющихся
звали вра́лями.
710 Но летчики,
долг выполняя свой,
аэропланными
кольцами-
спиралями
сгрудились
по-над самой Москвой.

Расплывшись
во все
небесное лоно,
720 во весь
непреклонный
машинный дух,
враг летел,
наступал неуклонно.
Уже —
в четырех километрах,
в двух...
Вспыхивали
в черных рамках
730 известия
неизбежной ясности.
Радио
громко
трубило:
— Революция в опасности! —
Скрежещущие звуки
корежили
и спокойное лицо,—
это
740 завинчивала люки
Москва
подвальных жильцов.
Сверху
видно:
мура —
так толпятся;
а те —
в дирижаблях
да — на Урал.
750 Прихватывают
жен и детей.
Растут,
размножаются
в небесном ситце
надвигающиеся
машины-горошины.

Сейчас закидают!
Сейчас разразится!
Сейчас
760 газобомбы
обрушатся брошенные.
Ну что ж,
приготовимся
к смерти душной.
Нам ли
клониться,
пощаду моля?
Напрягшись
всей
770 силищей воздушной,
примолкла
Советская Земля.

ПОБЕДА.

И вдруг... —
не верится! —
будто
кто-то
машины
вражьи
дернул разом.
780 На удивленье
полувылезшим
нашим пилотам,
те скривились
и грохнулись
наземь.
Не смея радоваться —
не подвох ли?
снизились, может,
землею шествуют? —
790 моторы
затараторили,
заохали,
ринулись
к месту происшествия.

Снизились,
к земле приникли...
В яме,
упавшими развороченной,—
обломки
800 алюминия,
никеля...
Без подвохов.
Так. Точно.
Летчики вылезли.
Лбы — склгдки.
Тысяча вопросов.
Ответ —
нем.
И лишь
810 под утро
радио-разгадка:
— Нью-Йорк.
Всем!
Всем!
Всем!

РАДИО.

Рабочих,
крестьян
и лётные кадры
приветствуют
820 летчики
первой эскадры.
Пусть
разиллюминуют
Москву
в миллион свечей.
С этой минуты
навек мину́ют
войны.
Мы —
830 эскадра москвичей —
прорвались.
Нас
не видели.

Под водой —
до Америки рейс.
Взлетели.
Ночью
громкоговорители
поставили.
840 И забасили
на Нью-Йорк, на весь.
«Рабочие!
Товарищи и братья!
Скоро ль
наций
дурман развеется?!
За какие серебренники,
по какой плате
вы
850 предаете
нас, европейцев?
Сегодня
натравливают:
— Идите!
Европу
окутайте
в газовый мор! —
А завтра
возвратится победитель,
860 чтоб здесь
на вас
навьючить ярмо.
Что вам
жизнь
буржуями да́рена?
Жмут
из вас
то кровь,
то пот.
870 Спаяйтесь
с нами
в одну солидарность.

В одну коммуну —
без рабов,
без господ!»
Полицейские —
за лисой лиса —
на аэросипедах...
Прожѐктора полоса...
880 Напрасно! —
Качаясь мерно,
громкоговорители
раздували голоса
лучших
ораторов Коминтерна.
Ничего!
Ни связать,
ни забрать его —
радио.
890 Видим,
у них —
сумятица.
Вышли рабочие,
полиция пятится.
А город
будто
огни зажег —
разгорается
за флагом флажок.
900 Для нас
приготовленные мины
миллиардерам
кладут под домины.
Знаменами
себя
осеня,
атаковывают
арсенал.
Совсем как в Москве
910 столетья назад
Октябрьская
разрасталась гроза.

Берут,
на версты
гром разбаси́в,
ломают
замков
хитроумный массив.
Радиофорт...
920 Охраняющий —
скинут.
Атаковали.
Взят вполовину.
В другую!
Схватка,
с час горяча.
Ухватывают
какой-то рычаг.
Рванули...
930 еще крутнули...
Мгновение,—
и то чересчур —
мгновения менее,—
как с тыщи
струнищ
оборванный вой!
И тыща
чудовищ
легла под Москвой.

РАДОСТЬ.

940 В «ура» содрогающимся
ртам еще
хотелось орать
и орать до́сыта,—
а уже
во все небеса
телеграммищу
вычерчивала
радиороста:

«Мир!
950 Народы
кончили драться.
Да здравствует
минута эта!
Великая
Американская федерация
присоединяется
к Союзу советов!»
Сомнений —
ни в ком.
960 Подпись:
«Американский ревком».

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Утром
с запада
появились точки.
Неслись,
себя
и марш растя:
«Мы — летчики
республики
970 рабочих и крестьян.
Недаром
пролетали —
очищен
небий свод.
Крестьянин!
Пролетарий!
Снижайте самолет!
Скатились
вниз
980 заводчики,
по облакам свистя.
Мы летчики —
республики
рабочих и крестьян!
Не вступит
вражья
конница,

ни птица,
ни нога.
990 Наш летчик
всюду гонится
за силами врага.
Наш флаг
меж звезд полощется,
рабочью власть растя.
Мы — летчицы,
мы — летчики
рабочих и крестьян».

II

БУДУЩИЙ БЫТ

СЕГОДНЯ.

Комната —
1000 это,
конечно,
не роща.
В ней
ни пикников не устраивать,
ни сражений.
Но все ж
не по мне —
проклятая жилплощадь:
при моей,
1010 при комплекции —
проживи на сажѐни!
Старики,
старухи,
дама с моською,
дети
без счета —
вот население.
Не квартира,
а эскимосское

1020 или киргизское
копченое селение.
Ребенок —
это вам не щенок.
Весь день —
в работе упорной.
То он тебя
мячиком
сбивает с ног,
то
1030 на крючок
запирает в уборной.
Меж скарбом —
тропинки,
крымских окольней.
От шума
взбесятся
и самые кроткие.
Весь день —
звонки,
1040 как на колокольне.
Гуртом,
в одиночку,
протяжные,
короткие...
И за это
гнездо —
между клеток
и солений,
где негде
1050 даже
приткнуть губу,
носишься
весь день,
отмахиваясь
от выселений
мандатом союзным,
бумажкой КУБу.
Вернешься
ночью,
1060 вымотан в городе.

Морда — в пене,—
смыть бы ее.
В темноте
в умывальной
лупит по морде
кем-то
талантливо
развешенное белье.
Бр-р-р-р!
1070 Мутит
чад кухонный.
Встаю на корточки.
Тянусь
с подоконника
мордой к форточке.
Вижу,
в небесах —
возня аэропланова.
Приникаю
1080 к стеклам,
в раму вбит.
Вот кто
должен
переделать наново
наш
сардиночный
унылый быт!

БУДЕТ.

Год какой-то
нолями разнулится.
1090 Отгремят
последние
битвы-грома.
В Москве
не будет
ни переулка,
ни улицы —
одни аэродромы
да дома.

Темны,
1100 неясны
грядущие дни нам.
Но —
для шутки
изображу
грядущего гражданина,
проводящего
одни сутки.

УТРО.

Восемь.
Кричит
1110 радиобудильник вежливый:
«Товарищ —
вставайте,
не спите ежели вы!
Завод —
зовет.
Пока
будильнику
приказов нет?
До свидания!
1120 Привет!»
Спросонок,
но весь —
в деловой прыти,
гражданин
включил
электросамобритель.
Минута —
причесан,
щеки —
1130 даже
гражданки Милосской
Венеры глаже.
Воткнул штепсель,
открыл губы:
электрощетка —
юрк! —
и выблестила зубы.

Прислуг — никаких!
Кнопкой званная,
1140 сама
под ним
расплескалась ванная.
Намылила
вначале —
и пошла:
скребет и мочалит.
Позвонил —
гражданину
под нос
1150 сам
подносится
чайный поднос.
Одевается —
ни пиджаков,
ни брюк;
рубаха
номерами
не жмет узка.
Сразу
1160 облекается
от пяток до рук
шелком
гениально скроенного куска.
В туфли —
пару ног...
В окно —
звонок.
Прямо
к постели
1170 из небесных лон
впархивает
крылатый почтальон.
Ни — приказ выселиться,
ни — с налогом повестка.
Письмо от любимой
и дружеских несколько.

Вбегает сын,
здоровяк-
карапуз.
1180 — До свидания,
улетаю в вуз.
— А где Ваня?
— Он
в саду
порхает с няней.

НА РАБОТУ.

Сквозь комнату — лифт.
Присел —
и вышел
на гладь
1190 расцветоченной крыши.
К месту
работы
курс держа,
к самому
карнизу
подлетает дирижабль.
По задумчивости
(не желая надуть)
гражданин
1200 попробовал
сесть на лету.
Сделав
самые вежливые лица,
гражданина
остановила
авиомилиция.
Ни протоколов,
ни штрафа бряцания...
Только —
1210 вежливенькое
порицание.
Высунувшись
из гондолы,
на разные тона

покрикивает
знакомым летунам:
— Товарищ,
куда спешите?
Бросьте!
1220 Залетайте
как-нибудь
с женою
в гости!
Если свободны —
часа на пол
запархивайте
на авиобол!
— Ладно!
А вы
1230 хотите пересесть?
Садитесь,
местечко в гондоле есть! —
Пересел...
Пятнадцать минут.
И вот —
гражданин
прибывает
на место работ.

ТРУД.

Завод.
1240 Главвоздух.
Делают вообще они
воздух
прессованный
для междупланетных сообщений.
Кубик
на кабинку — в любую ширь,
и сутки
сосновым духом дыши.
Так —
1250 в век оный
из «Магги»
делали бульоны.

Так же
вырабатываются
из облаков
искусственная сметана
и молоко.
Скоро
забудут
1260 о коровьем имени.
Разве
столько
выдоишь
из коровьего вымени!
Фабрика.
Корпусом сорокаярусным.
Слезли.
Сорок —
в рвении яростном.
1270 Чисто-чисто.
Ни копотей,
ни сажи.
Лифт
развез
по одному на этаж.
Ни гуда,
ни люда!
Одна клавиатура —
вроде «Ундервуда».
1280 Хорошо работать!
Легко — и так,
а тут еще
по радио —
музыка в такт.
Бей буквами,
надо которыми,
а все
остальное
доделается моторами.
1290 Четыре часа.
Промелькнули мельком.

И каждый —
с воздухом,
со сметаной,
с молоком.
Не скукситесь,
как сонные совы.
Рабочий день —
четырехчасовый.
1300 Бодро, как белка...
Еще бодрей.
Под душ!
И кончено —
обедать рей!

ОБЕД.

Вылетел.
Детишки.
Крикнул!
— Тише! —
Нагнал
1310 из школы
летящих детишек.
— Куда, детвора?
Обедать пора! —
Никакой кухни,
никакого быта!
Летают сервированные
аэростоловые Нарпита.
Стал
и сел.
1320 Взял
и съел.
Хочешь — из двух,
хочешь — из пяти,—
на любой дух,
на всякий аппетит.
Посуда —
самоубирающаяся.
Поел —
и вон!

1330 Подносит
к уху
радиофон.
Буркнул,
детишек ласкfaя:
Дайте Чухломскую!
Коммуна Чухломская?..
Прошу —
Иванова Десятого! —
— Которого?
1340 Бритого? —
— Нет.
Усатого!..
— Как поживаешь?
Добрый день.
— Да вот —
только
вылетел за плетень.
Пасу стадо.
А что надо? —
1350 — Как что?!
Давно больно
не видались.
Залетай
на матч авиобольный. —
— Ладно!
Еще с часок
попасу
и спланирую
в шестом часу.
1360 Может, опоздаю...
Думаю — не слишком.
Деревня
поручила
маленькое делишко.
Хлеба́ —
жарою мучимы,
так я
управляю
искусственными тучами.

1370 Надо
сделать дождь,
да чтоб — без града.
До свидания! —

ЗАНЯТИЯ.

Теперь —
поучимся.
Гражданин
в минуту
подлетает
к Высшему
1380 сметанному институту.
Сопоставляя
новейшие
технические данные,
изучает
в лаборатории
дела сметанные...
У нас пока —
различные категории занятий.
Скажем —
1390 грузят чернорабочие,
а поэзия —
для духовной знати.
А тогда
не будет
более почетных
и менее...
И сапожники,
и молочницы —
все гении.

ИГРА.

1400 Через час —
до́ма.
Отдых.
Смена.

Вместо блузы —
костюм спортсмена.
В гоночной,
всякого ветра чище,
прет,
захватив
1410 большой мячище.
Небо —
в самолетах юрких.
Фигуры взрослых,
детей фигурки.
И старики
повылезли,
забыв апатию.
Красные — на желтых.
Партия — на партию.
1420 Подбросят
мяч
с высотищи
с этакой,
а ты подлетай,
подхватывай сеткой.
Откровенно говоря,
футбол —
тоска.
Занятие
1430 разве что —
для лошадиной расы.
А здесь —
хорошо!
Башмаки — не истаскать.
Нос
тебе
мячом не расквасят.
Все кувыркаются —
надо,
1440 нет ли;
скользят на хвост,
наматывают петли.

Наконец
один
промахнется сачком.
Тогда:
— Ур-р-р-а!
Выиграли очко! —
Вверх,
1450 вниз,
вперед,
назад,—
перекувырнутся
и опять скользят.
Ни вздоха запыханного,
ни кислой мины —
будто
не ответственные работники,
а — дельфины.
1460 Если дождь налетает
с ветром в паре —
подымутся
над тучами
и дальше шпарят.
Стемнеет,
а игры бросить
лень;
догонят солнце,
и — снова день.
1470 Наконец
устал
от подбрасывания,
от лова.
Снизился
и влетел
в окно столовой.
Кнопка.
Нажимает.
Стол чайный.
1480 Сын рассказывает:
— Сегодня
случайно

крыло поломал.
Пересел к Петьке,
а то б
опоздал
на урок арифметики.
Освободились на час
(урока нету),
1490 полетели
с Петькой
ловить комету.
Б-о-о-о-льшущая!
С версту — рост.
Еле
вдвоем
удержали за хвост.
А потом
выбросили —
1500 большая больно.
В школу
кометы таскать
не позволено.—
Сестра:
— Сегодня
от ветра
скатился клубок
с трех тысяч метров.
Пришлось снизиться —
1510 нитку наматывать.
Аж вся
от ветра
стала лохматовая.—
А младший
весь
в работу вник.
Сидит
и записывает в дневник:
«Сегодня
1520 в школе —
практический урок.

Решали —
нет
или есть бог.
По-нашему —
религия опиум.
Осматривали образ —
богову копию.
А потом
1530 с учителем
полетели по небесам.
Убеждайся — сам!
Небо осмотрели
и внутри
и наружно.
Никаких богов,
ни ангелов
не обнаружено».
А папаше,
1540 чтоб не пропал
ни единый миг,
радио
выбубнивает
страницы книг...

ВЕЧЕР.

Звонок.
— Алло!
Не разбираю имя я...
А!
Это ты!
1550 Привет, любимая!
Еду!
Немедленно!
В пять минут
небо перемахну
во всю длину.
В такую погоду
прекрасно едется.
Жди
у облака —
1560 под Большой Медведицей.

До свидания! —
Сел,
и попятились
площади,
здания...
Щека — к щеке,
к талии — талией,—
небо
раза три облетали.
1570 По млечным путям
за кометной кривизной,
а сзади —
жеребенком —
аэроплан привязной.
Простор!
Тебе —
не Петровский парк,
где все
протерто
1580 задами парок.
На ходу
рассказывает
бывшее
в двадцать пятом году.
— Сегодня
слушал
радиокнижки.
Да...
это были
1590 не дни, а днишки.
Найдешь комнатенку,
и то — не мед.
В домком давай,
фининспектору данные.
А тут — благодать!
Простор —
не жмет.
Мироздание!
Возьмем — наудачу.

1600 Тогда
весной
тащились на дачу.
Ездили
по железной дороге.
Пыхтят
и ползут понемножку.
Все равно,
что ласточку
поставить на нóги,
1610 чтоб шла,
ступая
с ножки на ножку.
Свернуть,
пойти по лéсу —
нельзя!
Соблюдай рельсу.
А то еще
в древнее время
были,
1620 так называемые
автомобили.
Тоже —
мое почтеньице —
способ сообщеньица!
По воздуху —
нельзя.
По воде —
не может.
Через лес —
1630 нельзя.
Через дом —
тоже.
Ну, скажите,
это машина разве?
Шины лопаются,
неприятностей —
масса.
Даже
на фонарь
1640 не мог взлазить.

Сейчас же —
ломался.
Теперь захочу —
и в сторону ринусь.
А разве —
езда с паровозом!
Примус!
Теперь
приставил
1650 крыло и колёса
да вместе с домом
взял
и понесся.
А захотелось
остановиться —
вот тебе — Винница,
вот тебе — Ницца.
Больным
во время оное
1660 прописывались
солнечные ванны.
Днем
и то,
сложивши ручки —
жди,
чтобы вылез
луч из-за тучки.
А нынче
лети
1670 хоть с самого полюса.
Грейся!
Пользуйся!.. —
Любимой
дни ушедшие мнятся.
А под ними
города,
селения
проносятся
в иллюминации —
1680 ежедневные увеселения!

Радиостанция
Урала
на всю
на Сибирь
концерты орала.
Шаля,
такие ноты наляпаны,
что с зависти
лопнули б
1690 все Шаляпины.
А дальше
в кинематографическом раже
по облакам —
верстовые миражи.
Это тебе
не «Художественный»
да «Арс»,
где в тесных стенках —
партер да ярус.
1700 От земли
до самого Марса
становись,
хоть партером,
хоть ярусом.
Наконец —
в грядущем
и это станется —
прямо
по небу
1710 разводят танцы.
Не топоча,
не вздымая пыль,
грациозно
выгибая крылья,
наяривают
фантастическую кадриль.
А в радио —
буря кадрилья.
Вокруг
1720 миллионы
летающих столиков.

Пей и прохлаждайся —
позвони только.
Безалкогольное.
От сапожника
и до портного —
никто
не выносит
и запаха спиртного.
1730 Больному —
рюмка норма,
и то
принимает
под хлороформом.
Никого
не мутит
никакая строфа.
Не жизнь,
а — лафа!
1740 Сообщаю это
к прискорбию
товарищей поэтов.
Не то что нынче —
тысячами
высыпят
на стихи,
от которых дурно.
А тут —
хорошо!
1750 Ни диспута,
ни заседания ни одного —
культурно!
Пол-двенадцатого.
Радио проорал:
— Граждане!
Напоминаю —
спать пора! —
От быстроты
засвистевши аж,
1760 прямо
с суматохи бальной

гражданин,
завернув
крутой вираж,
влетает
в окно спальной.
Слез с самолета.
Кнопка.
Троньте!
1770 Самолет сложился
и — в угол,
как зонтик.
Разделся.
В мембрану —
три слова:
— Завтра
разбудить
в пол-восьмого! —
Повернулся
1780 на бок
довольный гражданин,
зевнул
и закрыл веки.
Так
проводил
свои дни
гражданин
в XXX веке.

III

ПРИЗЫВ.

Крылатых
1790 дней
далека дата.
Нескоро
в радости
крикнем:
— Вот они! —
Но я —
грядущих дней агитатор —

к ним
хоть на шаг
1800 подвожу сегодня.
Чтоб вам
уподобиться
детям птичьим,
в гондолу
в уютную
сев,—
огнем вам
в глаза
ежедневно тычем
1810 буквы —
О. Д. В. Ф.
Чтоб в будущий
яркий,
радостный час вы
носились
в небе любом —
сейчас
летуны
разбиваются насмерть,
1820 в Ходынку
вплющившись лбом.
Чтоб в будущем
веке
жизнь человечья
ракетой
неслась в небеса —
и я,
уставая
из вечера в вечер,
1830 вот эти
строки
писал.
Рабочий!
Крестьянин!
Проверь наощупь,
что
и небеса —
твои!

Стотридцатимиллионною мощью
1840 желанье
лететь
напои!
Довольно
ползать, как вошь!
Найдем —
разгуляться где бы!
Даешь
небо!
Сами
1850 выкропим рожь —
тучи
прольем над хлебом.
Даешь
небо!
Слов
отточенный нож
вонзай
в грядущую небыль!
Даешь
1860 небо!

[*1925*]

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОЛЛЕКТИВНОЕ

(1924—1925)

РАССКАЗ
О КЛИМЕ, КУПИВШЕМ ЗАЕМ, И ПРОВЕ, НЕ ПОДУМАВШЕМ О СЧАСТЬЕ СВОЕМ

I

В деревушке
Рачий брод
жили два соседа.
Что ни вечер,
у ворот
их текла беседа.
Сядут в ряд —
не разольешь
их водой колодезной:
10 —Как-то выколосит рожь,
да как-то обмолотится?—
Пошабашив,
под плетень
Клим бредет на бревна.
Пров маячит, словно тень,
в тот же час там ровно.
Оба —
в скобку стрижены,
оба —
20 ростом вровень,
у обоих — с рыжиной
бороды и брови,
у обоих — то ж в речах
сходство, как и в платье.

Словом, в чем их ни сличай —
как родные братья.
Сколько лет
и сколько зим
дружба
30 шла меж ними.
Отражался в Прове Клим,
Пров
светился в Климе.
Так бы им прожить весь век
в мире
да согласьи,—
да не может человек
жить без безобразия!
В город съездив раз
40 в поту,
наглотавшись пыли,
там газету «Бедноту»
для себя купили.
И статья в газете той
бросилась в глаза им.
Про крестьянский
верный свой
выигрышный за́ем.
Пять процентов,
50 вишь, растит
этот заем за́ год...
Эй, крестьянин!
Не грусти!
Деньги — впрах не лягут.
Прочитавши два раза́,
приумолкли други.
Первым Пров потом сказал:
«Мы на это туги!
Увещают так и сяк,
60 вижу,
нас в газете,
но, по-моему,— пустяк
увещанья эти.
Деньги ведь не падают,
словно с сосен шишки.

Так какого ж ляда
выну из кубышки?
Что мне чистить кирпичом
на вороне перья!
70 Не поверю нипочем
в эти суеверья!»
Клим молчал, молчал,
да вдруг —
как плюнет вбок
отчаянно:
«Эта речь — буржуя, друг,
а вовсе не крестьянина!
От кого нам хоронить
тощие излишки?
80 Вырастают, что ль, они
у тебя в кубышке?
Нас
сто миллионов человек,
коль скроем все кубышки,
то нашей власти и вовек
не наверстать убытки!
Если
будем так сидеть,
как на шее чирей,—
90 то как с нуждой нам совладеть?
Как мощь страны расширить?
Что тут спорить допоздна —
всех это касается:
двинет тот заём казна
в наше же хозяйство.
И для меня вопрос тут прост:
В билет деньгу!
Целее!
Пять про́центов
100 имею рост
на каждом на рубле я.
Да ведь
при случае таком
зачем мечтать о кладе ж?!.
Ты восемь гривен с пятаком
за рубль за целый платишь.

Уж я,
конечно,
не сглуплю,
110 не лошадь,
чтоб лягаться.
В совете
завтра же куплю
пятнадцать облигаций.
Ходи скорей сюда, жена!
Чулок из клети высучи.
Ведь может выиграть она
за рубль один —
до тысячи!
120 До копейки всё вложу.
Что им крыться в скрыне?
Всем заграницам
докажу,
с кем крестьянство ныне!»—
«Эк тебя разобрало́,—
фыркнул Пров на Клима,—
лезет парень
напролом
прямо двери мимо!
130 Нет, дружок, я не таков:
моя мошна — тугая.
Ищи попроще дураков,
словечками пугая.
Раздери хоть в крике рот,
моя губа — не дура».
И Пров от Климовых ворот
удалился хмуро.
С той поры —
вся дружба впрах.
140 Пуста стоит завалинка.
Пров в темноту уйдет на шлях,
а Клим союзит валенки.

II

Приключилась раз в деньгах
нужда у Клима
крайняя,

дожил до черного денька,
не глядя на старание...
Сгорела клуня, пал телок,
платить приспело продналог,
150 а цены —
лезут книзу.
Вот Клим
картошку поволок,
а Пров —
в лабаз пшеницу.
Да по дороге
спохватясь,
Клим
повернул кобылу.
160 «Зачем мне зря буравить грязь,
трудить напрасно силу,
в город мне зачем везти,
зря добро бросая,
ведь за налог
могу внести
я выигрышный за́ем.
А ведь при случае таком
совсем не так уж плохо
по восемь гривен с пятаком
170 **платить**
за рубль налога».
Так и сделал, как сказал,
своей доволен мыслью:
свалил картошку вновь в подвал
и в город двинул рысью.
Продналог там заплатил
займом без убытка
и возок подворотил
к банку очень прытко.
180 Там билет принять в залог
даже очень рады,
так что Клим с излишком смог
все купить, что надо.
Справил Клим свои дела,
воротился к дому.
Вот — видать уже села

скирды и солому.
Счастлив Клим —
беду избыл,
190 плуг привез из города.
Глядь —
у Климовой избы
вкруг сгрудились бороды.
«Почему такой затор?» —
кличет Клим парнишку.
«Да у дяди Прова
вор
сбузовал кубышку».
«Вот тебе и верный понт!» —
200 шамкнул дедка Ферапонт.
«Вот те вражья шутка!» —
взвизгнула Машутка.
Собрался весь Рачий брод,
шумен — что дуброва.
Сто советов каждый рот
дать готов для Прова.
Только Пров не чует свет,
увидавши Клима:
«Эх, давал мне друг совет,
210 пропустил я мимо!
Эх!
Как буду помирать,
не уймусь от жалобы,
вот списал бы номера —
черта б вор украл бы!
Вижу,
деньги в займе том
за стеной железною».
Клим,
220 хлестнувши пыль кнутом,
молвил:
«Соболезную!»
Он и впрямь жалел, простя
друга стародавнего.
А народ —
тех двух крестьян
примерял да сравнивал.

III

Стал, как тень, шататься Пров,
горестью терзаем,
230 покорил его без слов
наш крестьянский за́ем.
Стала осень на дворе,
Пров — желтей соломы.
А у Климовых дверей
гость из исполкома.
Носогрейки закурив,
бают то да это.
Гость, все новости раскрыв,
стал читать газету.
240 Клим —
глазком
по тиражу...
Ухмыльнулся:
дай, мол,
повернее погляжу,
нет моих ли займов?
Глядь:
пятнадцать — сорок шесть
верно, точка в точку...
250 Номер этот мой и есть,
кличь жену и дочку!
Клим гудит, как барабан,
голова —
в тумане:
«Хоть билет заложен в банк,
выйгрыш же в кармане!»
Вновь собрался Рачий брод
у счастливцевых ворот.
«Вот так вышел верный понт!» —
260 шамкнул дедка Ферапонт.
«Вот тебе и серия!» —
взвизгнула Лукерья.
Снова гомон, снова рты,
как ворота, расперты́.
Снова в город едет Клим.
Конь — худой и шаткий.

Ворочается к своим
на гладенькой лошадке.
Говорит он, что теперь
270 с каждою неделею
улучшаться будет, верь,
наше земледелие.
Что для каждого села,
где хозяйство худо,
банк поправит нам дела,
выдавая ссуду.
Что, с процентом возвратив
взятые гроши нам,
власть
280 через кооператив
всюду даст машины.
с Провом Клим
до темноты
вновь сидит на бревнах,
обсуждая «Бедноты»
ряд вопросов кровных.
Но теперь их различать
легче ребятишкам.
Климу:
290 «Выигрыш» кричат,
Прову ж вслед:
«Кубышка».
Чтоб тебя
порочить так
было бы нельзя им —
каждый лишний свой пятак
вкладывай-ка в за́ем.

[*1924*]

ОДНА ГОЛОВА ВСЕГДА БЕДНА, А ПОТОМУ БЕДНА, ЧТО ЖИВЕТ ОДНА

Не счесть в стране
хозяйств распылённых,
что ни деревня —
нужда видна.
И тут и там
нехватает силенок:
одна лошаденка,
коровенка одна.
Так крестьянин
10 и кружится белкой,
едва зарабатывая
на прокорм.
Никак
от формы хозяйства
мелкой
ему не подняться
до высших форм.
На крупное хозяйство
легко б опираться,
20 скорей бы изжить
тяжелые дни,
если повсюду
в кооперацию
мелких хозяев
объединить!

1

Две деревеньки
друг против друга
стояли, хмурясь
над речкой Сухой,
30 обе —
не то что трактора —
плуга
не знали,
шкрябая землю
сохой!
От этого шкрябанья —
земля, что короста,
на коросте же
не растет и лопух.
40 Вот так и жили,
чересчур уж просто:
кто не худел —
тот с голоду пух.
Правая — Гореловка,
левая — Нееловка.
Слева — болото,
справа — гора.
У обоих —
хозяйство
50 уж такое мелкое,
что от взгляда сухого
начинало выгорать.
Верст за сто город,
за сорок — школа,
придет нужда —
хоть топись в реке.
Да жил
в Нееловке
помощник скорый,
60 скупщик сырья
Едунов Патрикей.
Знали его взрослые
и дети,

даже собаки знали
и во́роны.
Что ни говорите —
общий благодетель.
Густа бородища —
на обе стороны.
70 Тут как тут он
в случае неурожая,
не давал усохнуть
материнскому молоку.
Зато в урожай,
ему не возражая,
все зерно Патрикею
волокут.
Но не только зерном
зашибал он деньгу,
80 не только на этом
имел выгоду,
закупал на корню
и лен и пеньку,
ничему из деревни
не давал выходу.
Кроме всего,
был он страшный противник
всяких организаций
кооперативных.
90 «Это же, —
говорил он, —
антихристова печать!
Это ж, —
гремел он, —
Вавилонская блудница!
Разве возможно
такое нам начать,
чтобы в ней вам всем
объединиться?!
100 Кой попадется в такой разврат,
то не видеть тому
до веку
ни божьего солнца,
ни царских врат,

этакому человеку».
Ему возражать
пытался Ермил,
про то, что, мол,
нужен же кооператив.
110 Да тот уходил,
хлопнув дверьми,
нос от Ермила отворотив.
А народу слушать было немило
ни речь Патрикея,
ни речи Ермила.
Потому как Ермил
не умел объяснить:
хочет сказать,
а слов-то и нету.
120 Глянешь на них —
хоть водою плесни,
оба багрово-огневого цвету.
Да и что Ермил:
крысы бедней.
Хоть и тому
верь не ахти-то,
ну а все ж
Патрикею видней,
он, вишь, церковный ктитор!

2

130 Приехал однажды
на коньке вороном
(пришлось порядочный
сделать крюк-то)
сельскохозяйственный
агроном —
кооперативный инструктор.
Объявил лекцию:
«Какой, мол, кредит
хозяйству подсобит,
140 а какой повредит».

На лекцию эту
про кредиты
едва глядит Патрикей
сердито.
Бубнит себе под нос:
«Какой с нее толк,
когда у меня
за каждым долг!»
Однако,
150 как начал сходиться народ —
никто не остался дома,
пролез и наш Петрикей
вперед,
сел против агронома.
Также Ермил
взъершил хохолок,
первым
приходит на лекцию,
пялит глаза,
160 сев в уголок,
на агрономову
комплекцию.
Разговор у агронома
простой —
речью он всюду
славится:
— Чем объяснить
в хозяйстве застой,
и как с тем застоем
170 справиться?
Путь один
при советском строе —
его опишу вам вкратце я:
нужно помнить,
что брат с сестрою
социализм и кооперация.
Вспомните вы,
кого питало
прежде хозяйство сельское.

180 Снова ли нам в лапы
попасть капитала,
верную твердую цель скуя?
Поэтому раз навсегда и всерьез
покончив с опекою
барственной,
решаем сдавать
зерно и сырье
промышленности
государственной.
190 Скупщика руку
укоротив
(уж очень она
во тьме длинна),
производственный
кооператив
организуем немедленно.
Нам содержать
наших врагов ли,
пузо растя им
200 все более?
Помните:
что во внешней
торговле
нынче у нас
монополия.
Что это значит, поймите.
А вот что:
то вы на слово скупщику
верите,
210 а то принесет вам
спешная почта
цену на хлеб в Америке.
И вот по правильной
самой цене той
продавай,
сбросивши малую то́лику,
тогда — ничто торговца
тенета,
сидеть в них ему ж,
220 соколику.

Теперь о кредите:
у кулака занять —
он тебе даст,
и щедр и уветлив,
а потом и начнет,
как коня, гонять,
горло зажавши
в тугую пе́тлю.
Но если
230 в год, как земля
не уродит нам,
мы сорганизованы
в товариществе
кредитном —
оно не разорит хозяйства
нашего,
не станет с голого
рубашку спрашивать,
а, рассчитавши каждого
240 силу и стать,
поможет снова на ноги
встать.
Пятьдесят хозяев —
никак не менее,
а больше лучше, —
хоть сто,
хоть двести,
собирайте разум,
труд
250 и умение,
организуйтесь вместе.
Подсчитайте
точно силы свои,
учтите трудоспособность
каждого заранее,
да и собирайте
товарищеские паи,
да и открывайте общее собрание.
Выберем правление
260 и совет —

правление
выполняет,
совет распоряжается,—
и наконец-то
увидим свет,
который во взаимной помощи выражается.
Сеялки, веялки, плуг
под рукой.
С пункта прокатного
270 присланы.
Бык племенной да мост над рекой
пайщиками
обмыслены.
Плавает жир
в наваре щец,
семена сортовые
получены,
у пайщиков сельских товариществ
грамоте дети
280 обучены.—
Не выдержал Ермил,
с места вскочил,
да как хватит об стол
кулаком что есть сил...
На губах у Ермила
мыло,
дыбом волосы у Ермила.
— Первый пай вношу
— запишите —
290 я!
И сейчас становлюсь
в работу.
Ничего от товарищества не тая,
буду гнать
до седьмого поту. —
Тут навстречу Ермилу
встал Патрикей.
Капли пота на лбу,
бородища в руке.
300 Заревел
голосом сиплым:

— Это дело
считаю гиблым!
Ты мне
этакого не толкуй!
Ни к чему нам,
пустая ра́цея.
У меня они все
в долгу, как в шелку,
310 здесь своя кообирация.
Ты не мути нам мозги,
раньше пускай расплатятся.
А не то —
с мужиков сниму сапоги,
с баб —
последние платьица. —
Посмотрел агроном —
что за фрукт?
А ему Патрикей
320 пуще —
хрюк да хрюк.
Еще раз поглядел инструктор:
«Вы б уняли этого фрукта».
Ну, тогда во главе с Ермилом
оттеснили его всем миром.

3

Что вышло затем,
угадать нетрудно.
И это я утверждать не боюсь.
Нееловка с Гореловкой
330 к выгоде обоюдной
заключили товарищеский союз.
В долгий ящик
не откладывая дела,
написали заявление,
форма — проста.
И без задержки
из земотдела
получили зарегистрированный
устав.

4

340 Это все случилось
в позапрошлом
году.
И тогда могло бы показаться,
что нееловцам
написано нищенствовать
на роду
да и гореловцам —
не поднять хозяйства.
Что же увидел я,
350 проезжая
нынче?
Мост через реку —
болтами свинчен.
Выехав дальше
из мелкого ельника,
увидел мельницу
и белого мельника.
Подъехал ближе —
потрогал зá стену.
360 Вижу вывеску —
«Кооператив сельскохозяйственный».
Спрашиваю мельника:
«Когда успели?»
Отвечает:
— Вот уж три недели.
Вишь, товарищам
стало не с руки
зерно продавать,
не вырабатывая муки.
370 Льна тоже зря не продаем
мы,
а вишь, как работает
бойко,
оставляя скоту на корм жмых,
товарищеская маслобойка.
То же с коноплей —
без особой траты

кооператив из нее
производит канаты.
380 Это раньше
ходили мы
темны да голы,
а теперь у нас есть и клуб
и школы. —
«Кто ж вам помогает?»
— А если помнишь
о нем,
к нам переселился
кооператор-агроном. —
390 «А как же Патрикей?»
— Коли его тебе надо,
вон он пасет кооперативное
стадо.
Как был, так и остался
старик противный.
Мы тогда здорово
ему утерли нос.
Расплатиться
помог союз кооперативный,
400 и деньги он скоро
в товарищество внес.
Так как, потеряв прежнюю выгоду,
не мог он найти
никакого выходу,
слонялся без дела посреди улиц,
без скупки стал
в здоровьи плохом.
Так наши деньги
к нам же вернулись,
410 а Патрикей сделался
кооперативным пастухом.

Крестьяне!
Объединяйте хозяйства
мелкие
в сельские товарищества,
не теряя ни дня.

Если уж выправились
Гореловка с Нееловкой,
то вам-то совсем не след
420 беднять!
Не ждите соседа,
не глядите на брата:
кулакова рука лишь во тьме длинна.
Если не бывал у вас
инструктор-кооператор,
требуйте его —
немедленно!

[*1924*]

РАССКАЗ
О ТОМ, ПУТЕМ КАКИМ
С БЕДОЮ СПРАВИЛСЯ АКИМ

Известно каждому,
что с болота
никто не будет
ждать умолота.

Ведомо всякому,
что пески летучие
тоже не в радость,
хозяйство мучая.

А самый главный
10 землеробу враг —
расползающийся овраг.

1

В России
болот —
миллионы десятин.
Песков и оврагов
немало тоже.
С землею неудобною
бьемся до седин —
никак в одиночку
20 покорить не можем.
Большую ненависть
к землям таким

питал один крестьянин —
Аким.
В Архангельской губернии
из года в год
засасывала труд его
сеть болот.
От болота кругом —
30 в глазах зелено́.
От утра
до самого ужина
солнца нет:
над болотом
туман пеленой.
И жена
и ребята недужны.
Бился-бился Аким
над болотом семь лет.
40 Честно горб
карежил
без лени.
Да ничто не в помощь
проклятой земле,—
и задумал переселенье.
Тяжело расставаться
с родною избой,
в путь
в полжизни
50 пускаться,
странствуя.
Вот —
навьючил Аким
на воз скарбишко свой.
Перебрался с семьей
в Астраханскую.

2

Тут бы всем хорошо:
нет болот и следа,
солнце редко
60 кроется тучею.

Да насела на плечи
другая беда:
одолели пески летучие.
Те пески
на пашню бесплодье несут.
Только ветер, и —
ух! — посыпется!..
И в груди и в глазах
от песков тех зуд.
70 И никак из песков
не выбиться.
Бился-бился Аким,
рассуждал: — Авось! —
Те и эти средства испробовал:
и навоз,
и плетень,
и песчаный овес —
не легчает житье хлеборобово.
Обветшает плетень,
80 распылится навоз,
по овсу —
только скот потопчется —
вновь песчаная корка
разъедется врозь,
вновь песками
заносит всё общество.
И сомненье забрало
Акима опять:
— Зря здесь пашешь
90 и зря борóнишь.
Не осилить песка;
значит, вновь отступать
в черноземную,
под Воронеж.

3

Как решил —
так и сделал.
Кобылу в хомут.

Расставаться с песком
не жалко.
100 И попалась на новом месте ему
хлебороднейшая балка.
Он расчистил ее,
повыкорчевал,
запахал,
засеял...
А в осень
лишь таскать поспевал
за чувалом чувал.
Урожай замечателен
110 очень.
Посвободней
вздохнул
в первый раз Аким,
обнадеженный
урожаем
таким.
Даже спит —
улыбается.
Снится
120 ему —
балочная пшеница
И не раз и не два
выручала земля.
Восемь лет Аким на ней о́тжил.
И ни разу его
не скудели поля.
Урожай
на балке
все тот же.
130 Стал справляться Аким:
сруб амбарный нов,
плуг завелся многолемешный...
Отдал в школу
он обоих сынов,
чтоб
не гнулись во тьме кромешной.

4

Только раз
по весне
он, борону выдвинув,
140 в поле выплыл
на мерине пегом, —
глядь —
ан прошлогоднюю рытвину
всю разъело
весенним снегом.
Хлоп о полы Аким...
Он туда и сюда.
Да один не закажешь яме:
вниз, кипя и бурля,
150 несется вода,
засоряя поле камнями.
Взвыл Аким:
— Что же я за несчастный такой!
Знать, нигде не найти
мне приют и покой.
Как я справлюсь один
со страшной
этой новой бедой
овражной?—
160 Воротился Аким,
от печали нем:
«Ну, теперь нам,—
думает,—
крышка.
Глядь —
сынишка сидит на завалине,
углубился
в какую-то книжку.
Рассерчал отец
170 на парнишку — страх.
Обуяла от горя злоба:
«Видишь, грамота!
На кой она прах?
Забери ее враз хвороба.

Что там вычитал?
Говори, щенок!
Зря на книги
тратят бумагу...»
Отвечал,
180 взглянув на него, сынок:
«Я читаю про вред
оврагов».
«Как! —
вскричал Аким.—
Ты про что сказал?
Ох, могу до тебя добраться я!»
Парень вновь ему
посмотрел в глаза.
«Я читаю про ме-ли-ора-цию».
190 «Ты мне слов таких
не учись брехать,
доведешь отца
ими до греха».
Сын в ответ:
«Здесь рассказы подробные,
как землей овладеть
неудобною».

5

У Акима
от радости
200 в горле першит.
С сыном зà полночь
он сидит, запершись.
Мысли ясны Акима
и строги.
Ловит с губ он у сына
строки:
«Много есть
по стране неудобных земель.
Много ими
210 обижено бедных семей.

Чтоб не быть им
бессчастным и сирым —
покоряй эти земли
миром.
Если пашня твоя
и соседа близка
от наносов
летучего, злого песка,—
поскорей сговорись
220 **с соседом**
положить конец твоим бедам.
От соседа
к соседу
бежи, шепоток:
ссли пашню
тревожит овражный
поток,—
сговоритесь сосед с соседом
положить конец
230 вашим **бедам.**
Если досыта корму
не ест твой скот,
а вокруг
не в проезд
десятины болот,—
сговоритесь соседи
друг с другом,
как болота те
сделать лугом.
240 **Пора деревне**
выйти из тисков,
время
давно спознаться ей
с осушением болот,
с засаждением песков,
одним словом, **с мелиорацией.**
Трудно́ это слово,
а работа трудней,
справиться с нею
250 не в пару дней.

Один про то
не держи и в уме.
Здесь нужен
сговор многих семей.
Зато, труды сторицей воротив,
земля с тобой расплатится честно!
Мелиорационный кооператив
нужно образовывать повсеместно».

6

Слушает Аким —
260 не пропустит строки,
боится шевельнуть усом,
набились в избу **молодежь**
и старики,
слушают тоже **со вкусом.**
На каждом лице
капли испарин,
на каждом лбу
морщины дум.
Дальше книжку читает парень.
270 Шевелит строкой
крестьянский ум.
Чем дальше —
яснее дело в той книжке,
понятна мысль в ней
и хороша:
«Гасите мелиорацией
засухи вспышки,
учитесь кооперацией
поля орошать.
280 Где нету поблизости
пруда или реки,
воду бери,
подымай на **рычаги.**
Поле от засухи обереги,
кооперативно ставь **чигирь.**
Где летучие пески —
не будь им слугой.

Мелиорация·
даст жизнь им новую.
290 Кооператив их
укрепит **шелюгóй**
или посадкой сосновою.
Чтоб оврага щели
не росли,
чтоб не обваливался край его,
мелиорация
научит **водослив**
с жолобом
в овраге устраивать.
300 Овраг на полях —
хлебороб, кинь их!
Полевая вода
уничтожит твой труд.
Мелиорация ж
использует **фашинник**
и разные виды других запруд.
Чтоб не карежилось поле криво,
ломая кручей
обод колесà,
310 мелиорация свяжет их
ивой
или вобьет
поперек палисад.
Но все эти меры
одному —
не под силу.
Как бы ни был
силён и ретив:
один ли, вдвоем ли —
320 сорвешь на них жилу.
Их сможет осилить
лишь кооператив».

7

Кончил читать
парнишка Акимов.
Шумно вздохнув,
поднялся Аким.

Глазом веселым
соседей окинув,
молвил:
330 «Справимся ль
с делом таким?»
— Справимся! —
грянули
в радостном раже
все, как один, за соседом
сосед.
— Ведь у меня-то
вон тоже... овражек. —
— Больше б нам только
340 таких вот бесед. —
— Сказано в книжке:
пока мы за делом,
наша судьба —
у нас же в горстке.
Не подлежит, мол,
земля переделам
и изымается из общей разверстки. —
Не раз еще
соседи попотели,
350 но
через несколько недель
организовали, как и хотели,
мелиоративную артель.
В артели этой —
работа общая:
все —
на защиту полевого ковра.
Никто не виляет,
не ноет,
360 не ропщет.
Взяли в работу
каждый овраг.
И поле,
что язвами
провалов щерилось,
вновь зеленями
бодро оперилось.

Всякий,
свой нрав
370 в беде укротив,
лез в работе из кожи.
В мелиорационный кооператив
каждого труд
был вложен.

8

Что же Аким?
Чтобы не было врак,
как в сказке частенько водится,—
Аким,
закрепивший свой овраг,
380 привык о чужих заботиться.
Раз вечером летним,
присев у тынка,
позвал одного и другого сынка,
и, руки поклав
на плечи,
сказал он такую речь им:
«Хоть жалко мне
с глаз усылать вас прочь,

да жальче —
390 долю крестьянскую.
Идите, сыны мои,
миру помочь
в Архангельскую
и в Астраханскую.

Пока мои силы
к концу не близки,
иди, расскажи им,
как сдюжить пески.
А ты — от бесплодного пота
400 родное осушишь болото.
Идите,
борите давнишний наш мрак:

песок,
и болото,
и сушь,
и овраг,
что живы —
незнаньем,
не ленью.
410 Скажите,
что тьма — преступленье.
Пусть будет у вас
непрестанная цель
до самого вашего гроба.
Где нету артели,
сбивайте в артель
нищающего хлебороба.
Кто скажет вам слово
насупротив,
420 его не пройдите вы мимо.
А пуще толкуйте
про кооператив,
про вашего батю Акима.
О мелиорации
всюду долбя,
идите по селам корявым,
то, землю и труд свой крестьянский любя,
вперед заповедаю я вам.
Идите сейчас же. —
430 Я справлюсь один,
пока в волосах еще мало седин.
Дорога
ясна перед вами.
Я с миром
делюся сынами».
Пошли сыновья
по стране трудовой.
Аким с одобреньем
встряхнул головой.
440 Идут они дале и дале.
У вас-то еще
не бывали?

[*1924*]

СКАЗКА
ПРО КУПЦОВУ НАЦИЮ, МУЖИКА И КООПЕРАЦИЮ

1

Ой, поля,
поля
зеленёшеньки,
исходили вас
наши ноженьки,
расчесали вас
плуги-бороны,
расстелились вы
во все стороны.
10 Ой, леса,
леса
вы дремучие,
сколько спин, горбов
перемучили.
Как рубили вас,
доски стру́гали,
корчевали пни,
жгли на уголья.
Ты болото,
20 зыбь,
бездорожина,
и в тебя
трудов
много вложено.
Как тебя гатить —
мало ко́рысти.

Нужно
всем
ломать
30 плечи в хворости.
Одному Петру
не поднять весь труд,
и один Семен
не на всё умен.
Потому
у нас
испокон веков
хоть неписаный
есть
40 закон таков.
Если ладят где
дело дельное,
то работа
кипит
там артельная.
Где один
весь год
ходит топчется,
там
50 концы сведет
разом общество.
Про обычай
тот
думал, братцы, я.
Нам
давно сродни
кооперация.
Что ж,
что слово-то
60 заграничное,
а ведь дело
всем
распривычное.
Остановимся,
братцы, мыслями.
Ее выгоды
аж не счислим мы.

Где один
в нужде
70 ходит, топчется,
снять
беду с плеча
может общество.
Наша бедность-то,
как поля, ползет.
В голове
у нас
темный лес растет.
Под ногами ж
80 колышет пучиною
брюхо,
нажранное
купчиною.
Обзаведшись
своей
частной лавочкой,
он товар
продавал
с понадбавочкой.
90 По копеечке
да по рублику
обирал
деревенскую публику.
Закупив
товар,
рабочего
он к лавчонке своей
приохочивал
перекупщиком
100 да посредником.
Капиталом славился
средненьким.

2

В ближнем городе
брат его,
лобаст,

закупает хлеб
в свой большой лабаз.
Продавал мужик,
хоть и нехотя,
110 да ведь некуда
больше ехать-то.
Лошаденка
в езде
заморена,
а цена у купцов
уговорена.
Перешепчутся,
переглянутся.
барыши
120 в их руках
и останутся.
Так,
скупая
рожь,
нам
платил он грош.
На муку молол,
хлебы делая,
наживал
130 на том
сотни целые.
Ну,
а третий брат
жил
с меньши́ми в лад:
хлеб
в корабль грузил,
за моря возил.
Воротил старшой
140 миллионами.
Строил
к дому дом
да с колоннами.
За границею
наша рожь —
плоха,

пересыпана
пополам труха.
Так
150 ловкач купец
сором потчевал
заграничного брата
рабочего.
Но узнавши
проделку ловкую,
стали
хлеб наш
ценить дешевкою.
Покупатель
160 смотрит с досадою,
а на русский хлеб
цены падают.
Так жила
купецкая нация.
Не страшна ей
кооперация.
Соблюдал купец
свою выгоду,
не давал нам
170 ни ходу,
ни выходу.

3

Да метлой
прошел
по Руси Октябрь.
От него
богатей
побежал, кряхтя.
Господа
оказались
180 не храбреньки —
побросали
и земли
и фабрики.

Вот
у нас
товары
в одной руке,
а в другой —
земля
190 с урожаями.
Вся задача
в том,
чтобы ближе стать
нам
плечом к плечу
с горожанами.
Так чего же ждать?
И чего корпеть?
Перекупщика
200 для чего терпеть?
На какого ж он будет лешего
нас сбмеривать
да обвешивать?
Коль работать
артелью
умели мы,
то чего ж
торговать
не артелями?
210 Закупив товары,
стены выбелив,
не дадим
торгашам
нашей прибыли.
Вспаши поля,
лес повычисти,
чтобы в них
не жить
всякой нечисти
220 ни в полях,
ни в лесах,
ни под кровлею.

Станем
сами править
торговлею.
Да торгаш хитер.
Он
не мешкает.
К нам идет
230 с умильной
с усмешкою.
Говорит — поет,
смотрит ласково.
Жаль житья ему,
вишь,
бедняцкого.
«Отнеситесь
ко мне
с полной верою,
240 я во всем
заодно
с массой серою.
Не хочу торговать,
но с охотою
в потребиловке
поработаю».
Напустив
на всех
умиление,
250 влазит он
без мыла
в правление.
В аккурат
всегда,
прочих ранее,
он является
на собрание.
С головой такой
многоопытной
260 никому не заботно,
не хлопотно.
Так добившись
доверья

и почести,
начинает он
делать,
что хочется.
Он
торговлю заводит
270 мудрую:
лишь духами торгует
да пудрою.
А напротив
зятек его
в лавочке
держит все —
от сапог
до булавочки.
Сахарок,
280 деготек,
ситцы пестрые,
самовары,
горшки,
косы вострые.
Керосин
и топор,
гвоздь с махоркою.
То и знай
к нему
290 в дверь
лапти шоркают.
Ну, а в обществе
потребителей
весь товар,
как есть,
на любителей.
И пошла гулять
злая славочка:
захирела, мол,
300 наша лавочка.
Без хозяина,
без старателя
не загнать в нее
покупателя.

Эй ты, новое
поколение,
выметай
торгаша
из правления.
310 Обнаружь
его
злые хитрости,
за порог
его
время вытрясти.
Если встретится,
плюнь в глаза его.
В потребиловке
вы хозяева.
320 Наблюдайте
купцову физию
и на них
наводите
ревизию.
Самоварнику
да алтыннику
не бывать
у нас
именинником.
330 Перекупщики
да лабазники,
скоро кончатся
ваши праздники.

4

Наливайся, рожь
колосистая,
раздавайся,
песнь
голосистая.
Заграничное
340 купечество
все
на нашу власть

в злобе мечется:
не позволила
она
наживать
на нас сполна,
от великих
барышей
350 прогнала
купцов взашей.
Заграничные
рабочие
фашистами
озабочены.
Хоть и лавки
кооперативные,
да порядки
у них
360 препротивные.
Там
купцовы сынки
всюду рыскают,
набирают
свору
фашистскую.
Потребилку громят
целой бандою,
дело это
370 зовут
пропагандою.
Чуть
какой кооператив
по-советски
глянет,
на него
поворотив,
банда
вмиг
380 нагрянет.
Разрешит
все дела,
пулями пугая.

Только
          эту
               пронесет,
жалует другая.
Тех,
       кто держится
390   за нас,
не страшася пули,
мы
    должны
               поддержать
четвертого июля.
Чтобы было
                  на кого
опираться им,
в Международный день
400 кооперации.
Этот праздник
                     на селе

справим
            прочих веселей.
Как фашисты
                    ни грозят,

а попятятся
                  назад.

Хлебом,
410   кожами,
                      сырьем

их политику
                  сорвем.

Рано ль,
             поздно ли —
коммунисты
                 ведь

их сумеют
               за дверь
420 скоро выставить.

5

Эй,
фашистские безобразники,
подивитесь
на наши
праздники!
Изо всех
деревень
съедутся подводы.
В Кооперативный день
430 тьма
в селе
народу.
Как соседние,
так и дальние
встали в ряд
пред избой,
пред читальнею.
Слово море
волнами
440 скорыми,
все село
кипит
разговорами.
Ораторы,
кооператоры,
расскажите,
как купить
плуги, тракторы.
— Я
450 купцу сказал:
не трожь
потребительскую рожь.
К деревенскому труду
близок
стал
«Хлебопродукт».
— Я
за цены
не боюсь,
460 были б с урожаем,—

говорят,
"Центросоюз"
всюду уважаем.
— Я бы
сам
и не силен
за границу
сплавить лен,
да, дождавшись
470 лучших цен,
мне
его продал "Льноцентр".
— Мы б
на грече
потеряли
не одну полушку.
да открыл нам
"Сельсоюз"
рядом
480 крупорушку.
— Не возьмешь ты
нынче
в плен,
мироед зобастый,
кооперации я член,
закрывай
лабаз твой.
Потребительской
торговлей
490 мы добьемся
смычки.
По цене оптовой
купим
гвозди,
косы,
спички.
Эх, коса
дешева,
хоть узоры вышивай.
500 Размахнусь я
той косой,

побежит
буржуй
босой.

6

Чтобы эти
разговоры
стали
прочным делом,
в потребительской
510 торговле
нужно
быть
умелым.
Каждое селение,
помни
мысли Ленина:
коль сумеем
торговать,
буржуям
520 не сдобровать.
Нам
не страшна
их вражда,
их лютая злоба,
если
снимется
нужда
с плеч
у хлебороба.
530 За нуждою
злых годин,
жизнь чтоб
взвидеть
дивною,
к ней
дорогою иди
кооперативною.

[*1925*]

РЕКЛАМА

ПАПИРОСЫ „КЛАД“

1

Моссельпром
и комиссия
помощи детям
дают премию
к папиросам
этим.
Кто сердцем
не глух
и умом не промах,
10 Требуй «К л а д»
в ларьках
Моссельпрома.

2

У горожанина
к лету задача —
далеко от города
дешевая дача.
Но дачу бесплатно
и совсем рядом
можно выиграть
20 в коробке «К л а д а».

3

Жить без мебели
человеку неловко.
А сколько стоит
хорошая обстановка?
Всю обстановку,
какую надо,
можно выиграть
в коробке «К л а д а».

4

Пешком ходить —
30 пыхтеть да сопеть.
Не дешево стоит
хороший велосипед.
Чтоб мечта о велосипеде
не рассеялась дымом,
пачку «К л а д а» купить
необходимо.

5

Тот, кто купит
моссельпромовский «К л а д»,
может выиграть лошадь
40 без всяких затрат.

6

Всем курильщикам
радостная весть:
в папиросах «К л а д»
премия есть.
Кто взглянет серьезно
и прямо на вещи,
выиграет трактор
самый новейший.

7

Всем курцàм
50 заветное слово:
в папиросах «К л а д»
скрыта корова.
Чье сердце
молочной корове радо,
ищи ее
в коробке «К л а д а».

8

Поспешайте стар и млад.
Всем дается в руки «Клад»!
Кто склонность имеет к папиросам этим —
60 получает премию и помогает детям!

[*1924*]

СТОЛОВАЯ МОССЕЛЬПРОМА

1

В других столовых
люди — тени.
Лишь в «Моссельпроме»
сытен кус.
Там —
и на кухне
и на сцене
здоровый обнаружен вкус.
Там пиво светло,
10 блюда полны,
там —
лишь пробьет обеда час —
вскипают вдохновенья волны,
по площади Арбатской мчась.
Там —
на неведомых дорожках
следы невиданных зверей,
там все писатели
на ножках
20 стоят,
дежуря у дверей.
Там чудеса,
там Родов бродит,
Есенин на заре сидит,
и сообща они находят

приют, и ужин, и кредит.
Там пылом выспренним охвачен,
грозясь Лелевичу-врагу,
пред представителем рабфачьим
30 Пильняк внедряется
в рагу...
Поэт, художник или трагик,
забудь о днях тяжелых бед.
У «Моссельпрома»,
в бывшей «Праге»,
тебе готовится обед.

2

Где провести сегодня вечер?
Где назначить с приятелем встречу?
Решенья вопросов
40 не может быть проще:
«Все дороги ведут...»
на Арбатскую площадь.
Здоровье и радость —
высшие блага —
в столовой «Моссельпрома»
(бывшая «Прага»).
Там весело, чисто,
светло, уютно,
обеды вкусны,
50 пиво не мутно.
Там люди
различных фронтов искусств
вдруг обнаруживают
общий вкус.
Враги
друг на друга смотрят ласково —
от Мейерхольда
до Станиславского.
Там,
60 если придется рядом сесть,
Маяковский Толстого
не станет есть.

А оба
заказывают бефстроганов
(не тронув Петра Семеныча Когана).
Глядя на это с усмешкой,—
и ты там
весь проникаешься аппетитом.
А видя,
70 как мал поразительно счет,
требуешь пищи
еще и еще.
Все, кто здоров,
весел
и ловок,
не посещают других столовок.
Черта ли с пищей
возиться дома,
если дешевле
80 у «Моссельпрома»...

[*1924*]

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

ЧАСТУШКИ О МЕТРОПОЛИТЕНЕ

Товарищи,
Маяковский
на радость всем нам
написал частушки
о трамвае подземном.

Что такое! Елки-палки!
По Москве — землечерпалки.
Это улиц потроха
вырывает МКХ.

Припев: Это, то и то, и это
все идет от Моссовета.
От Москвы на целый свет
раструбим про Моссовет.

МКХ тебе не тень
навело на майский день.
Через год без всякой тени
прите в метрополитене.

(Припев)

Верьте мне или не верьте,
в преисподней взвыли черти.
С коммунистом сладу нет —
прет под землю Моссовет.

(Припев)

Под Москвой товарищ крот
до ушей разинул рот.
Электричество гудет,
под землей трамвай идет.

(Припев)

Я кататься не хочу,
я не верю лихачу.
Я с миленком Сёмкою
прокачусь подзёмкою.

(Припев)

Буржуёв замашки были —
покатать в автомобиле.
Я полезу с Танею
в метрополитанию.

(Припев)

Это нонеча не в плане
в тучи лезть на ероплане.
Я с милёнком Трошкою
прокачусь метрошкою.

(Припев)

Во Москве-реке карась
смотрит в дырочку сквозь грязь —
под землей быстрей налима
поезда шныряют мимо.

(Припев)

У милёнка чин огромный —
он в милиции подзёмной.
В новой службе подвизается,
под землею ловит зайцев.

[*1926*]

ВАРИАНТЫ
И
РАЗНОЧТЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Киев (стр. 9)

Беловой автограф:

35		Диру и Аскольду
47	I	И шли из мест
	II	шли из мест
57	I	У прабабушки
	II	здесь у бабушки
129—130	I	Дай дорогу
	II	Дай пройти ватаге юных внуков
	III	Мы идем ватага юных внуков

Газ. «Пролетарская Правда», Киев, 1924, № 52, 2 марта; журн. «Огонек», М. 1924, № 12, 16 марта:

35 Диру и Аскольду
86 нет

Ух, и весело! (стр. 13)

Журн. «Смехач», М. 1924, № 1, февраль:

81—83 Через сколько лет он соберет на пропеллер
91—92 Так скажите и внучке

Протестую! (стр. 17)

Беловой автограф 1 (приводится полностью):

Заглавие отсутствует.

Ходим расхлябанно ручками машем
Мне не нравятся движения наши
Чуть весною солнце выжжется
Человек расхлябался и еле движется
Наткнешься на лицо и некрасивое и рябое
мотор испорчен — в сердце перебои
Или пуля просверлит лба кусок

не починишь лоб не вставишь висок
Постоите приставленные жизнью к стенке
и уже дрожим уже неврастеники
Нагрузишь мозг до предельной нагрузки
и уже захочется поэзий да музыки
Идешь и вдруг остановились ноги,
наткнулся на барьеры высоких психологий.
Стоит детина ражий и рыжий Ванька из всех Ваней
и вдруг валится в яму переживаний
Идут наступают землю роют
и вдруг стали сцепенены хандрою
Дышешь паровозом в сто колес
и вдруг закручивает вздох туберкулез
Изобретешь великое передумаешь начисто
и вот

ослабел

и вот

маньячество

Работаешь и вот тише и тише
лег и кончился глупейшей из смертишек
I Делать нечего спешите
II Делать нечего переиначьте планы

рода человечьего

Только те люди дано которым
цистерной энергия, а не стопкой
которые сердце заменят мотором,
которые легкие заменят топкой
Пусть будут легкие и даже душа
но такая
которая жила размеренно дыша
никак никакой весне не потакая
Чтоб утром весело стряхнув сон
было не о чем думать и гордиться нечего
зубчиками войти в зубчатое колесо
вертеться вертеть и заверчивать.
Чтоб мотором работало сердце
сердце которое не восторгается
сердце которое не сердится.
И наконец окончивши все это
не в горелках бегать напарываясь на грабли
а веселиться в небо вбегая ракетой

I и вниз скатиться по правильной параболе.
II и вниз с'огниться по правильной параболе.

Беловой автограф II, лицевая сторона (строки 1—105):

Заглавие: П р о т е с т.

32 до маленькой нагрузки

33—36 и уже
захотелось
поэзий
и музыки

37—39 Если б в понедельник
паровозы
не вышли б болея

40—42 перепившись
в честь
поэтического юбилея

45—47 больных
лежащих под грудой одеял

48—50 то даже
например
такой Родов

55—57 I подкравшегося часами
II скольких
III сколько
часами
в землю вогнано

61—63 но сыпятся
статьи
профессора Когана

После 63 ⟨Работаешь и вот?⟩
тише
тише
⟨лег?⟩ и умер
глупейшей из смертишек

66—68 переиначим
конструкцию
рода человечьего

69—78 только те
люди
дана которым

энергия цистерной
а не стопкой
которые
сердце
заменили мотором
которые
легкие
заменили топкой

79—80 пусть
будут
легкие
и даже душа —

82—86 которая
жила б
размеренно дыша
весне
никакой
никак не потакая

87—96 I Чтоб утром
весело стряхнув сон
было
не о чем мечтать
и гордиться
нечего,—
Зубчиком
войти
в зубчатое колесо.
Вертеться
вертеть
заверчивать!

После 96 Чтоб мотором
работало сердце
сердце
которое не сердится

97 И наконец
окончивши
все это
не горелками
резвиться
и нарываясь на грабли

А отдыхать
в небеса
вбегая
ракетой
Резвиться
по установленной самим
параболе

Беловой автограф II, оборотная сторона машинописного листа (строки 1—6, 43—52):

1— 6 Мне
не нравится
человечье устройство
ни организация
ни вид
ни рост его

44—52 не говорить про уродов
про больных
залегших
под груду одеял
то даже
цветущий красавец Родов
тоже для коммуны
еще не идеал

9-ое января (стр. 20)

Авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК»:

47 сгибают в раже
49 I помните царский урок!
II помните русский урок!
53 I В борьбе с врагом —
II В споре с врагом —
55 I Да здравствует пуля
II Да здравствуют битвы!

Здравствуйте! (стр. 22)

Черновой автограф:

Заглавие отсутствует.

1— 2 Украсьте цветами и флагами здания
13 Гадали год
24—30 *следуют после 64 строки.*

34—35 I Когда
к признаньям
правительство склонится
II Какое
к признанью
царство
не склонится
36—37 когда признанье
давно уж подписано
41—50 *отсутствуют.*
51—54 I Зачем и кто
II Зачем почему и как и кто вот
55—57 на наше признанье глядят в колебаньи
63—64 нуждаются даже и лорды Британии
65—66 *отсутствуют.*
70—72 За фраком английским впервые синеют
20 мильонов рабочих блуз.
74 славу возносим
76—78 красным
армии
деревне
городу
нашей партии красному сплаву

Дипломатическое (стр. 25)

Журн. «Красная нива», М. 1924, № 8, 24 февраля:
3—4 Германия,
Польша
37 Много вас шляется
79 поздней любовью
85 и вежливы
97 Вход с Лубянки,
угол Кузнецкого моста

Буржуй, прощайся с приятными деньками — добьем окончательно твердыми деньгами (стр. 28)

Черновой автограф:
Заглавие: I Новые деньги
стоящие твердо
восстановят хозяйство
деревни и города.

II Новые деньги
стоящие твердо
укрепят хозяйство
деревни и города
I Крестьянин хорошо знаком
с дензнаками
3 да с лимардами со всякими
6 а у жонки
8— 9 пришел
на конный
о конс торговаться
13 I Надо купить
II Как быть
14—15 И пошел крестьянин совзнаки копить
23—25 I пришел а торговец не отдает коня
на сорок мил⟨лиардов?⟩
II пришел к торгов⟨цу⟩
III пришел к продавцу коня гони
25—35 а ему продавец подорожали кони
коней по двадцать мильярдов нет
мильярды твои упали в цене [1]
собирал пока
кони вздорожали миллиардов до сорока
44—47 пришел с сотней, а новые двести
заплатите говорят и на лошадь лезьте
50—64 везя на себе совзнак упавший
не только не купил того, что нужно
да еще изодралась лаптей дюжина
объяснять надо ли
это оттого что деньги падали
теперь разносись по деревне говор да гул
I В России выпускают твердую деньгу
II У нас выпускают твердую деньгу
69 Бумажка как бумажка
78—79 Пока до конного рынка дойдешь

Беловой автограф:

Заглавие: Новые деньги, стоящие твердо
Укрепят хозяйство деревни и города.
I Крестьянин хорошо знаком с дензнаками

[1] *На полях записана рифма:* упавши
хлебавши

II Крестьянин хорошо знаком с совзнаками

После 26 Коней

по двадцать лимардов

нет.

Лимарды твои

упали в цене

30 лимардов до сорока

45—46 везя

на себе

После 47 Не только не купил

всего, что нужно,—

да еще

продралась лаптей дюжина.

70 I на конный рынок дойдешь

II до конного рынка дойдешь

72 I заранее расчесть

II заранее свесть.

Твердые деньги — твердая почва для смычки крестьянина и рабочего (стр. 31)

«Бюллетень Прессбюро», «Б», М. 1924, № 31, 28 марта:

Строки 16—34 отсутствуют.

Строки 35—38 следуют после строки 48.

Комсомольская (стр. 34)

Беловой автограф:

4 I и ревет

II и рвет

165 I юная кровь

II новая кровь

Журн. «Молодая гвардия», М. 1924, № 2—3, февраль—март:

55— 60 Гордиться именем:

Ленина.

102—103 слова —

взвивайтесь крушить

На учет каждая мелочишка (пара издевательств) (стр. 39)

Журн. «Смена», М. 1924, № 6, 10 апреля (второе стихотворение):

16 *отсутствует.*

19—20 Купила Бетховена

и Шаляпина

30—31 Появились

дяди

36—37 Открытки
меж гравюрами
39—41 Пришлось
их
обфестонить в фестончики
71—73 Деточка
чем вы лучше
богомолки?!

«Мы и прадеды»:
Заглавие: На учет
каждая мелочишка
(несколько издевательств)
ребятишкам на молочишко

Юбилейное (стр. 47)

Беловой автограф:
65 встает в ином разрезе
102 Муза эта
219 I Вот Есенин
II Ну Есенин
260—262 Вам дал бы
Моссукно
и сукна
347—350 Полагается ж по чину
Заложил бы
динамит
— а ну ка
354 Растрезвоню

Журн. «Леф», М.—П. 1924, № 2:
102 Муза эта
348—350 Заложил бы
динамит
— а ну-ка

Газ. «Заря Востока», Тифлис, 1924, № 671, 7 сентября:
36 Сейчас
58—68 следуют после строки 79.
69 Мною
74— 75 резкой и нагой
80— 81 Скажем это:
99 Я люблю вас Пушкин
203—204 Это нам компания

219 Вот Есенин
221 Выглядит
230 чтобы крепкий был
253 вам доверить смог
274 *отсутствует.*
298 Развели
314 Что за разговоры
336 лучище выкалил
348—350 заложил бы динамит
а ну-ка

Пролетарий, в зародыше задуши войну! (стр. 57)

Авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК»:

Заглавие: I Пролетарий,
в зародыше задуши грядущую войну!
II Пролетарий,
в зародыше задуши войну!

После 202 (*подзаголовок*): Товарищи, не допустим этого
227 всеми руками
267—276 Дележ буржуев
нарушьте сладкий.
I Королей
волоките
на пурпур плах
II Царей
королей —
на доски плах
Уничтожьте
жирных дюжины и десятки
для мира
миллионов
в миллионных веках!

Авторизованная машинописная копия, хранящаяся в БММ и сб. «Песни рабочим»:

57—58 фармацефт
снял

После 202 (*подзаголовок*): Товарищи, не допустим этого.
219—221 Но и этот ад —
ад
покажется погремушкой

227 всеми руками
267—276 Дележ буржуев
нарушьте сладкий,
королей
волоките
на пурпур плах.
Уничтожьте
жирных дюжины и десятки
для мира
миллионов
в миллионных веках.

Севастополь — Ялта (стр. 65)

Заготовка рифм к строкам 86, 91 на внутренней стороне верхней обложки записной книжки 1924 г., № 23:

года
скандал

Беловой автограф I в записной книжке 1924 г., № 27:

3 всяких армян
33— 36 I Дави
поцелуями
гроздья шашлы
любви
виноградная сладость
II У этих
у самых
гроздьев шашлы
совсем
поцелуйная сладость
37— 38 I Сомнений жар
ущелий тоска
II То солнечный жар
то ущелий тоска
41— 42 I и кто москит
и кто мускат
II который москит
который мускат
81 I потом корпя
II потом кропя
86 проплывали года

90 I веселит
II развлекает
102 I слезайте
II Пожалте

Беловой автограф II:

3 грузин и армян
41—42 I и кто москит...
и кто мускат...
II который
москит
и который
мускат
61 церковь на ней
86 I проплывали года
II проплывают года
88 суетою мышиной
90 I веселит
II развлекает
102 I — слезайте!
II Пожалте

Владикавказ — Тифлис (стр. 68)

Газ. «Заря Востока», Тифлис, 1924, № 667, 3 сентября:

46 цари да князьки
48 Ольги
59 с Тамарой
82 гитарам
124 Но
128 в ущелье в это

Тамара и Демон (стр. 74)

Черновой автограф в записной книжке 1924 г., № 27:

Заглавие отсутствует.

1—4 I при имени Терека
в поэте истерика
а я не видал
II от этого Терека
в поэтах истерика
Я Терек не видел
5 тоже потерийка

6		с омнибуса
9— 10		поплевывая с берега Терека
14— 15	I	А Терек рвется вразброд и вразвал
	II	А Терек бурлит вразброд и вразвал
	III	А Терек идет вразброд и вразвал
	IV	Чего же хорошего полный развал
16— 17	I	Бушует как пьяный в участке
	II	Шумит как Есенин в участке
20		организовал
21— 22	I	проездом в Тифлис Луначарский
	II	проездом в Боржом Луначарский
27— 28	I	овладевает глазами гипноз
	II	овладевает лирический гипноз
30— 31		воды и пены играния
35— 36	I	стоит красотою нетроганной
	II	горит красотой нетроганной
57— 58		реветь и стараться в голос во весь
61		Я знаю свой голос
63		но страшен силой ярой
65— 67	I	Кто слышал не усомнятся што
	II	Кто знает не усомнятся што
79— 83	I	Тем более с этого какой гонорар
	II	тем более с песен какой гонорар
		А прачка — в семью копейка
84— 85		Немного дарит даром гора
89		Вскочила царица
97		с усмешкой
99—100		чего вы пыхтите как паровоз
106		рассказывал
108—110		в тебе ничего кроме страсти нет
113—114		дрожу упустить мне ведь 30 лет
115—116		хочу любить тебя попросту
117—119		любить чтобы камень казался пух
120—121		чтоб камнем казалось многое
122—124	I	А что твой демон воздух дух
	II	А что муж твой демон фантазия дух
127—130		С скалы не бросай меня будь добра
		От этой ли сдамся боли я
133		черкеску не жаль ободрать
136—138		Отсюда парню хороший удар
139—145	I	и в Терек с размаху треснется

		у нас неудобней лестница
	II	И в Терек замертво треснется
	1	У нас посерьезнее будет куда
	2	У нас побольнее будет куда
		Считай ступеньки лестнице
148—151		Пускай озверев от помарок
	I	пусть пишет про это в
	II	про это пишет в Москве Пастернак
154—158		А дальше это уже не для книг
		Из скромности я бастую
160		послушал
165—168	I	Сам Лермонтов если б пришел невзначай
		Раскис бы — счастливая парочка
	II	Сам Лермонтов видя ее и меня
	III	К нам Лермонтов ходит
		презрев времена
		и киснет счастливая парочка
169—170	I	Мы приняли б гостя
		устроили б
	II	Мы б приняли гостя
		закуски и чай
	III	Мы приняли б гостя достали б вина
	IV	Мы любим гостя
		Тамара вина

Беловой автограф в записной книжке 1924 г., № 27:

65	I	Кто слышал
	II	Кто видывал
82	I	А стирка
	II	стирка ж
110		равных нет
120	I	У черта скраду
	II	от черта скраду
127	I	Забудь про пропасти
	II	Забудь о пропастях
133		черкеску не жаль ободрать
148—149		Пускай
		озверев от помарок
170	I	подвигаю вина
	II	бутылку вина

Журн. «Красная новь», М. 1925, № 2, февраль:

84— 85 Даром
немного дарит гора
127 Забудь о пропастях
133 Черкеску не жаль ободрать
148—149 Пускай
озверев от помарок

«Только новое», «Избранное из избранного»:

127 Забудь о пропастях
133 даже черкеску не жаль ободрать
148—149 Пускай
озверев от помарок

Гулом восстаний, на эхо помноженным, об этом дадут настоящий стих, а я лишь то, что сегодня можно, скажу о деле 26-ти (стр. 79)

Газ. «Заря Востока». Тифлис, 1924, № 682, 20 сентября:

105—106 по рабам пронесло
111—113 миллионов —
восстанием била —
201—202 шакал покончить

Журн. «Красная нива», М. 1924, № 39, 28 сентября:

Заглавие: Гулом восстаний
на эха помноженным...
54 фыркает: «Вези!»
150 Тигль Джонсу
153 писал Тигль Джонс
281 чем камень памятник

«Только новое»

Заглавие: Гулом восстаний
на эха помноженным...
54 фыркает: «Вези!»
150 Тигль Джонсу
153 писал Тигль Джонс
281 чем камень памятник

«Песни рабочим»:

66 к столу и пальмы
105—106 по рабам пронесло
139 у их виска
150 Тиглю Джонсу
153 писал Тигль Джонс

201—202 Помог
шакал покончить
281 чем камень,— памятник —

Хулиганщина (стр. 90)

Черновой автограф строк 1—29 в записной книжке 1924 г., № 27:

Заглавие отсутствует.

1— 3 Чуть только солнце садится канув
4 за опустелые
6— 8 I Вылазят на улицы банды хулиганов
II Улицы стонут от банды хулиганов
10 жуткой тройки
11—12 Люди от них бегут поодаль
13—14 Таким попадись в ежовые лапочки
21—22 I Мадам позвольте прово<дить?> немножко
II Мадам позвольте провожу немножко
23—25 клуб
плевать
ломай скулья
26—29 Смотри прохожий, а ну его ножиком
I зубы вычтет
II зубы вычтем помножим скулья

Селькор (стр. 92)

Черновой автограф в записной книжке 1924 г., № 27:

Заглавие отсутствует.

11—12 I Дичь и разбой и только селькоры
II Дико в деревне и только селькоры
13—15 Жизнь обрекая смертельным риском

После 10 строки — первоначальный вариант строк 16—17:

Лишь пробивая невежества горы
27—31 Камни запрятав шагает у хаты
ходит зубами по-волчьи лацкая
42—44 I труден и тяжек ваш путь селькоры
II труден и тяжек путь селькора
48—50 Все кто <в> несчастьи все кто в горе
53—55 I Враг кулак изворотлив и ловок
II Враг богат изворотлив и ловок
58—59 I Ваш карандаш их лучше винтовок
II Ваш карандаш вернее винтовок
60—62 I бьет и дырявит лучше штыков.
II бьет и пронзает лучше штыков.

Журн. «Синяя блуза», М. 1926, № 27—28, февраль:

1—10 *отсутствуют.*

Третий фронт (стр. 102)

Черновой автограф:

9	I	сте<клись?>
14—15	I	На третьем фронте учебы и книг
	II	На фронте учебы на фронте книг
24—26	I	С мешком пожитков та<щился?> пешком
	II	так же с книгой как будто с винтовкой пешком
27—31		Он шел разутый и чуть не голый
		верст за сорок в город пешком
37—39	I	Он так же сражался с каждой буковкой
	II	Сражался бился с каждой буковкой
40—42	I	в атаки идя со сво<ей> детворой
	II	в атаки идя со всей детворой
43—47	I	Корпи и в Узу и в ОНО и в Вике
		Вот шкрабовских дней трудовая повесть
	II	В онах и в виках к общей благости
		Работай не за страх, а за совесть
54—65		*записаны после 88.*
55		всероссийская
66—70		Но шкраб как ребенка школу вынашивал
		пока войною гремела гроза.
71—73	I	И нынче со всего Союза нашего
	II	И вот со всего Союза нашего
85		со всей коммуною в ногу

Ялта — Новороссийск (стр. 123)

Заготовки к строкам 112—115 в записной книжке 1924 г., № 23:

Беленькая Левкович
розовенькая Беркович

Список рукой Л. Ю. Брик:

25	безбурный
33	просто
86—87	Она
	недурно поспала бы
106	щечки да ямочки
142	а у нас
149	Плывем плоховато
198	сплюнул зло

Даешь мотор! (стр. 131)

Журн. «Самолет», М. 1925, № 8, август:

26 в ребра грохаю
61 заграница
64 строит
170 Возраст
180—183 и корпей, Икар,
над своим
советским мотором

ТЕКСТЫ К РИСУНКАМ В ЖУРНАЛЕ «КРАСНЫЙ ПЕРЕЦ»

Постоял здесь, — мотнулся туда, — вот и вся производительность труда (стр. 155)

Журн. «Красный перец», М. 1924, № 22, октябрь:

В строфе 8: Из этих картинок
вывод простой

Советский Союз,— намотай на ус — кто Юз (стр. 162)

«Красный перец», М. 1924, № 23, октябрь:

В строфе 2: Пусть так висят
и калечат.

Крестьянское (стр. 164)

«Грозный смех»:

Строки 32—35 отсутствуют.

Рабочий, эй! (стр. 167)

Черновой автограф в записной книжке 1924, № 27:

Заглавие: Рабочий, эй!
Ты в среднем прогуливаешь 20 дней
Результат вот:
18 лентяев прогуливают год!

В строфе 1: Раньше купецкий сыночек
I Так прогуливал дни и ночи
II так прогуливал свои ночи
Гуляй, Даша! Гуляй, Паша!

В строфе 2: Папаша потрогает сыну бочок,
нарвет ушей с него целый пучок.
Да еще кстати, чтоб не повторялся прогул,
вывернет наудачу одну из скул.

В стрсфе 5: Мы прогуливаем не доходы папаши,
а нашу смычку и производство наше.
В строфе 6: Уши не нарвешь — с бородой и с усами.
Рабочие, прогульщика клеймите сами.

Наши поправки в англо-советский договор (стр. 169)

Черновой автограф в записной книжке 1924 г., № 27:
Заглавие отсутствует.
В строфе 2: Вот ощерившись, как ерш
в драку лезет Ллойд Джордж
милый Асквит, подсоби
выбью зубы Понсонби.
В строфе 5: А потом пойдут орать —
подавайте выбора.
I И в мозги не лезет комикам
II Невдомек английским комикам.
В строфе 7: I Пустим вместе лететь спиралью
II вставь пропеллер им спиралью
I банду консерваторов и либералью
II банду консерволибералью
Глядь и фунтики их отданы
в Наркомфин международный.
В строфе 8: Мы б вступили с этих пор
и без займа в договор.
Тогда споры о займе к черту —
союз по любви, а не по расчету.
Журн. «Красный перец», М. 1924, № 24, октябрь:
В строфе 2: Вот взъерошенный, как ерш

Маленькая электрификация (стр. 171)

Черновой автсграф в записной книжке 1924 г., № 27:
Заглавие отсутствует.

В строфе 1: Что и весельчакам самоубийство идет на ум
Звонить вручную путь окольный
перец предлагает электрифицировать колокольни
В строфе 2: и бог моментально оделся и прибежал
В строфе 3: к парадным приставить их в виде спеца
Строфа 4 *отсутствует.*

Журн. «Красный перец», М. 1924, № 24, октябрь:

В строфе 1 после «путь окольный» — «Перец предлагает электрифицировать колокольни»

В строфе 2 строка «со своей колокольни» *отсутствует.*

В строфе 3 последние 4 строки отсутствуют.

ЛОЗУНГ-ПЛАКАТ

Тексты для плакатов Наркомфина (стр. 181)

Черновой автограф:

В строфе 5: для крепкой смычки

В строфе 6: I Доконаем вскоре

II Доконаем горе вскоре

В строфе 8: и бумажный новый билет

теперь и бумажкам твердый курс

Лозунги к 1 мая (стр. 183)

Беловой автограф:

В строфе 6: I Выше знамя

II Знамя вздымай

Профплакаты (стр. 185)

Фотокопии эскизов:

В строфе 2: Члену союза

не страшна безработица.

О безработном

союз

позаботится.

Плакат изд. МГСПС «Труд и книга», М. 1924:

В строфе 3: Профсоюз машину

загородит в клетку

член профсоюза

первым пойдет

в рабфак и вузы.

[**Кооперативные плакаты**] (стр. 189)

Черновой автограф:

I

В строфе 3: а после

крестьян

обстрижет как овец

I без процентов
нужную ссуду
II на выгодных условиях
нужную ссуду

В строфе 6: Свет
и знание

В строфе 7: I Кооперация
крепит смычку
деревни и города
II Кооперация
смычка
деревни и города

В строфе 9: I Через
II в кооперативной школе

В строфе 10 строки 1—3 следуют после строк 4—6.

I Дороги не закроете
II Дороги не заслоните
Кооперация
крепнет со дня на день
I В кооперацию
входим
выгоды ради
не по принуждению.
II Дорогу
не заслоните
никакой тенью
Кооперация
крепнет со дня на день
I В кооперацию
входим
не по принуждению
а только собственной
выгоды ради

В строфе 11: Женщины
освободитесь
от кухонной
мотни противной

На полях справа заготовка к строфе 11:
от кухонного горшка

II

В строфе 1: I Сдача
аккуратная
по лучшей цене
II Плата аккуратная
по лучшей цене
III Сейчас оплачивают
по средней цене
В строфе 3: кооперативам сдать спеши

[Плакат о жилищно-строительном займе] (стр. 194)

Беловой автограф:
В начале текста: Больной вопрос
вопрос о жилище.
Жилищ нет.
Мы нищи.

ПАРИЖ

Еду (стр. 197)

Журн. «Прожектор», М. 1925, № 12, 30 июня; сборник «Париж»:
25—27 В Париже
площадь
и то — Этуаль,
48—49 меня
приднепровская степь...

Город (стр. 200)

Журн. «Прожектор», М. 1925, № 12, 30 июня:
99—102 Площадь
лучше
тысяч
дам болонок

«Париж»:
64—65 буквы —
каждая фут.
73—74 Товарищ туча,
скорей нагнись,

99—102 Эта площадь
лучше
тысяч
дам-болонок

Верлен и Сезан (стр. 204)

Журн. «Прожектор», М. 1925, № 13, 15 июня:

226—227 не живопись чтут,
а сан.

233—234 хорошее имя взяли:
АХХР

253—255 Париж
фиолетовый,
весь в анилипе

«Париж»:

92— 93 поэт,
как рвань рублевая,

После 125 Конечно,
травку
нельзя отрицать,
но я-то
смотрю с тоскою:
мое-то ведь существо
от лица
до пяток
сплошь городское.

188—189 За глотку быт —
теперь поори

228—247 *отсутствуют.*

252—253 Париж
фиолетовый,
весь в анилине

Notre-Dame (стр. 211)

«Париж»:

88 «Знак Зоро»

93—94 Что видно
во весь Бульмиш

Версаль (стр. 215)

«Париж»:

91— 93 В него
штыка какого-то
клин

109—110 но в наш,
в машинный ро́змах!

Жорес (стр. 219)

Список рукою Л. Ю. Брик:

1— 35 *отсутствуют.*

68— 70 в знаменах,
в болящих горбах

77— 78 и песня
краснеет по ртам.

83—84 идут
по парижским фортам.

111—114 *отсутствуют.*

Альманах «Красная новь», М. 1925, № 2:

68— 70 в знаменах,
в болящих горбах

«Париж»:

36—38 Эскорт
колесница —
эффект!

83—84 идут
по парижским фортам.

Прощание (Кафе) (стр. 223)

Журн. «Огонек», М. 1925, № 28, 5 июля:

подзаголовок: (из поэмы Вл. Маяковского)

5—6 не так
у монпарнасцев

75 — 76 ее ж Маяковский спас — за триллион

119—120 Провинция ж —
не продохнуть!

«Париж»:

Заглавие: Кафе

3— 4 все дороги
ведут в Рим.

11—12 В Rotonde'у придут
или в Dóme

75—76 ее ж Маяковский спас —
за триллион!
94—96 весь стих
с запятыми
украден.

ПОЭМЫ

«Владимир Ильич Ленин» (стр. 231)

Записная книжка № 23:

1 — 3 Время
начинаю о Ленине рассказ
7 — 9 I а потому
что жгучая тоска
II Время
потому
что резкая тоска
12—23 I Прямо взяться
и писать
не потому
II Время взяться
и сказать
не потому
что как все
и это
стихнет вскоре
I А потому
что боль
бессвязных мук
II Время потому
что раны
рваных мук
слились в ровное
и длящееся горе
24 I Мы — лодки
II Люди — лодки
26—28 Проплывешь
свое
пока
31—33 I Поприцепится
к нашим бокам

II Налипает
нам
на бока

34 I И потом

II А потом

43—47 I Я
сегодня
себя чищу
я
хочу
пробиться дальше

II Я
сейчас
себя чищу
завтра
отплываю дальше

III Я
сегодня
себя чищу
сейчас я
отплываю дальше

Строки эти являются первоначальным вариантом. Окончательного их варианта в записной книжке нет.

49 этих строчек тыщу

50—51 I Как ребенок
боится фальши

II Как ребенком
боишься фальши

После строки 51 записана строфа, зачеркнутая и не вошедшая в печатный текст:

I Счищу ложь
чтобы голос был резок
чтоб от рифмы
не мяк а креп
чтобы просто
правду резал
как ножом
разрезаешь хлеб

II Голос выскребу
будет резок
чтоб от рифмы
не мяк а креп

чтобы просто правду резал
как режешь
ножом хлеб

Черновой набросок строфы 52—59 записан отдельно на обороте 3 листа:

венчик
не закрыло
чтоб
настоящий
человечий
лоб

Следующая строфа 60—68 записана также отдельно на обороте 4 листа с вариантом одной строки:

67—68 Ленина стальную и ржаную простоту

Обе эти строфы записаны, повидимому, позже.

71—73 I Чтобы не был
ложной
красотой оболган
II Чтобы ложной
не был
красотой оболган
III Чтоб
конфетной
не был
красотой оболган

90—92 I Не могу
ни одному
сказать —
на место сядь
II Не скажу
ни одному
на место сядь

100—101 и часов у нас
двенадцать

Один из вариантов строфы 106—113 записан на обороте обложки записной книжки № 24.

Когда с часами плохо
Мала часов мера
Мы говорим эпоха
Мы говорим эра

139—146 Если же духом
и телом слит
прет вперед
на нас непохожий,
шпилят —
царственный вид,
удивляются —
дар божий

149 I Ни умно и ни глупо
II Ни умно, ни глупо

На обороте 6 листа варианты рифм к строкам 151, 156, записанным полностью на 8 листе:

дыма
неощутимо

157—159 I Как же
Ленину
таких туманов меры
II Как же
Ленина
таким туманом мерить

198—200 I Но уверены
II Но тверды
шаги Дзержинского
у гроба

201—203 Нынче бы
с поста
могла сойти Чека

210—216 Богу
почести казенные
не ново
Но сегодня
настоящей болью
сердце холодей

217—219 I Мы хороним
самого земного
II Мы хороним
самого простого
и земного

Строфа 225—233 записана слева отдельно на обороте 10 листа.

232—233 видел
то
что крышами
и временами скрыто
240—242 Мысли
больше нашего
в морщины сбились кожей

Строфа 246—258 записана отдельно на обороте 11 листа.

246—247 I Не сатрапья твердость
II Не тиранья твердость
триумфаторской коляской
248—250 I Мнущая
насмешливо подергивая вожжи
II мнущая тебя
подергивая вожжи
255—258 Он
к врагу
вставал
бетона тверже
263 I Переносил болезни
II Перемогал болезни
264—269 I Я бильярд люблю
отращиваю глаз
шахматы Ильич
Вождям
они полезней
II Скажем
мне бильярд —
отращиваю глаз,
шахматы ему
Вождям
они полезней

Строфа 270—279 записана отдельно на обороте 11 листа.

273—277 в люди
выведя
вчерашних пешек рой
становил
рабоче-человечьей диктатурой

Сбоку на этом же листе записаны рифмы к 275 и 279 строкам:

строй
в туре
турой

286—288 I Я бы
жизнь свою
сгорая от восторга
II Я бы
жизнь свою
глупея от восторга
297—301 I Кто из вас
из городов
II кто из вас
из сёл
из кожи вон
из штолен
не шагнул бы
вызвавшись вперед

Строфа 302—314 записана отдельно на обороте 13 листа.

321—323 I Все — в Колонный зал
дрожит
насквозь прохожен
II И Колонный зал
дрожит
насквозь прохожен
330—332 I Слезы снега
с флагов
II Слезы снега
с флаговых
покрасневших век

На обороте 14 листа записаны две незаконченные строки, не вошедшие в окончательный текст:

Кто из нас незнаком с замком
Кто не знаком с тюрьмой

После 337 строки были записаны три строки, зачеркнутые и не вошедшие в окончательный текст:

Рождение
21 апреля 70 год
Смерть 21 января 23-го [1]

Вариант строфы 338—346 был записан на обороте 14 листа в незаконченном виде:

---

[1] *Описка: вместо 1924 года.*

Не длинна
и до последних
мгновений
известна жизнь Владимира Ульян<ова>

Затем на 15 листе строфа записана полностью:

338—346 I Теперь
от рождения
до смертных мгновений
1 нам
известна
жизнь Ульянова
2 нам известны
дни Ульянова
1 Но жизнь
2 Но
живого
товарища Ленина
надо
писать
и писать заново
II Короткая
от рождения
до смертных мгновений
нам
известна
жизнь Ульянова
Но долгую жизнь
товарища Ленина
надо писать
и писать заново

352—354 I Слышите
ужасный и лужоный
II Слышите
железный
и лужоный

355—356 Прорезает
издали
века

361—364 I Царь мошна
безродный
и невенчанный

II Капитал
его величество
бескоронный
и невенчанный

368—372 I Капитал
как надо
хапал и грабастал
Капитал
как надо
пучил
пузо касс

II Город грабил
греб
и грабастал
глыбил
пуза
касс

III Рукой капитал
греб
и грабастал
глыбил
пуза касс

373—376 I А у станков
худой и горбастый
встал
рабочий класс

II И встал у станков
худой и горбастый
грядущий
рабочий класс

377—379 I И уже
грозил
бросая трубы за небо

II И уже
грозил
взвивая трубы за небо

383—389 I Мы родим
придет
придет когда нибудь
этих наших мук
всехсветный мститель

II Мы родим
пошлем
придет когда нибудь
человек
борец
каратель
мститель

После строки 389 записана строфа, зачеркнутая и не вошедшая в окончательный текст чернового автографа:

Машина ломала
машина несчастье
Долой машину
и тыщи таких
Сегодня
машину
разносят на части
на завтра же
опять
воздвигают
станки.

390—392 I И уже
смешались
облака и дымы
II Смешивались
облака и дымы

400—402 Товары росли
меж нищими высясь
I Хозяин
лысый черт
II Директор
лысый черт

403—407 Подвел итоги
буркнул
кризис

413—415 I Хлеба
в элеваторах
портятся
II Хлеба
зерном
в элеваторе
портятся

Строфа 835—846 была первоначально намечена рифмой на первом листе записной книжки:

Восковой
Москвой

Строки 1262—1477 записаны на левой оборотной стороне 40—44 листов:

1276—1281		От него рассыпаются укрепления врага как в канонаду от пушек лопаются перепонки
1282—1283	I	Горе человеку когда он один
	II	Плохо человеку когда он один
1284—1285	I	Плох<о>
	II	Горе одному один не воин
1301—1302	I	Единица вздор. Нулю равна
	II	Единица вздор, единица ноль
1316—1318		Партией в небо стройки взмечем
1321—1322		Партия спинной хребет тру<дящегося> класса
1327—1328	I	Сегодня приказчик а завтра страны стираю в карте я
	II	Сегодня приказчик а завтра царства стираю в карте я
1329—1333		дело класса сила класса слава класса вот что такое партия
1334—1335	I	Ленин и партия близнецы братья
	II	Партия и Ленин близнецы братья
1342—1345	I	Мы говорим партия — думаем Ленин
	II	говорят партия — подразумевается Ленин
1361—1363	I	С бредней о милости царской покончено
	II	Бредня о милости царской покончена
1380—1382	I	Проводит в сражениях 5 год
	II	Проводит с рабочими 5 год
1387—1389		Но тотчас прошла по народу вестийка
1407—1408	I	Плюнем в лицо той белой сволочи
	II	Плюнем в лицо этой белой сволочи
1428—1429	I	Зр<я> и пустили крови лохани
	II	Вот и пустили крови лохани

1430—1432 I Нечего зря за оружье браться
II Нечего было за оружье браться
1433—1434 И Ленин в этот скулеж недужный
1461—1463 I Готовит класс перед новою битвою
II готовит нас перед новою битвою
1464—1465 I он учит и сам собирает знания
II он учит и сам вбирает знания
1475—1477 I из лет подымается страшный четырнадцатый
II из лет подымается мрачный четырнадцатый

Строки 1538—1543 были первоначально записаны на левой оборотной стороне 33 листа в таком варианте:

Солдаты
вас предав и продав
буржуи
шлют
на Верден и на Дви<ну>

а затем в основном тексте чернового автографа:

1538—1543 I Солдаты
вас предав и продав
буржуи
шлют
за Верден
и на Двину
II Солдаты
буржуи
предав и продав
к туркам шлют
за Верден
и на Двину
1556—1558 Поднимем
знамя
гражданской войны

Строфа 1559—1567 была записана отдельно слева на оборотной стороне 34 листа:

И думалось эта пушка печка
разинет пасти пушечной пекло
I дохнет огнем и станет гнилью
II чихнет огнем и станешь гнилью
потом возьми ищи человечка
поди, вспоминай его фамилию

Справа на 35 листе строфа переписана в таком варианте:

Думалось
эта
пушки пекло
Чихнет огнем
и сдунет гнилью
потом поди
ищи человечка
поди
вспоминай его фамилию

Строфа 1568—1578 была записана отдельно на обороте 34 листа:

Горлом орудий
шипевших
и вывших
друг другу
орали
встань на колени
I Додрались
и вот
не найдешь победивших
II Додрались
и вот
никаких победивших
один
победил
товарищ Ленин

На листе 36 в основном тексте чернового автографа строфа 1568—1578 имеет еще два варианта:

I Орудий глоткой
шипевших
и вывших
друг другу
страны
орут
на колени
II Глоткой орудий
шипевших
и вывших
друг другу
страны
орут
на колени

Додрались
и никаких победивших
один победил
Владимир Ленин

1580—1582 Истощили
мы
долготерпенье ангельское

1583—1585 I Фронт
восставшею Россией прорван
II Ты
восставшею Россией прорвана

1586—1587 От Тавриза
до Архангельска

1615—1617 дрожа
и волнуясь
над кипой газет

1629—1630 I в немецком вагоне
под ихней пломбой
II немецкий вагон
немецкая пломба

1634—1635 I что это
II что Ленин
и в их монархию бомба.

Вариант строфы 1646—1654 записан отдельно на обороте 39 и 38 листов:

Пока полицейского не слышно свиста
I Немного еще и дойдут до точки
II Чуть еще и дойдут до точки
и снова буржуи из лапок пушисты<х>
уже начинали казать коготочки

Затем строфа была переписана в основной текст черноеого автографа в таком варианте:

За шагом шаг
и дойдут до точки
дойдут и до полицейского свиста.
Уже
начинают
казать коготочки
буржуи
из лапок своих пушистых

1655—1658 I Сначала мелочь
сначала мальки
потом
повзрослее
шпроты да килечки
II Сначала мелочь
вроде мальков
потом повзрослее
от шпротов до килечек
1659—1660 Потом Дарданельский
девичья
Милюков

Строфа 1664—1673 была записана отдельно на оборотной стороне 36 листа, а затем переписана в основной текст чернового автографа на 40—41 листы, с вариантами строки 1672—1673:

1672—1673 I Закатит истерику
поет тенорком
II Истерики закатывает
поет тенорком
1675—1676 I Не пало нам
II Не попало нам
1689—1691 Вокруг сторожами
эс-эры
Савинковы
1694—1696 Но в город
уже заплывающий салом
1700—1701 I По Выборгской
загрохотал броневик
II По Выборгской
броневик
1702—1704 И снова
ветер
свежий и крепкий
1716—1718 I Руку ведущую
выставил
II Вперед
ведущую руку выставил
1725—1727 I Мы авангард
II Мы голос
воли низа

1730—1732 I Да здравствует
партия
борющаяся за коммунизм
II Да здравствует
партия
строящая коммунизм

Две строфы: 1736—1745 и 1746—1755, в записной книжке отсутствуют.

1761—1763 I и речь
прерывали
обвалы рева
II и речь
прерывало
обвалами рева

1775—1777 I и здесь
II здесь
закаляется
в Ленинской кузнице

1782—1784 I уж лезут
II уж лезем
к сидящим
в хозяйском стуле

1793—1795 Раб бунтует
плетями
в кровь его

1819—1821 I видна
стальная
ленинская рука
II видна
ведущая
ленинская рука

Строфа 1822—1831 была записана отдельно на обороте 39 листа:

Словам и делам его лучшая почва
волнение растет тревогу растя
и рядом уже с плечом рабочего
плечо союзников крестьян

Затем переписана в основной текст чернового автографа на 47 лист с вариантами строк 1830—1831:

I плечи
ста миллионов крестьян

II плечи

миллионов крестьян

Набросок строфы 2031—2038 записан отдельно на обороте 7 листа:

выжжены

творца

над небом строки

мир хижинам

война дворцам

2048—2049 I земля

подстилка под нашими порками

II земля

подстилка под ихними порками

2052 Как хлебище в узел

2062—2063 Дорожка скатертью

Мы кухарку

2073—2074 I Пора кончать

давай брататься

II Пора кончать

выходите брататься

2083—2084 I Сапог Виль<гельма>

II Вильгельма сапог

Николаева шпористей

2087—2088 I Сновали эсеры

II пошли эсеры

в плащах распашонкой

2089—2091 I стараясь бегущих

словить в словоблудище

II бегущих ловили

в свое словоблудище

2091—2093 I хотели

II тащили

по рыцарски

глупой шпажонкой

Первоначальный вариант строфы 2097—2103 был записан отдельно на обороте 18 листа, в незаконченном виде:

И только Ленин крикнул ни с места

Подымем и это страшное бремя

I Потеря

II Пропало пространство но с нами время

Затем на 20 листе строфа записана полностью с вариантами:

I При передышке похабного Бреста
теряя пространство
выиграем время
II Возьмем
передышку похабного Бреста
Потерей пространства
выиграем время
III Потеря пространства
выигрыш время
2111—2112 I Чтоб знал пролетарий
удары мои
II Чтоб знал
запомнят удары мои
2113—2115 себя
не муштровкой
сознанием вышколь

Строфа 2119—2127 записана сначала отдельно на обороте 20 листа:

Историки с гидрой плакаты выдерут
I Чи есть эта самая гидра чи нет
II Чи эта самая гидра была чи нет
А мы знали эту самую гидру
в ее натуральной величине
2128—2131 *отсутствуют.*
2139 начал Колчак
2145 о каждом заботится
2164—2166 I по крови найдешь
из ран Ильича
II найдешь
по крови из ран Ильича
2173—2174 I страшнее бомб
II ужасней бомб
и пуль револьверных
2175—2176 осада голода
и тифов
2177—2179 кружат
над какими-то крошками
мушки
2185—2187 по сутки
на улицах
по холоду

2188—2191 I Бежал рабочий
ободран и жалок
завод
за картошку сбазарить на родину
II Хотите сажайте
хотите травите
завод за картошку
кому он жалок
2192—2193 I И корпусный судостроитель
II И десятикорпусный судостроитель
2203—2204 николаевки, думки
да керенки
2210—2212 I и Ленин
за нас
сражался с кулачеством
II и Ленин
встает
сражаться с кулачеством
2220—2222 I Бить так чтоб под ним
панель была мок<ра>

Этот вариант записан отдельно на обороте 25 листа, а на 26 листе в основном тексте чернового автографа имеется еще два варианта:

II Бить...
III Если бить
так чтобы под ним
панель была мокра
2238—2240 I Кренимся
волны мачтой крестя
II Кренимся
мачтами волны крестя
2237—2248 Как только
Ленин умел и мог

Этот вариант записан отдельно на обороте 26 листа, а на 27 листе в основном тексте чернового автографа дан второй вариант:

Но так
лишь Ильич умел и мог
2252—2253 Сразу
на 20° в бок

2265—2267 аршином учись
не научишься
плох

2271—2272 I Мы к буре привыкли
а берег подвох

II Мы к буре привыкли
что за подвох

2273—2283 *Рифма к этой строфе была первоначально записана на обороте листа 27:*
найдено
громадина

2279—2281 I И плавно
вошла
строительству в док

Этот вариант строк написан отдельно на обороте 27 листа, а на 29 листе в основном тексте имеется еще два варианта:

II и плавно
вошла
строительству в доки

III и плавно
в мир
строительству в доки

2282—2283 Сою<за>
Советс<ких> республик громадина

Вариант этот записан отдельно на обороте 27 листа, а на 29 листе в основном тексте чернового автографа дан второй вариант:

вошла
советских республик
громадина

2291—2293 I Стальными листами
<слово неразборчиво>
и примеривал

II Стальными листами
взвивал
и примеривал

III Стальными листами
вздымал
и примеривал

2300—2301 I глаза огней

II огни по бортам

впереди и сзади

2302—2303 I вперед,

но от абордажа и штурма

Этот вариант записан отдельно на обороте 29 листа, а на 30 листе в основном тексте чернового автографа имеется еще два варианта:

II Сейчас

от абордажей и штурма

III Теперь

от абордажей и штурма

2302—2304 I Ильич

пойдет

к океанской осаде

II Мы

перейдем

к трудовой осаде

Варианты некоторых строк строфы 2307—2316 записаны отдельно на обороте 29 листа и зачеркнуты:

2307—2309 I Мы отступили

верно точно

II Мы отошли

рассчитавши точно

2313—2314 Команда на борт

отступление кончено

2315—2316 К победам партия

команде на борт

Затем вся строфа 2307—2316 записана на 30 и 31 листах в нескольких незаконченных вариантах:

I Команду почистим

чтоб первый сорт

мы отошли

рассчитавши точно

II Команду почистить

чтоб первый сорт

Всех разложившихся

в воду

за ворот

III Команда прочищена

первый сорт

Теперь отступленья конец

В плаванье дальше

все на борт

IV Теперь вперед

отступленье окончено

РКП

команду на борт

V Мы

отошли

рассчитавши точно

Кто разложился

вон

за ворот

Теперь вперед

отступленье окончено

РКП

команду на борт

2319—2321 вперед и в прошлом

стушуется непчик

Этот вариант записан отдельно на обороте 30 листа, а в основном тексте чернового автографа на 32 листе дан второй вариант:

вперед

и в прошлом

скроется непчик

2322—2323 I Мы пойдем

II Мы двинемся

во сто раз медленней

2332—2334 I Но тихие тучи заревом

II Но тихие тучи молнией

выев

Эти два варианта были записаны отдельно на обороте 31 листа, а затем второй вариант без изменения был переписан в основной текст чернового автографа на 32 лист:

2335—2337 уже идет

нарастанье

всемирной грозы

Черновой набросок строфы 2349—2358 записан на обороте 29 листа, окончательный на 33 листе. Вариант отдельных строк:

2352—2354 I на общий завод

возвращаясь с обеда

II на общий завод ли
идем
с обеда

2355—2356 I Вы знаете
пролетариат победитель
II Мы знаем
пролетариат победитель

Записная книжка № 24:

2426—2427 I Опаленных
II Горящих глоток
лишь 3 слова

2433—2434 вливалось 22 января

2437—2438 усаживались кидаясь усмешкою

2458—2460 I Потолок на головы пошел снижаться вороном
II Потолок на нас пошел снижаться вороном

Вариант строк 2474—2477 был записан отдельно на обороте 3 листа:

Жуткие мысли
мозг мнут
кровью к вискам
и клокочут в вене

Затем в окончательном тексте на 4 листе эти строки были записаны в таком варианте:

Мысли смешались голову мнут
Кровь в виски клокочет в вене

2484—2487 I день векам войдет в ужасное преданье
II день векам войдет в тоскливое преданье

2517—2518 весть набросится пулей в уме

2522—2523 I и мужик видавший виды
II и мужичонко видавший виды

2527—2530 I отвернулся от баб но выдал
кулаком растирая грязь
II отвернулся от баб но выдала
кулаком растертая грязь

2531—2532 Были люди как кремень и эти

2542—2544 I Ей восставшей не додумать до конца
II и никак восставшей не додумать до конца

2564—2565 I красна до крови и сто⟨нет⟩
II так болит и стонет так

2576—2577 задумано им и сказано им

2581—2583 пошла бы за ним и в огонь и в дым

2584—2587 I Здесь каждый рабочий
Ленина знает

II Здесь Ленина знает каждый рабочий

2590—2591 Он в битвы вёл и победы пророчил

2592—2594 I и вот я стою зе<мли> властелин

II и вот пролетарий труда властелин

2604—2606 I что прадедам лишь засечённым снятся

II что дедам в гробах засечённым снятся

2615—2616 сто раз сражаться и лечь в могилы

Вариант строк 2620—2621 был записан отдельно на обороте 5 листа:

пришел и сказал
что разбудят

Затем окончательный текст на 7 листе:

чтоб нам умереть
и его разбудят

2629—2631 есть Ленин, гроб и дрожащие плечи

Вариант строфы 2637—2646 был записан первоначально отдельно на обороте 5 листа:

Вовек такого ценного груза
еще не несли океаны наши
как гроб его движимый к Дому Союзов
на волнах спин рыданий и маршей

2655—2657 во всю длину Тверской и Дмитровки

Первоначальный вариант строфы 2658—2665 был записан отдельно на обороте 6 листа:

в осьмнадцатом бывало в очередь дочери
не вышлю
но в эту морозную тяжкую очередь

Строфа 2668—2677 была намечена рифмами на обороте 4 листа:

рядом
Ильич принимал
последним парадом

На 8 листе в основном тексте чернового автографа строфа записана так:

I Второй становился за первым рядом

II деревни строились с городом рядом
то мужеством гóре, то детскими вызвенит
Земля труда проходила парадом
Живым итогом ленинской жизни

2678—2681 I Всходило солнце косое и лаковое

руками лучей к подножью кидается
II Желтое солнце косое и лаковое
взойдет лучами к подножью кидается
2685—2686 I пришли склоняясь в горе китайцы
II прошли склоняясь в горе китайцы
III склоняясь в горе идут китайцы
IV склоняясь в горе проходят китайцы

Строфа 2698—2708 была намечена рифмами на обороте 4 листа:

подошвы
им было немыслимо хлопать в ладоши

Затем на обороте 8 листа записана в таком незаконченном варианте:

мороз небывалый грыз подошвы
но даже от холода бить в ладоши
казалось бестактным и было неловко

И, наконец, на 9-м листе переписана в окончательный текст с вариантами отдельных строк:

Мороз небывалый жарил подошвы
А люди дышют давкою тесной
I И даже от холода бить в ладоши
II Даже от холода бить в ладоши
Сегодня не будут нельзя неуместно

Строки 2713—2717 были сначала намечены рифмами на обороте 4 листа:

за колонны мороз
закаленый
2720—2722 I И вот затихает дыханье и пенье
II но вот затихает дыханье и пенье
2725—2726 I ужасный обрыв в 4 ступени
II огромный обрыв в 4 ступени
2727—2728 I обрыв от рабства в пятьсот поколений
II обрыв от рабства в сто поколений
2729—2730 I от классов от газов от пушек Крезо
II где только золота знают резон
III где знают лишь золота звенкий резон

Строфа 2756—2767 первоначально была записана отдельно на обороте 9 листа:

I Жуть глаза заплывают
II Жуть закрой не гляди
I Как будто идешь по железному проводу
II Как будто идешь по проволоке провода

Как будто минуту один на один
Остался с огромной единственной правдой

Затем переписана на 10 лист в основной текст чернозого автографа с вариантом одной строки:

Страх закрой глаза и не гляди
Как будто идешь по проволоке провода
I Как будто остался один на один
II Как будто минуту один на один
Остался с огромной единственной правдой

2770—2771 I качает тело мое невесомое
II относит тело мое невесомое

2789—2794 И снова знамена склоняют крылья
чтоб завтра опять подыматься в бои

2799—2800 I флагами вычернив и веками алея
II флаги вычернив и веками алея

2801—2802 I на последнее прощанье с мертвым Ильичем
II на последнее прощанье с Ильичем

2803—2804 I встали мы теперь у мавзолея
II шли и медлили у мавзолея

2811—2813 I облик
II не уместишь облик ненаглядный

2829—2830 поднявшие молот застыньте на месте

2831—2832 I земля ни с места заляг и лежи
II земля замри застынь и лежи

Вариант строк 2840—2842 был записан на обороте 5 листа:

не громче чем мелочь звенит в кармане

Затем в основном тексте чернового автографа на 12 листе эти строки переписаны еще с двумя вариантами:

I чем мелочь звучащая в горсточке нищих
II чем мелочь звенящая в горсточке нищих

Вариант строк 2843—2845 записан на обороте 5 листа:

во всю напрягаю слабое зрение

а затем в основном тексте чернового автографа на 13 листе в таком варианте:

до боли раскрыл убогое зрение

2851—2853 I огромный земной неподвижный шар
II темный земной неподвижный шар

2854—2855 Над миром гроб огромен и нем

2859—2860 I чтоб в бурю сказаний дел и поэм
II чтоб в бурю восстаний дел и поэм
III чтоб бурей восстаний дел и поэм

2874—2876 уже ровнее и тверже дыша

2877—2882 I тело с трудом подвигая тяжесть
по скатам с площадки вбивает шаг
II с трудом отрывая тело — тяжесть
с площадки вниз вбиваем шаг

2888—2889 топота потоп и бодрость кругами

2890—2892 Ширясь расходится в сердце и в мысль

2898—2900 Трудно республике будет без Ленина

2904—2906 Будет валяться на перине клоповой

Набросок строфы 2915—2925 был вначале записан отдельно на обороте 11 листа:

ног
в 400 тысяч рабочих от станка
первый тебе партийный венок

Затем строфа была переписана в основной текст чернового автографа на 14 лист в таком варианте:

смотрят буржуи глаза раскоряча
дрожат от растущего топота ног
400 тысяч от станка горячих
Ленину первый партийный венок

2930—2933 я уже стар возьмите внучика
не отстает — хочу в комсомол

2943—2946 Выше солнце будь свидетель
сбрось морщинистый траур у рта

2947—2949 I взрослым
II в ногу взрослым вступают дети

2957 I возьмем на штыки
II пойдем на штыки

После строки 2957 недописанная и зачеркнутая строфа:

Дальше круги и шире движутся
в вал вцепляется новый вал

2960—2965 Грохотом кроем их не сметь
Стала величайшим мировым организатором

Машинопись поэмы:

4— 6 Но не потому что горя нету боле

21— 23 наше знание сила и оружие

139—140 если же телом и духом слит

143—144 говорим царственный вид

390—392 и уже мешались облака и дымы

464—468 *отсутствуют.*

474—480 *отсутствуют.*

735 как пожелтевший лист
782— 784 будто каждый труд размалывая лично
943— 944 на них и куст не растет
1048—1053 и тогда поклялся Ленин юноша семнадцатигодовый
крепче клятв солдатом поднятой руки
1379 он со дня на день
1744—1745 недосягаемое слово «коммунизм»
1746—1757 *отсутствуют.*
1924—1926 и только на околышке у флотского
2252—2253 сразу на двадцать градусов вбок

Газ. «Рабочая Москва», 1924, № 238, 18 октября:

1258—1259 Хочу напомнить
и выснять заново
1271—1273 Партия
эта —
единый ураган
1311—1313 Партия
эта —
миллионов плечи
1327 сегодня токарь

«Бюллетень Прессбюро», «А», М. 1924, № 92, 21 октября; «Бюллетень Прессбюро ЦК РКСМ», М. 1924, № 6, 23 октября:

1949—1950 тех, которых
срезали при этом
1957 остановился
1969 из-под слов выматывал
1988 до миллиарда полутора

Газ. «Известия ЦИК», М. 1924, № 256, 7 ноября:

1902—1904 От гула
дрожит
взбудораженный Смольный
1907—1929 *отсутствуют.*
1949—1950 Солдаты друг друга
срезали при этом.
1951—1952 И в желанной
железной буре
2017—2019 Но фронт
слова эти взяли

Газ. «Бакинский рабочий», 1924, № 254, 7 ноября:

1924—1926 И только
на околышке
у флотского
1969 из-под слов выматывал
Газ. «Рабочая Москва», 1924, № 255, 7 ноября, приложение «Седьмой Октябрь»:
1744—1745 недосягаемое
«коммунизм»
«Красный журнал», М. 1924, № 4, 31 декабря:
1449—1450 А этот год
в кровавой пене
Журн. «Красная панорама», Л. 1925, № 3, 17 января:
2980—2981 С красного знамени
с каждой складки
Газ. «Гудок», М. 1925, № 17, 21 января:
942— 944 Я видел горы,
на них
и куст не растет
1051—1053 И слова его
покрепче клятв
солдатом поднятой руки
«Красный журнал», М. 1925, № 1—2, 21 января:
141—142 прет вперед
на нас непохожий
160—162 Ведь глазами видел
всяк
165—167 даже
головой
не задевала за косяк
«Рабочая газета», М. 1925, № 17, 21 января:
2904—2906 Довольно
валяться
на тюфяке
клоповом
Журн. «30 дней», М. 1925, № 1, январь:
2687—2689 Выплывали
ночи
на спинах дней,
2716—2717 ступает
вместе с толпой за колонны
Журн. «Красный перец», М. 1925, № 3, январь:

2775—2777 во мне
минута
вот эта вот самая
2827—2828 Остановитесь,
движенье и жизнь
2854—2855 Над миром гроб
безмолвен и нем
2901—2903 Надо заменить его —
кем?
как?

Журн. «Экран», М. 1925, № 2, январь:

2411—2413 Еще бы —
такое
не увидишь в века

Журн. «ЛЕФ», М. 1925, № 3, январь:

53— 54 я тревожусь
не закрыло чтоб
371—372 глыбил
пузо касс

«Красный журнал», М. 1925, № 7, апрель:

896—898 вождь
так чтоб и мелочами с нами

«Красный журнал», М. 1925, № 8, апрель:

811—812 Пролетария
поставил у руля

Первое издание поэмы:

Текст посвящения: «Российской Коммунистической партии посвящаю» — *(дан на отдельном листе).*

784 размалывая лично
788 поймал с наличным
944 и куст не растет

Второе издание поэмы:

Текст посвящения: «ВКП(б) посвящаю» — *(дан тоже на отдельном листе).*

784 размалывал лично
944 и куст не растет
1427 напутали, братцы

ВАРИАНТЫ И ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ «ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН»,

опубликованные в журнале «Октябрь», 1937, № 2.

431—439 Мчи верблюд, открыватель колоний,
кораблей колонны белей,
по пустыне огня раскаленней
капиталу ищи прибылей.

634—639 Я буду
писать
и про то
и про это,
про все,
что вцепится
в сердце и глаз...

645—655 Пролетариат —
для вас это слово узко
попали в коммунизм,
как в львиный ров.
А для нас в этом слове музыка
расцвета и гибели целых миров.

Первоначальный набросок строфы:

823—834 Лягте
ума не
практик
поведет в полях сражений
не бумаг..

Затем эта же строфа была записана в таком виде:

вел и говорил:
...Сражаясь лягте.
Может быть
во имя
одного ума
Он придет
придет
великий практик
поведет полями битв,
а не бумаг...

После строки 1186 была строфа:

Нет! Не пустят
за вороньим росм,

бейся,
кровью камеру пои.
«Мы сами, родимый,
закроем
Орлиные
очи твои».

Отрывок из первой части поэмы (повидимому, вместо строк 537—594)

Здание капитализма

Руки пролетария
и инженера мысль
разгоняют здание
в немыслимую высь.
Здание капитализма под
трупы и кости фундамент;
цемент кровь и пот
С дыбы золотой,
под капиталовым палачом
падали, кости в землю вклиняя.
Здесь туманом крови
стелется по ночам
миллионное:
проклинаем.
Двести ступенек
вниз вело.
Здесь этаж подвальный.
Мы
волами
у машинных валов,
мы
по нарам
навалены.
Мириады лампочек
в сырую темноту
глаза воспаленные
выкатили.
Свет
всех солнц
тут,

тут
всех этажей
двигатели.
Первый —
сторожа
карьерный раж,
интеллигенция —
учеными псами
рвется в следующий,
в бель-этаж.
В бель-этаже
дебелые сами.
Сами на троне,
животики пыжа,
капитал,
торговля — жена,
дочка — биржа.
Не троник хилый
князька или
графа
не стронешь
стоит несгораемым
шкафом.
Сталь не вата,
шкаф не софà,
задам жестковато,
но пузам лафа.
Каждому снится
пара кранов,
по крану
в каждый
из пары карманов,
из подвала кровь
стекает в крана оба,
золотом стекает
сотенная проба.
Чтоб лучше
машина
подвал обирала,
без скрипа
от ржавой крови масс,

машину эту
толпа либералов
слюнявит
жиром собственных масл.
Поодаль
в струнку
расставлены кучки
лучи эполет
цилиндров лучики
Георгов,
Альбертов
царей
и царят
ждут
чего со стола насорят.
В кучке другой
Мильераны и Эберты
пришли,
подсчитав
кредиты и дебеты.
В бок
с лицом
что равно годится
быть и щекою
и ягодицей
задолицая полиция.
А стиль-то, стиль!
не найдешь такого,
не один
художник
по стенам поерзал —
пол ампиристый,
потолок рококовый,
стены
Людовика XIV-го
Каторза.
Вверху
где плафонов лепных
листики,
повыше,
чтоб не громко орали,

в клетках
золоченых
идеалистики.
Лепечите попочки
про мировые морали.
Вверх от тройки
пошли надстройки.
Следующий этаж — обучает детей.
Настоящий живой паук
Наткешь паутину
не снять чтоб ломом,
тебе медаль
да еще с дипломом.
Дальше — службы,
и налево и направо
кладовые
комнатки
и клети
здесь лакей-подлиза —
старенькое право,
женская прислуга
этик и эстетик.
Выше —
крыша
и мансарда:
детский сад
вольнолюбивых бардов.
А от крыши
метафизики окольней
винтовые лестницы
ведут на колокольни.
Мало кандалов
и заводского ига.
Чтобы не было
и в душах ерепенья
чинодралы пятисот религий
прославляют
рабское терпенье.
Здесь меблируются
и рай
и преисподняя,

их внешторг отсюда
продает старухам
дырку
от гвоздя
креста господня
и перо
хвоста
святого духа.
А еще
повыше,
там,
куда не видно без очков,
на границе
от земли
к небесным сводам
парочка меньшевичков
громоотводом.

Летающий пролетарий (стр. 311)

Журн. «Молодая гвардия», М. 1925, № 8, отрывок (строки 1—339); журн. «Огонек», М. 1925, № 19, отрывок (строки 274—362). Подзаголовки «Предисловие» *и* «Война, которая будет сейчас» *отсутствуют.*

27—28 Что им
бескрылая жизнь горька.

93—95 Ракеты.
Осветились
в темноте.

Вместо подзаголовка «2125 год»—«Будет». *Подзаголовок* «Тревога»— *отсутствует.*

73 — 75 обчертил
на небе
раму.

116—124 в прикрытии
дымовых завес.
Рапортом —
воззвание:
Ясно!
Угроза
Азии
и Европе красной

133—134 Руки — на руль!
Глаз — на газ.

154—160 Летели

в свой

районный совет.

Долетевшие

до половины

встречали

побывавших в штабе.

Подзаголовок «Радиомитинг» — *отсутствует.*

179—181 Вовек

не забудется

картина эта.

187—188 Вверху

коминтерновский председатель

197—199 фразы

по радиоволнам.

Подзаголсвок «Авиомобилизация» — *отсутствует.*

203—205 Солнце искусственное

в миллиарды свечей

257—258 Заводы возводим.

Возносим трубы.

286—288 Винты взбесились.

До Марса отмашет!

291—293 И воздух

гремит

в знакомом марше,

Подзаголовок «Марш» — *отсутствует.*

312—314 там

красный

летчик гонится

Журн. «Новый мир», М. 1925, № 7 — отрывок (строки 579—654).
Подзаголсвок — «Бой»:

591—594 Удивительная битва!

Ни одного громыханийка,

ни ядер,

ни пули не вижу мимо я —

609—610 вылазили остекленелые глаза.

617—618 и нету

никакой эскадрильи

639—641 в ангары

дредноуты

поломанные вводили,

648—649 Сменялись
дней глади
653—654 Зверея
со дня на день
После 654 Работа чистая.
Сброшена тонна.
Ни тебе увечий,
ни боли,
ни раны.
И город вымер
без всякого стона
от тонны
удушливой
газовой дряни.

Журн. «Прожектор», М. 1925, № 8 — отрывок (строки 1400—1544):

1424—1425 а ты подлетай,
излавливай сеткой.
1432—1434 А здесь хорошо!
Ни башмаков не истаскать,
1441—1445 скользят на хвост,
наметывают петли.
Наконец
один
промажет сачком.
1460—1464 Если дождь разразится
с ветром в поле,
на тучи
подымутся
и дальше шпарят,
1488—1489 Освободились на час,
уроков нету,
1504—1513 *отсутствуют.*
1522—1524 Решили
нет
или есть бог

Журн. «Красная нива», М. 1925, № 30 — отрывок (строки 1581—1584, 1599—1672):

1600—1602 Тогда
весной
отправлялись на дачу.

1638—1642 Даже
на фонарь
не мог лазить —
тут же ломался.

1643—1644 Теперь захочу —
и в сторону ринусь.

1668—1672 А в самолете
хоть с самого полюса
прилетай
и пользуйся:

Журн. «Красная нива», М. 1925, № 17—отрывок (строки 1789—1860)

1796—1797 Но я
грядущего агитатор

ПРИЛОЖЕНИЕ

Коллективное

Реклама

«Папиросы «Клад» (стр. 409)

Черновой автограф:

1 — 6 Комиссия помощи беспризорным детям
прилагает премии к папиросам этим

7 — 8 I Кто сердцем не сух
Кто сердцем не глух

10 II Отыскивай «Клад»

16 Далека от города дешевая дача

17—20 А дачу бесплатно и совсем рядом
можешь купить с моссельпромовским «Кладом»

21—28 В комнате без мебели обитать неловко
А сколько стоит комнаты обстановка?
I Чтоб
II Даром ее получить на дом
I можешь свыкнувшись с моссельпромовским «Кладом»
II можешь купивши пачку с «Кладом».

31—32 I Но стоит не дешево хороший велосипед
II А стоит не дешево хороший велосипед
III Не дешево стоит хороший велосипед

33—36 Чтоб мечта о нем не развеялась дымом
в «Кладе» его найти необходимо!

37—40	I	Иной прокуривши цену за лошадь
		А лошади в оглобли все не заложит
	II	Прокуривши целую цену за лошадь
		своей в оглобли никто не заложит
		Но тот кто курит моссельпромовский «Клад»
	I	Может лошадь получить без всяких затрат
	II	может взять коня безо всяких затрат
43—44		В папиросах «Клад» премии есть!
47—48		тому и трактор системы новейшей
51—52	I	в папиросах «Клад» таится корова
	II	в папиросах «Клад» скрыта корова
53—54		Чье сердце корове отменной радо
55—56	I	ищи ее в премиях «Клада»
	II	ищи ее в коробках «Клада».
59—60	I	Кто терять не будет время —
		сыщет много ценных премий
	II	Не теряй, курящий, время —
		получай побольше премий
	III	накопляй квитки от премий

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. МАЯКОВСКОГО, ВОШЕДШИХ В ШЕСТОЙ ТОМ

Только новое. ГИЗ, Л.— М. 1925, 55 стр.

Песни рабочим, изд. «Долой неграмотность», М. 1925, 98 стр.

Песни крестьянам, изд. «Долой неграмотность», М. 1925, 168 стр.

Париж, изд. «Московский рабочий», 1925, 40 стр.

Американцам для памяти, изд. «Нью-Уордл пресс», Нью-Йорк, 1925, 32 стр.

Владимир Ильич Ленин, поэма, ГИЗ, Л. — М. 1925, 95 стр.

Летающий пролетарий, Авиаиздательство и Авиахим, М. 1925, 64 стр.

Американцам для памяти, Нью-Йорк, 1925, 32 стр.

Избранное из избранного, изд. «Огонек», М. 1926, 55 стр.

Мы и прадеды. Стихи, изд. «Молодая гвардия», М. 1927, 35 стр.

Владимир Ильич Ленин. Поэма, ГИЗ, М.— Л. 1927, 124 стр. (Универсальная б-ка).

Сочинения, т. 2, ГИЗ, М.— Л. 1928, 345 стр.

Сочинения, т. 3, ГИЗ, М.— Л. 1929, 449 стр.

Сочинения, т. 4, ГИЗ, М.— Л. 1929, 328 стр.

Грозный смех («Окна сатиры» Роста), Гихл, М. — Л. 1932, 80 стр. (Подготовлен к печати автором).

Рассказ о Климе, купившем крестьянский заем, и Прове, не подумавшем о счастьи своем. Изд. «Финансовой газеты», М. 1924, 19 стр. (без указания автора).

Н. Асеев и В. Маяковский. Одна голова всегда бедна, а потому и бедна, что живет одна. Кооперативное издательство, М. 1924, 18 стр.

Н. Асеев и В. Маяковский. Рассказ о том, путем каким с бедой управился Аким, Кооперативное издательство, М. 1925, 26 стр.

В. Маяковский и Н. Асеев. Сказка про купцову нацию, мужика и кооперацию. Изд. «Центросоюз», М. 1925, 16 стр.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БММ — Библиотека-Музей В. Маяковского.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, Ленинград.

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР.

ЦГАОР — Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Будь готов! (стр. 7.) Газ. «Красная звезда», М. 1924, № 11, 13 января.

Строка 2. *Рур* — главный район каменноугольной, тяжелой и военной промышленности Германии, являвшийся после поражения Германии в годы первой мировой войны предметом ожесточенной борьбы между капиталистическими странами.

Строка 17. *Юз* Чарлз Эванс — в 1921—1924 гг. государственный секретарь (министр иностранных дел) США, проводник империалистической политики американского капитала; выступал против Советского Союза.

Строка 19. *Керзон* Джорж Натаниел, лорд (1859—1925) — деятель английской консервативной партии, в 1919—1923 гг. — министр иностранных дел Великобритании. Один из организаторов военной интервенции против СССР в период гражданской войны.

Строка 29. *Врангель* П. Н., барон (1878—1928) — монархист, белогвардейский генерал, ставленник Антанты, один из главарей контрреволюции на юге России в 1918—1920 гг.

Киев (стр. 9). Беловой автограф (ИРЛИ); газ. «Пролетарская правда», Киев, 1924, № 52, 2 марта; журн. «Огонек», М. 1924, № 12, 16 марта; «Мы и прадеды».

Печатается по тексту сборника «Мы и прадеды». Беловой автограф был передан Маяковским в Киеве редакции «Пролетарской правды» (свидетельство И. Т. Ямпольского, бывшего владельца автографа). Время создания стихотворения определяется как этим свидетельством (Маяковский был в Киеве 12, 13, 16 и 17 января 1924 г.), так и строками 76—80, относящимися к В. И. Ленину и написанными, как это видно из текста, при жизни Владимира Ильича (то есть не позднее 21 января).

Строки 13—14. *Владимирская горка* — в Киеве над Днепром.

Строка 22. *Перун* — бог грома у древних славян.

Строка 35. *Дир* и *Аскольд* — киевские князья (IX в.).

Строки 41—43. *Владимир* — великий князь киевский, принявший около 988 года христианство и энергично вводивший новую веру.

Строка 43. *Лавры* — крупные монастыри, подчинявшиеся непосредственно высшей церковной власти. В их числе была Киево-Печерская лавра.

Строки 44—46. Памятник князю Владимиру в Киеве на Владимирской горке, где князь изображен несущим большой крест.

Строки 60—64. *Столыпин* П. А. — реакционный политический деятель, в 1906—1911 гг. председатель Совета министров. В 1911 г. убит в Киеве агентом охранки с провокационной целью. В Киеве Столыпину был воздвигнут памятник, снесенный после Октябрьской революции.

Строки 65—68. Имеются в виду смены властей в Киеве в период гражданской войны.

Строка 71. *Подол* — промышленный район в Киеве.

Строка 92. *Пуанкаре* Раймон (1860—1934) — французский реакционный политический деятель, один из организаторов империалистической интервенции в Советской России (1918—1920). В 1924 году был премьер-министром Франции.

Строка 103. *Крещатик* — главная улица Киева.

Ух, и весело! (стр. 13) Журн. «Смехач», М. 1924, № 1, февраль; «Только новое»; Сочинения, т. 2.

Написано 18 января 1924 г. на пути из Киева в Москву (дата и место написания обозначены под текстом в журнале «Смехач»).

Строки 1—4. Имеются в виду слова «Скучно на этом свете, господа!», которыми заканчивается «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя.

Строка 25. *Брынские леса* — леса на берегах реки Брынь, упоминаемые в былинах.

Протестую! (стр. 17) Беловой автограф I (БММ); беловой автограф II (частично авторизованная машинописная копия) (БММ); журн. «Красная нива», М. 1924, № 3, 20 января. Печатается по тексту журнала.

Беловой автограф I — текст, написанный карандашом без заглавия и без разбивки строк на обороте листа, содержащего черновик стихотворения «Итог» (см. т. 5 наст. изд.).

Беловой автограф II — частично рукопись (строки 1—68), частично машинопись с правкой Маяковского (строки 68—105). Машинописный лист обозначен порядковой цифрой «2» и инициалами «В. М.» рукой автора.

На оборотной стороне машинописного листа записаны дополнительные варианты строк 1—6, 43—52. В автографе II стихотворение озаглавлено — «Протест».

В журнальном тексте допущены опечатки, исправленные в одном из очередных номеров «Красной нивы» (1924, № 6 , февраль).

Строка 26. *...ни Шекспиру Биллю.*— Билль — уменьшительное от «Вильям».

Строка 50. *Родов* С. А. (р. 1893) — советский поэт, переводчик; в 1924 г.— один из руководителей рапповского журнала «На посту».

Строка 60. *Арватов* Б. И.—деятель Пролеткульта, один из теоретиков «Лефа».

Строка 63. *Коган* П. С. (1872—1932) — историк литературы, критик, президент Государственной Академии художественных наук.

Строка 99. ... *чаплинской лентой.*— Имеется в виду один из фильмов современного киноактера и режиссера Чарли Чаплина.

Строка 105. *Парабола* — незамкнутая кривая линия.

9-е января (стр. 20). Авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1924, № 18, 22 января.

Перепечатано в газетах: «Красная Татария», Казань, 1926, № 18, 22 января (под заглавием «Долой прошения»); «Смена», Л. 1929, № 18, 22 января (под заглавием «9 января 1905»).

Печатается по тексту «Известий».

В машинописную копию с авторской правкой и редакционными пометками (наборный экземпляр газеты «Известия») строки 42—47 вписаны чернилами рукой автора.

Стихотворение написано к 19-й годовщине «Кровавого воскресенья».

Строка 8. *Гапон* Г. А. (1870 — 1906) — поп-провокатор, организовавший 9 января 1905 г. шествие петербургских рабочих к Зимнему дворцу, которое было расстреляно по приказу царя.

Строка 19. *Помазанник* — царь Николай II.

Здравствуйте! (стр. 22) Черновой автограф (БММ); авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК». М. 1924, № 32, 8 февраля.

Печатается по тексту «Известий».

Черновой автограф — без заглавия и с отдельной припиской строк 67—72.

Строки 6—10. 2 февраля 1924 г. правительство Великобритании официально признало Советский Союз.

Строка 19. *О'Грэди Джемс* — английский дипломат, член парламента, намечавшийся на пост британского посла в СССР.

Строка 27. *Георг V* — король Великобритании с 1910 по 1936 г.

Строка 73. Имеется в виду Макдональд Джемс Рамсей (1866—1937) — глава лейбористского («рабочего») правительства Англии, признавшего Советский Союз.

Дипломатическое (стр. 25). Журн. «Красная нива», М. 1924, № 8, 24 февраля; «Известия Одесского Губкома КПБУ Губисполкома и Губпрофсовета», Одесса, 1924, № 1268, 24 февраля.

Текст одесских «Известий», имеющий разночтения с текстом одновременно вышедшего журнала, следует считать последней редакцией. Маяковский прибыл в Одессу 20 февраля 1924 г., повидимому тогда же им внесены изменения в газетный текст.

Печатается по тексту «Известий Одесского Губкома».

Строки 3—6. После признания Советского Союза Англией (см. примечание к предыдущему стихотворению) 8 февраля 1924 г. была получена нота итальянского правительства и 13 февраля — нота норвежского правительства о признании СССР. Отношения Советской России с Австрией были урегулированы временным соглашением от 7 декабря 1921 г.; с Германией (упоминаемой в первой редакции стихотворения) — Раппальским договором 1922 г.; с Польшей (упоминаемой также в первой редакции) — мирным договором 1921 г.

Строка 30. *Чичерин* Г. В. (1872—1936) — видный советский дипломат, в 1918—1930 гг.— народный комиссар иностранных дел.

Строка 51. *Кузнецкий мост* — улица в Москве, где помещался Народный Комиссариат иностранных дел.

Строка 88. *Перекоп* — линия обороны в районе перекопского перешейка, прорванная Красной Армией в ноябре 1920 г.

Строки 89—94. Перефразировка строк из стихотворения Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда»:

> ...Постояв,
> Развязали кошли пилигримы,
> Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
> И пошли они, солнцем палимы...

Буржуй, прощайся с приятными деньками — добьем окончательно твердыми деньгами (стр. 28). Черновой автограф (ЦГАЛИ); беловой автограф (БММ); «Бюллетень Прессбюро» «Б»[1], М. 1924, № 26, 15 марта.

Перепечатано в газетах: «Власть Советов», Рязань, 1924, № 4, 21 марта; «Известия», Казань, 1924, № 72, 29 марта.

Печатается по тексту «Бюллетеня».

Черновой автограф под заглавием:

Новые деньги
стоящие твердо
укрепят хозяйство
деревни и города.

После заголовка в черновом автографе следуют четыре строки, ставшие в печатном тексте заглавием: «Буржуй—прощайся с приятными деньками — добьем окончательно твердыми деньгами».

Беловой автограф был предназначен для плаката. Озаглавлен так же, как и черновик, после заголовка следуют те же строки, которые в печатном тексте стали заглавием.

Против заглавия пометка Маяковского «верх плаката», против строфы, перешедшей при публикации в заглавие,— «низ плаката», на полях обозначены цифры, которым должны были соответствовать рисунки. Был ли выпущен этот плакат — не установлено.

Заглавие автографов было использовано Маяковским в качестве самостоятельной подписи к плакатам Наркомфина того же периода (см. «Тексты для плакатов Наркомфина» в настоящем томе).

На беловом автографе пометка (не рукой Маяковского): «Согласовано 10/III—1924 г.».

Написано в связи с денежной реформой 1922—1924 гг., в ходе которой стабилизировался советский рубль и были отменены денежные знаки старого образца («совзнаки»).

[1] Прессбюро, организованное в конце 1922 г. при отделе агитации и пропаганды ЦК РКП(б), выпускало бюллетени, отпечатанные на ротаторе и включавшие различные литературные материалы, которые предназначались для перепечатки в газетах и журналах. Бюллетени рассылались «для губернских газет, имеющих по преимуществу городского читателя» (бюллетень «А») и «для уездных и губернских газет земледельческих районов с крестьянским кадром читателей» (бюллетень «Б»). Наряду с этим выпускались и бюллетени «А/Б». Произведения Маяковского, публикуемые в настоящем томе, с текстами «Бюллетеней Прессбюро» сверены впервые.

Строка 2. *Лимон* (просторечие) — миллион рублей.

Строка 3. *Лимард* (просторечие) — миллиард рублей.

Твердые деньги — твердая почва для смычки крестьянина и рабочего (стр. 31). Плакат изд. МГСПС «Труд и книга»; «Бюллетень Прессбюро» «Б», М. 1924, № 31, 28 марта.

Перепечатано в газетах: «Звезда», Минск, 1924, № 75, 1 апреля; «Коммуна», Калуга, 1924, № 78, 5 апреля; «Наша газета», Воронеж, 1924, № 30, 12 апреля; «Крестьянская жизнь», Благовещенск, 1924, № 26, 13 мая.

В «Бюллетене Прессбюро» — текст неполный (строки 1—14, 34—96), строки 34—37 следуют после строки 47.

В настоящем издании текст впервые воспроизводится полностью — по плакату.

Заглавие в несколько расширенном виде использовано Маяковским в качестве подписи к плакату (см. «Тексты для плакатов Наркомфина» в настоящем томе).

Стихотворение написано в связи с денежной реформой (см. примечание к предыдущему стихотворению).

Комсомольская (стр. 34). Беловой автограф (БММ); журн. «Молодая гвардия», М. 1924, № 2—3, февраль—март; «Бюллетень Прессбюро», «А/Б», М. 1924, № 32/36, 8 апреля; «Мы и прадеды»; Сочинения, т. 2.

Из бюллетеня текст под заглавием «Ленин» перепечатан в газетах: «Волна», Архангельск, 1924, № 78, 18 апреля; «Звезда», Минск, 1924, № 94, 23 апреля; «Призыв», Владимир, 1924, № 88, 23 апреля; «Уральский рабочий», Екатеринбург, 1924, № 91, 23 апреля; «Брянский рабочий», 1924, № 95, 24 апреля; «Рабочий путь», Смоленск, № 101, 1 мая. Стихотворение вошло в книгу: «Первые песни вождю», сборник стихов, изд. «Новая Москва», М. 1926.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесено исправление: в строках 53—56 вместо: «и будет земля гордиться именем: Ленина»—«и будет земля гордиться именем: Ленинка» (по автографу, «Бюллетеню Прессбюро.» и сборнику «Мы и прадеды»).

В автографе и в первопечатном тексте стихотворение датировано 31 марта 1924 г. В «Бюллетене Прессбюро» дано под заглавием «Ленин. Из поэмы Молодой Гвардии «Комсомольская».

Н а у ч е т к а ж д а я м е л о ч и ш к а (п а р а и з д е в а т е л ь с т в) (стр. 39). Первое стихотворение — журн. «Смена», М. 1924, № 6, 10 апреля.

Второе — журн. «Смена», М. 1924, № 6, 10 апреля; «Мы и прадеды».

В журнале «Смена» оба стихотворения напечатаны под заглавием «На учет каждая мелочишка (пара издевательств)» с подзаголовками «Первое», «Второе».

«Второе» стихотворение Маяковский переработал и включил в сборник «Мы и прадеды» под заглавием «На учет каждая мелочишка (несколько издевательств) ребятишкам на молочишко» с подзаголовком «Первая».

В настоящем издании дано заглавие журнальной публикации. Первое стихотворение печатается по тексту «Смены»—Второе по тексту сборника «Мы и прадеды» с исправлением ошибки в подзаголовке: вместо «первая» — «второе».

Строка 24. *Сократ* (469—399 до н. э.) — древнегреческий философ.

Строка 41. ... *кентаврью стайку*. Кентавры — в греческой мифологии — полулюди, полукони.

Строка 103. *Шелли* Перси Биши (1792—1822) — выдающийся английский поэт-романтик.

Строки 113—114. *Благочинные живописи, поэзии иереи.*— Благочинный — должностное лицо православного духовенства; иерей— священник.

Д в а Б е р л и н а (стр. 45). «Бюллетень Прессбюро» «А», М. 1924, № 43, 13 мая.

Перепечатано в газ. «Волна», Архангельск, 1924, № 135, 12 июля.

Написано в результате пребывания Маяковского в Берлине во второй половине апреля — первых числах мая 1924 г.

Примечания к строкам 2 и 39 сделаны Маяковским.

Строка 2. *Курфюрстендамм* — богатая улица.

Строка 39. *Норд* (Норден) — квартал рабочих.

Строки 65—67. На выборах в германский рейхстаг, состоявшийся в начале мая 1924 г., за коммунистов голосовало 3 712 000 человек.

Ю б и л е й н о е (стр. 47). Беловой автограф (ЦГАЛИ); журн. «Леф», М.— П. 1924, № 2; газ. «Заря Востока», Тифлис, 1924, № 671, 7 сентября; «Только новое»; «Американцам для памяти»; Избранное из избранного»; Сочинения, т. 2.

Автограф — наборный экземпляр «Лефа» с пометками редакции, датированный 12/VII—1924.

Стихотворение написано в связи с 125-летием со дня рождения А. С. Пушкина, отмечавшимся 6 июня 1924 г.

Строки 83—87. Вывески «Коопсаха» (Кооператива сахарной промышленности) были синие, с оранжевыми лучами, среди лучей красовалась сахарная голова.

Строки 85—86. ...*Навуходоносором-библейцем.* — Имеется в виду упоминаемый в библии вавилонский царь Навуходоносор II (VI—V век до н. э.).

Строки 117—119. Перефразировка строк из VIII главы «Евгения Онегина» Пушкина:

> Я утром должен быть уверен,
> Что с вами днем увижусь я.

Строка 188. *Надсон* С. Я. (1862—1887) — русский поэт.

Строки 213—216. *Дорогойченко А. Я., Герасимов М. П., Кириллов В. Т., Родов С. А.*— поэты, современники Маяковского.

Строка 218. *Однаробразный* — словообразование Маяковского, сочетание слов «однообразный» и «нарообраз» (отдел народного образования).

Строка 250 *Леф* (Левый фронт искусства) — журнал, выходивший под редакцией Маяковского (1923—1925).

Строка 265. ...*гумских дам.*— ГУМ — Государственный универсальный магазин в Москве.

Строка 306. *Дантес* Жорж Шарль, барон Геккерен (1812—1895)— французский монархист, бежавший в Россию после буржуазной революции 1830 г., убийца А. С. Пушкина.

Строка 317. Слова из начальной строки стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта».

Строки 340—341. Памятник Пушкину в Москве стоял на Тверском бульваре у площади Пушкина (б. Страстной). В 1949 г. перенесен в центр площади.

Пролетарий, в зародыше задуши войну! (стр. 57). Авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР); авторизованная машинописная копия (БММ); газ. «Известия ЦИК», М. 1924, № 176, 3 августа; «Песни рабочим»; «Только новое»; Сочинения, т. 4.

Текст машинописного экземпляра (БММ) и сборника «Песни рабочим» имеет заглавие «Пролетарий, в зародыше задуши грядущую войну».

Стихотворение написано 2 августа 1924 г. к 10-летию первой мировой войны.

Строка 6. *Фирма Морган* — группа американских финансовых монополий.

Строка 7. *Крупп* — военно-металлургический концерн империалистической Германии.

Строка 60. *Флеш рояль* — набор карт в покере.

Строка 96. *Кольт* — система револьверов и других видов стрелкового оружия.

Строки 213—214. *30 миллионов* — число убитых, раненых и без вести пропавших в первую мировую войну.

С е в а с т о п о л ь — Я л т а (стр. 65). Заготовка рифм к строкам 86, 91 в записной книжке 1924 г., № 23 (БММ); Беловой автограф I в записной книжке 1924 г., № 27 (БММ); беловой автограф II (БММ); «Только новое»; Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесено исправление: в строке 87 — вместо «трясут» — «трусят» (по беловому автографу I и по сб. «Только новое»).

Стихотворение вызвано впечатлениями от поездки по Крыму и Кавказу, длившейся с 20 августа до середины сентября 1924 г. Время написания определяется сообщением В. А. Катаняна, что беловой автограф II был во время пребывания Маяковского в Тифлисе (с 29 августа до середины сентября) передан редакции газеты «Заря Востока», где, однако, стихотворение не было напечатано.

Строки 35—42. *Шашла, мускат* — сорта винограда.

Строка 54. *Байдарские ворота* — на перевале через главную гряду Крымских гор по пути из Севастополя в Ялту.

В л а д и к а в к а з — Т и ф л и с (стр. 68). Газ. «Заря Востока», Тифлис, 1924, № 667, 3 сентября; «Только новое»; Сочинения, т. 2.

Строки 4—6. Маяковский родился и провел детские годы в Грузии.

Строка 17. *Архалух* — легкий кафтан, кавказская верхняя мужская одежда.

Строка 20. *Карабах* — в данном случае порода горных кавказских лошадей.

Строка 21. *Ройльс* — марка автомобилей.

Строка 37. *Мушá* (груз.) — рабочий.

Строки 84—87 — начальные слова грузинской песни (текст Шалва Дадиани).

Строка 95. ...*мститель Арсен* — Арсен Джорджиашвили, участник революции 1905 г. в Грузии. Убил генерала Грязнова в январе 1906 г. и был казнен.

Строка 106. *Алиханов*-Аварский М.— царский генерал, военный губернатор Кутаисской губернии в 1905 г., жестоко расправлявшийся с революционным движением. В своей автобиографии Маяковский называет его «усмирителем Грузии» (см. т. 1 наст. изд., стр. 13).

Строки 110—114. Имеется в виду предательство интересов народа грузинскими меньшевиками, которые в годы интервенции и гражданской войны пошли на сговор с французскими и английскими империалистами.

Строка 143. *Мадчари* (груз.) — неперебродившее молодое вино.

Строка 164. *Кинто́* (груз.) — бродячий торговец, балагур и остряк.

Строка 182. *Шаири* (груз.) — стихи, четверостишие.

Тамара и Демон (стр. 74). Черновой автограф в записной книжке 1924 г., № 27 (БММ); беловой автограф в записной книжке 1924 г., № 27 (БММ); журн. «Красная новь», М. 1925, № 2, февраль; «Только новое»; «Американцам для памяти»; «Избранное из избранного»; Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесено исправление: в строке 137 вместо «дам» —«дашь» (по автографам и всем предыдущим изданиям).

Стихотворение написано, вероятно, в первой половине сентября 1924 г. во время пребывания Маяковского в Грузии,— во всяком случае до 11 октября 1924 г. (дата передачи в Госиздат рукописи сборника «Только новое»).

Строки 39—41. *Коган* П. С.— см. примечание к стихотворению «Протестую!» (стр. 491 наст. тома).

Строки 103—110. Имеется в виду стихотворение Лермонтова «Тамара».

Строки 148—151. Книга Б. Пастернака «Сестра моя жизнь» (М. 1922), посвященная Лермонтову, открывается стихотворением «Памяти Демона».

Гулом восстаний, на эхо помноженным, об этом дадут настоящий стих, а я лишь то, что сегодня можно, скажу о деле 26-ти (стр. 79). Газ. «Заря Востока», Тифлис, 1924, № 682, 20 сентября; журн. «Крас-

ная нива», М. 1924, № 39, 28 сентября; «Только новое»; «Песни рабочим»; Сочинения, т. 2.

Перепечатано в книге: «26 (1918—1928). Сборник поэм и стихов памяти 26 бакинских комиссаров», Баку, 1928.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесены исправления: в строке 197 вместо «убитых»—«с убитых»; в строке 242 — вместо «пройдя по праву» — «пройди по праву» (по всем предыдущим изданиям).

В оглавлении сборника «Песни рабочим» стихотворение названо «О деле 26-ти».

Посвящено годовщине расстрела 26 деятелей советской власти в Баку, совершенного 20 сентября 1918 г. английскими интервентами при содействии эсеров. Написано в Тифлисе (пометка под текстом в газете «Заря Востока») в первой половине сентября 1924 г.

Строка 51. *Сипаи* — солдаты англо-индийской наемной армии, которой руководили британские империалисты.

Строка 125. *Степан* — Шаумян С. Г. (1878—1918), видный деятель Коммунистической партии, председатель Бакинского Совнаркома.

Строка 127. *Алеша* — партийная кличка Джапаридзе П. А. (1880—1918), видного деятеля Коммунистической партии, комиссара внутренних дел Бакинского Совнаркома.

Строки 150—151. *Тиг Джонс, Моллесон*—английские офицеры, организаторы расстрела 26 бакинских комиссаров.

Строка 174. 207-я верста — место за Красноводском, где были расстреляны бакинские комиссары.

Строки 180—181. Перефразировка строк стихотворения А. В. Кольцова «Косарь»: «Раззудись, плечо! Размахнись, рука!»

Строка 225. *Ганди* Мохандас (1869—1948) — индийский политический деятель, руководитель партии. «Индийский национальный конгресс», инициатор кампании «пассивного сопротивления» английским империалистам.

П р о ч ь р у к и о т К и т а я! (стр. 88). Авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК». (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1924, № 216, 21 сентября; «Только новое»; Сочинения, т. 4.

Перепечатано в газ. «Новый мир», Нью-Йорк, 1924, № 513, 6 ноября.

Стихотворение написано в связи с организацией в СССР общества «Руки прочь от Китая».

Строка 8. *Макдональд* — см. примечание к стихотворению «Здравствуйте!» (стр. 492 наст. тома).

Строка 10. Имеется в виду Лига Наций — международная организация, созданная после первой мировой войны державами-победительницами как орудие политики империалистов.

Строка 32. *400 миллионов* — численность населения Китая в 1924 г.

Хулиганщина (стр. 90). Черновой автограф строк 1—29 в записной книжке 1924 г., № 27 (БММ); журн. «Красный перец», М. 1924, № 22, сентябрь; «Грозный смех».

Печатается по тексту сборника «Грозный смех».

Первопечатный текст — без подписи автора.

Селькор (стр. 92). Черновой автограф в записной книжке 1924 г., № 27 (БММ); «Песни крестьянам»; журн. «Синяя блуза», М. 1926, № 27—28, февраль.

Печатается по тексту сборника «Песни крестьянам».

В журнале «Синяя блуза» стихотворение дано в сокращенном виде.

Написано в связи с террористическими актами кулаков против селькоров, разоблаченными на процессе убийц селькора Г. Малиновского (октябрь 1924 г.).

На помощь (стр. 94). Журн. «Красный перец», М. 1924, № 24, октябрь; «Грозный смех».

Печатается по тексту сборника «Грозный смех».

Первопечатный текст подписан инициалами «В. М.».

Строка 6. *Цветной* — бульвар в Москве.

Посмеемся! (стр. 96). Журн. «Красный перец», М. 1924, № 25, ноябрь; «Грозный смех».

Печатается по тексту сборника «Грозный смех».

Написано к 7-й годовщине Октябрьской революции.

Строка 28. *Ллойд-Джордж* Давид (1863—1945) — английский реакционный политический деятель, лидер либералов. Премьер-министр Великобритании в 1916—1922 гг. Один из организаторов антисоветской интервенции.

Флаг (стр. 98). «Московский альманах», М. 1926, № 1.

В связи с признанием СССР Францией 6 ноября 1924 г. состоя-

лась официальная передача здания бывшего русского посольства в Париже советским представителям, а 14 декабря — подъем советского флага на этом здании. Маяковский присутствовал на церемонии подъема флага.

Стихотворение сдано в редакцию «Московского альманаха» не позднее 25 мая 1925 г. (дата выезда Маяковского из Москвы в заокеанское путешествие).

Строка 60. *Гренелль* — улица в Париже, где находится здание полномочного представительства СССР.

Строка 61—62. *Консьержка. Консьерж* (франц.).— привратница, привратник.

Строки 65—67. *«Аксион францез»* — монархическая лига, имевшая боевую организацию из фашистских молодчиков (так называемые «Камло дю руа»).

Строки 136—137. Перефразировка первых слов царского гимна: «Боже, царя храни».

Третий фронт (стр. 102). Черновой автограф (БММ); газ. «Рабочая Москва», 1925, № 11, 14 января.

Печатается по тексту газеты.

В настоящем издании в текст газеты внесены исправления: в строке 79 вместо «перед учителем» — «пред учителем»; в строке 81 вместо «на весь СССР» — «на весь ССР» (по черновому автографу).

Строка 2. *РОСТА* — Российское телеграфное агентство.

Строки 10—11. Первый всесоюзный съезд учителей открылся в Москве 12 января 1925 г.

Строка 43. *ОНО* — отдел народного образования.

Строка 44. *ВИК* — волостной исполнительный комитет.

Строка 52. *Шкраб* — школьный работник.

Рабкор («Ключи счастья» напишет...) (стр. 105).

Газ. «Гудок», М. 1925, № 20, 25 января; журн. «Синяя блуза», М. 1926, № 27—28, февраль.

В журнале «Синяя блуза» стихотворение дано в сокращенном виде.

Печатается по тексту газеты.

Стихотворение написано к всесоюзному совещанию рабкоров «Гудка».

Строка 1. *«Ключи счастья»* — бульварный роман писательницы А. А. Вербицкой, пользовался популярностью в 1909—1913 гг.

Строки 18—46. *Пе-Де, Пе-Че, Те-Че, Ше-Че, Эн* — условные телеграфные сокращения наименований железнодорожных должностей: *ПД* — дорожный мастер, ПЧ — начальник участка пути, ТЧ — начальник участка связи, Эн — начальник дороги.

Рабкор («Лбом пробив безграмотья горы»...) (стр. 108). Газ. «Пролетарская правда», Киев, 1925, № 27, 4 февраля; журн. «Красный перец», М. 1925, № 5, февраль; «Песни рабочим».

Печатается по сборнику «Песни рабочим».

В первопечатном тексте подзаголовок — «Киевским рабкорам».

Немножко утопии про то, как пойдет метрошка (стр. 110). Журн. «Красный перец», М. 1925, № 6, февраль. Через год в апрельском номере журнала «Синяя блуза» было напечатано в новой редакции под заглавием «Частушки о метрополитене». Материалы, печатавшиеся в «Синей блузе», имели специальное назначение: журнал обслуживал репертуаром профессиональные и самодеятельные эстрадные коллективы. В основном тексте настоящего тома дана первая редакция стихотворения. Вторая редакция, написанная с учетом профиля «Синей блузы» и предназначенная для исполнения со сцены, печатается в разделе «Другие редакции» (см. стр. 419 наст. тома).

Строка 7. *МКХ* — Московское коммунальное хозяйство.

Два мая (стр. 112). Газ. «Вечерняя Москва», 1925, № 97, 30 апреля.

Строки 52—54. *... и Крест-и Проф-и Коминтерна.*— Крестьянский Интернационал; Красный Интернационал профсоюзов; Коммунистический Интернационал.

Строки 55—56. *И это будет последний...* — слова из международного пролетарского гимна «Интернационал».

Май (стр. 117). Газ. «Рабочая Москва», 1925, № 98, 1 мая.

Строка 17. *Сокольники* — район в Москве (в прошлом окраина города).

Красная зависть (стр. 119). Журн. «Смена», М. 1925, № 9—10, 25 мая.

Строка 33. *Рабфак* — рабочий факультет, учебное заведение,

где рабочие, занятые на производстве, получали среднее образование.

Строка 42. Имеются в виду государственные границы, установленные державами-победительницами на Версальской конференции после первой мировой войны.

Строка 153. *О. Д. В. Ф.* — Общество друзей воздушного флота.

Ялта — Новороссийск (стр. 123). Заготовки к строкам 112—115 в записной книжке 1924 г., № 23 (БММ); список, сделанный Л. Ю. Брик (хранится у Л. Ю. Брик); журн. «Прожектор», М. 1925, № 10, 31 мая; газ. «Парижский вестник», Париж, 1925, 14 июня.

В журнале «Прожектор» и во всех посмертных изданиях печаталось под заглавием «Ялта — Севастополь», что не соответствует содержанию стихотворения, где рассказывается о поездке на пароходе «Севастополь» из Ялты в сторону Батуми. Маяковский ехал из Ялты в Новороссийск в августе 1924 г. В «Парижском вестнике», куда Маяковский, бывший в Париже с 28 мая по 20 июля 1925 г., передал стихотворение, оно появилось под рубрикой «Из цикла „Путешествия"» с заголовком «Ялта — Новороссийск». Тот же заголовок в списке Л. Ю. Брик.

Печатается по тексту «Прожектора». В настоящем издании в текст журнала «Прожектор» внесено исправление: заглавие вместо «Ялта — Севастополь» — «Ялта — Новороссийск» (по тексту газ. «Парижский вестник» и списку Л. Ю. Брик).

Строка 122. *«Дофин»* — название французского парохода.

Строка 155. *Райкомвод* — районный комитет водников.

Строка 159. *Бламанже*, точнее бланманже, (франц.) — желе из сливок, сахара и желатина.

Выволакивайте будущее! (стр. 129). Газ. «Правда молодежи», Орел, 1925, № 20, 31 мая; газ. «Юный товарищ», Смоленск, 1925, № 29, 5 июня; газ. «Большевистский молодняк», Саратов, 1925, № 36, 6 июня; журн. «Смена», М. 1925, № 11, 15 июня.

Печатается по тексту журнала «Смена».

Даешь мотор! (стр. 131). Журн. «Самолет», М. 1925, № 8, август; Сочинения, т. 4.

В оглавлении журнала указано: «Отрывок из поэмы». Текст сопровожден примечанием: «Из сборника, печатаемого Авиахимом, „Сам пройдись по небесам"».

Стихотворение должно было войти в книгу стихов о советском воздушном флоте, завершенную Маяковским до его отъезда из Москвы в заокеанское путешествие (то есть до 25 мая 1925 г.). Об этой книге поэт сообщал в автобиографии под рубрикой «25-й год»; «Написал агитпоэму «Летающий пролетарий» и сборник агитстихов «Сам пройдись по небесам» (см. т. 1 наст. изд., стр. 27). Сборник издан не был.

Строка 72—73. *Ходынские гроба.*— Имеются в виду старые самолеты, базировавшиеся на аэродроме Ходынского поля в Москве.

Строка 83. «*Рено*» — марка самолетов компании французских автомобильных и авиационных заводов.

Строка 85. «*Рольс Ройсы*» —.самолеты, выпускаемые объединением английских автомобильных и авиамоторных заводов.

Строка 99. *Братья Райт*: Уилбур (1867—1912) и Орвил (1871—1948) — американские авиаконструкторы и летчики.

Строка 169. *НОТ* — научная организация труда.

Строка 180. «*Икар*» — завод авиационных моторов в Москве.

Строка 192. «*Большевик*» — завод авиационных моторов в Ленинграде.

О.Д.В.Ф. (стр. 137). Сочинения, т. 4.

Повидимому, написано до 25 мая 1925 г. и предназначалось для сборника «Сам пройдись по небесам» (см. примечание к предыдущему стихотворению «Даешь мотор!»).

О.Д.В.Ф. — Общество друзей воздушного флота.

Вот для чего мужику самолет (стр. 142). Сочинения, т. 4.

Повидимому, написано до 25 мая 1925 г. и предназначалось для сборника «Сам пройдись по небесам» (см. примечание к стихотворению «Даешь мотор!»).

ТЕКСТЫ К РИСУНКАМ В ЖУРНАЛЕ «КРАСНЫЙ ПЕРЕЦ»

Авторство текстов в «Красном перце», печатавшихся большей частью без подписи, установлено по ряду стилистических признаков и подтверждено свидетельствами писателей В. П. Катаева и М. Я. Пустынина, работавших в журнале одновременно с Маяковским.

В этом разделе цифры впереди строк соответствуют порядку размещения рисунков в журнале. Содержание рисунков — там, где это необходимо,— пояснено редакцией в сносках.

Маленькая разница (стр. 151). Журн. «Красный перец», М. 1924, № 20, октябрь (рис. Д. Мельникова).

Напечатано без подписи.

Запасливый кооператор (стр. 152). Журн. «Красный перец», М. 1924, № 20, октябрь (рис. Н. Купреянова).

Напечатано без подписи.

Каждая фабрика и каждый завод, посмотри внимательно это вот: (стр. 153). Журн. «Красный перец», М. 1924, № 20, октябрь (рис. Д. Мельникова).

Напечатано без подписи.

Мы прогнали с биржи труда тех, кто так пролез туда (стр. 154). Журн. «Красный перец», М. 1924, № 21, октябрь (рис. П. Шухмина).

Напечатано без подписи.

Стихотворение написано в связи с проводившейся в 1924 г. чисткой Биржи труда от нетрудовых элементов.

Постоял здесь,— мотнулся туда,— вот и вся производительность труда (стр. 155). Журн. «Красный перец», М. 1924, № 22, октябрь (рис. К. Елисеева); «Грозный смех».

Печатается по тексту сборника «Грозный смех».

В журнале напечатано без подписи.

«Ворковал (совсем голубочек)...» (стр. 157). Журн. «Красный перец», М. 1924, № 22, октябрь.

Напечатано без подписи. Рисунки с текстами помещены на полях по всему номеру журнала. Художник не указан.

Строфа 1. *Макдональд* — см. примечание к стихотворению «Здравствуйте!» (стр. 491—492 наст. тома).

Строфы 6—8. Имеется в виду следующий факт, о котором сообщала печать в сентябре 1924 г.: Макдональд получил в подарок от своего друга, директора бисквитной фабрики, реакционера Гранта, автомобиль и 30 000 фунтов стерлингов деньгами; за это Грант был удостоен титула баронета.

Стро́фа 9. *Георг V* — король Великобритании с 1910 по 1936 г.

Грустная повесть из жизни Филиппова (стр. 159). Журн. «Красный перец», М. 1924, № 23, октябрь (рис. Ю. Ганфа); «Грозный смех».

Печатается по тексту «Красного перца».

В журнале подписано инициалами «В. М.».

Эпиграф — из газеты «Правда», М. 1924, № 231, 10 октября.

Строфа 6. *ИСУХРИ* — Иисус Христос.

Советский Союз,— намотай на ус — кто Юз (стр. 162). Журн. «Красный перец», М. 1924, № 23, октябрь (рис. Д. Мельникова); «Грозный смех».

Печатается по тексту сборника «Грозный смех».

Юз — см. примечание к стихотворению «Будь готов!» (Стр. 489 наст. тома). В начале своей карьеры Юз был юрисконсультом крупных трестов, затем — главным судьей Верховного суда США, где проявил себя активным защитником финансовых монополий.

Строфа 5. Имеется в виду нашумевшая в 1924 г. «нефтяная панама», раскрывшая злоупотребления и подкуп министров и виднейших правительственных чиновников США в связи с получением от государства нефтяных концессий в Калифорнии.

Крестьянское (стр. 164). Журн. «Красный перец», М. 1924, № 23, октябрь (рис. К. Елисеева); «Грозный смех».

Печатается по тексту «Красного перца».

«Мотня в работе — разрухе родня...» (стр. 166). Журн. «Красный перец», М. 1924, № 23, октябрь (рис. Д. Мельникова). Напечатано без подписи.

Рабочий, эй! (стр. 167). Черновой автограф в записной книжке 1924 г., № 27 (БММ); Журн. «Красный перец», М. 1924, № 24, октябрь (рис. Ю. Ганфа); «Грозный смех».

Печатается по тексту сборника «Грозный смех».

В журнале текст напечатан без подписи, со следующим заглавием:

Рабочий, эй!
Ты в среднем прогуливаешь 20 дней.
А в общем вот:
18 лентяев прогуливают год!

Наши поправки в англо-советский договор (стр. 169). Черновой автограф в записной книжке 1924 г., № 27 (БММ); журн. «Красный перец», М. 1924, № 24, октябрь (рис. Н. Куп-

реянова); «Грозный смех»; «Комсомольская правда», М. 1927, № 131, 12 июля (3-я строфа).

Печатается по сборнику «Грозный смех».

Строфа 3 была напечатана отдельно под заглавием «Черчилль» с карикатурой в газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 131, 12 июля.

Стихотворение написано в связи с борьбой, развернувшейся в Англии вокруг англо-советского договора, подписанного лейбористским правительством 8 августа 1924 г. Против этого договора подняли яростную кампанию реакционеры. 8 октября 1924 г. лейбористы потерпели поражение на выборах и к власти пришли консерваторы. В ноте от 20 октября 1924 г. консервативный кабинет заявил об отказе ратифицировать англо-советский договор.

Строфа 2. *Ллойд-Джордж* — см. примечание к стихотворению «Посмеемся!» (стр. 500 наст. тома).

Асквит Герберт Генри (1852—1928) — один из лидеров либеральной партии. *Понсонби А.* — товарищ министра иностранных дел в лейбористском правительстве, глава английской делегации при обсуждении англо-советского договора.

Строфа 4. *Макдональд* — см. примечание к стихотворению «Здравствуйте!» (стр. 491—492 наст. тома).

Маленькая электрификация (стр. 171). Черновой автограф в записной книжке 1924 г., № 27 (БММ); журн. «Красный перец», М. 1924, № 24, октябрь (рис. И. Чашникова); «Грозный смех».

Печатается по тексту сборника «Грозный смех».

В журнале текст появился без подписи и без последних четырех строк.

«Рабочий» Макдональд и буржуй Асквит (стр. 172). Журн. «Красный перец», М. 1924, № 24, октябрь (рис. Р. Гершаника).

Напечатано без подписи.

Макдональд — см. примечание к стихотворению «Здравствуйте!» (стр. 491—492 наст. тома). *Асквит* — см. выше примечание к стихотворению «Наши поправки в англо-советский договор».

Повествование это о странствии эсера вокруг света (стр. 173). Журн. «Красный перец», М. 1924, № 25, ноябрь (рис. К. Елисеева). Напечатано без подписи.

Строфа 1. *Корнилов* Л. Г. (1870—1918) — генерал царской

армии, монархист, верховный главнокомандующий при Временном правительстве, в августе 1917 г.— руководитель контрреволюционного мятежа.

Строфа 2. *Гетман* — Скоропадский П. П. (р. 1873) ставленник германских интервентов на Украине в 1918 г.; *Петлюра* С. В. (1877—1926) украинский буржуазный националист, один из главарей контрреволюционного движения на Украине в период гражданской войны.

Строфа 3. *Колчак* А. В. (1873—1920) — бывший царский адмирал, монархист. Возглавлял в 1918—1920 гг. белогвардейскую армию на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Строфа 4. Имеются в виду отряды из бывших чешских военнопленных, действовавшие в 1918—1920 гг. в составе белогвардейских войск в Сибири. *Барон* — Врангель П. Н.; см. примечание к стихотворению «Будь готов!» (стр. 489 наст. тома). *Польша* — имеются в виду белопольские легионы маршала Пилсудского, вторгшиеся в 1920 г. на территорию Советской Украины.

Смотри, чтоб праздник перешел и в будни, чтоб шли на работу праздника многолюдней (стр. 175). Журн. «Красный перец», М. 1924, № 25, ноябрь (рис. Н. Купреянова).

Напечатано без подписи.

«Не предаваясь „большевистским бредням"...» (стр. 177). Журн. «Красный перец», М. 1924, № 26, ноябрь (рис. Н. Купреянова).

Напечатано без подписи.

«Юз, незнакомый с проволóчкой...» (стр. 178) Журн. «Красный перец», М. 1924, № 27, ноябрь (рис. Ив. Малютина).

Напечатано без подписи.

Строфа 1. *Юз* — см. примечание к стихотворению «Будь готов!» (стр. 489 наст. тома).

Строфа 2. Имеется в виду закупка советскими торговыми организациями партии хлопка в США. В передовой статье газеты «Известия ЦИК» № 263 от 18 ноября 1924 г. сообщалось: «За последнее время экономические отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами сильно возросли. Среди американских промышленников, торговцев и банкиров все усиливается течение в пользу соглашения с Советской Россией. В этом смысле симптоматичными

являются слухи о предстоящем уходе в отставку Юза, этого принципиального противника восстановления нормальных дипломатических сношений с Советским Союзом».

ЛОЗУНГ-ПЛАКАТ

Тексты для плакатов Наркомфина (стр.181). Черновой автограф (строфы 5—8 (ЦГАЛИ); беловой автограф (БММ). Были ли выпущены плакаты — не установлено.

Написаны в марте 1924 г. в связи с денежной реформой — см. примечание к стихотворению «Буржуй, — прощайся с приятными деньками...» (стр. 493 наст. тома).

Строфа 1 совпадает с прежним заглавием стихотворения «Буржуй,— прощайся с приятными деньками...», сохранившимся в беловом автографе.

Строфа 5 представляет собою несколько расширенный вариант заглавия другого стихотворения Маяковского, посвященного денежной реформе; «Твердые деньги — твердая почва для смычки крестьянина и рабочего» (см. стр. 31 наст. тома). Первые две строки этой строфы содержатся также в концовке названного стихотворения.

Строфы 3, 4, 7, 8. Имеется в виду чеканка и выпуск в обращение серебряной и медной монеты, согласно декрету Совета Народных Комиссаров СССР от 20 февраля 1924 г. Казначейские билеты, заменившие старые денежные знаки, были выпущены в золотом исчислении.

Лозунги к 1 мая (стр. 183). Беловой автограф с поправками (БММ).

Написаны, по всей вероятности, в апреле 1924 г. Прижизненные публикации этих текстов неизвестны.

Строфа 1. Имеется в виду борьба с детской беспризорностью, проводившаяся в двадцатые годы.

Строфа 3. Речь идет о вовлечении рабочих в профессиональные союзы.

Профплакаты (стр. 185). Фотокопии эскизов плакатов (архив худ. А. Родченко); плакаты, изд. МГСПС «Труд и книга», М. 1924; Сочинения, т. 4.

В фотокопиях эскизов — строфы 11—15. На плакатах — строфы 1—10. В 4 томе Сочинений — строфы 1—6 под заглавием — «Профплакаты». Строфа 15 печатается впервые.

Строфа 3. *Рабфак* — см. примечание к стихотворению «Красная зависть» (см. стр. 502—503 наст. тома).

[Кооперативные плакаты] (стр. 189).

I. Черновой и беловой автографы лозунгов 1—12 (БММ); плакаты «Кооперативного издательства», М. 1924.

В верхнем правом углу чернового автографа пометка: «Выполнять по этим лозунгам плакаты (12 шт.) ⟨подпись неразборчива⟩ 29/VIII». Из этой пометки видно, что тексты написаны в августе 1924 г.

Выпущены в конце 1924 г. с рисунками работы худ. В. Степановой. II. Черновой автограф (БММ). Четыре лозунга, приведенные под цифрой II, написаны, повидимому, в одно время с текстами, приведенными под цифрой I. Где и как были использованы эти тексты — неизвестно.

I. Строфа 1. «Соедини революционный энтузиазм с умением стать торгашом» — перефразировка слов В. И. Ленина из статьи «О кооперации»: «Все дело теперь в том, чтобы уметь соединить тот революционный размах, тот революционный энтузиазм, который мы уже проявили и проявили в достаточном количестве и увенчали полным успехом, уметь соединить его (тут я почти готов сказать) с уменьем быть толковым и грамотным торгашом, какое вполне достаточно для хорошего кооператора» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 430).

Строфа 7. «*Кооперация — смычка деревни и города*» — изложение одной из основных мыслей статьи Ленина «О кооперации» (см. В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 427—431).

[Плакат о жилищно-строительном займе] (стр. 194).

Беловой автограф (ЦГАЛИ); журн. «Красный перец», М. 1924, № 21, октябрь.

В беловом автографе надпись: «Для „Красного перца“» и 4 строки, не вошедшие в печатный текст.

Журнальная публикация — на последней странице обложки без заголовка и без подписи с фотомонтажем худ. Н. Купреянова.

Написано в связи с выпуском в сентябре 1924 г. 8-процентного жилищно-строительного займа Московского Совета.

ПАРИЖ

Стихотворения этого цикла написаны в результате пребывания Маяковского в столице Франции, длившегося с первых чисел ноября по 20 декабря 1924 г. Работа над стихами цикла «Париж» продолжалась до весны 1925 г. Наиболее ранняя публикация стихов о Париже

относится к маю 1925 г. (стихотворение «Версаль» в журнале «Красная новь»). Незадолго до выезда из Москвы в заокеанское путешествие (то есть до 25 мая 1925 г.) Маяковский сдал в издательство «Московский рабочий» рукопись всего цикла для отдельного издания. Повидимому, тогда же отдельные стихотворения были переданы в журналы «Прожектор», «Огонек» (опубликованы в июне — июле 1925 г.) и в альманах «Красная новь». Книга «Париж» вышла из печати во второй половине 1925 г.

В автобиографии «Я сам» под рубрикой «25-й год» Маяковский записал: «Еду вокруг земли. Начало этой поездки — последняя поэма (из отдельных стихов) на тему „Париж"» («Я сам»— том 1 наст. изд., стр. 27).

С 28 мая по 20 июня 1925 г. на пути в Америку Маяковский снова был в Париже и передал часть произведений этого цикла газете «Парижский вестник», где были напечатаны четыре стихотворения.

Цикл «Париж» включен Маяковским в том 2 Собрания сочинений.

Е д у (стр. 197). Газ. «Парижский вестник», Париж, 1925, № 25, 3 июня; журн. «Прожектор», М. 1925, № 12, 30 июня; «Париж»; Сочинения, т. 2.

В газете «Парижский вестник» напечатано вместе со стихотворениями «Город», «Прощание» («Кафе») и «Прощанье» под общим заголовком «Из поэмы „Париж"».

В журнале «Прожектор» напечатано вместе со стихотворением «Город» под общим заголовком «„Париж" (из поэмы В. Маяковского)».

Строки 25—29. *Этуаль* (франц.) — звезда. Площадь Этуаль — площадь Звезды в Париже. В переносном смысле этуаль — первоклассная кафешантанная певица.

Г о р о д (стр. 200). Газ. «Парижский вестник», Париж, 1925, № 25, 3 июня; журн. «Прожектор», М. 1925, № 12, 30 июня; «Париж»; Сочинения, т. 2.

Строка 5. *Эррио* Эдуард (1872—1957) — видный французский политический деятель; в 1924 г. возглавлял правительство Франции.

Строка 23. *Попутчик.* — Попутчиками в 20-е годы называли писателей — выходцев из непролетарских слоев, сотрудничавших с советской властью, но не ставших еще на позиции пролетарской идеологии (в литературной полемике и критике тех лет термин этот при-

менялся весьма произвольно). Так, деятели ВАПП (Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей) причисляли Маяковского к «попутчикам». Возражая против этого, Маяковский 6 апреля 1925 г. на диспуте «О разногласиях в литературной политике», происходившем в клубе ЦК ВКП(б), говорил: «Не ярлыком решается вопрос о «пролетарственности» писателя, а литературным соревнованием. Надо сорвать ярлыки, перетряхнуть патенты, тогда слово «пролетпоэт» получит смысл» (см. том 12 наст. изд.).

Впоследствии на одном из литературных вечеров Маяковский заявил: «Я считаю себя пролетарским поэтом, а пролетарских поэтов ВАППа — себе попутчиками» (выступление в Доме Герцена 22 декабря 1928 г., см. том 12 наст. изд.).

Строка 81. *Елисейские Поля* — здесь улица в Париже.

Строка 107. *Вандомская колонна* — памятник Наполеону I на Вандомской площади в Париже.

Верлен и Сезан (стр. 204). Газ. «Парижский вестник», Париж, 1925, № 44, 24 июня; журн. «Прожектор», 1925, № 13, 15 июня; «Париж»; Сочинения, т. 2.

Верлен Поль (1844—1896) — французский поэт.

Сезан Поль (1839—1906) — французский живописец.

Строка 30. *Виардо-Гарсиа* Полина (1821—1910) — известная французская певица, близкий друг И. С. Тургенева.

Строка 126. *ГУС* — Государственный ученый совет Народного комиссариата просвещения РСФСР.

Строка 185. *Вардин* (Мгеладзе) И.— современник Маяковского, литературный критик.

Строка 220. *Ван-Гог* Винцент (1853—1890) — голландский живописец, в последние годы жил во Франции.

Строка 234. *АХРР* — Ассоциация художников революционной России.

Строка 257. «*Ротонда*» — кафе в Париже.

Notre-Dame (стр. 211). Альманах «Красная новь», М. 1925, № 1; «Париж»; Сочинения, т. 2.

Строка 39.... *Блаженный Васька* — церковь Василия Блаженного в Москве.

Строка 88. «*Знак Зоро*» — название кинокартины.

Версаль (стр. 215). Журн. «Красная новь», М. 1925, № 5, май; «Париж»; Сочинения, т. 2.

Строка 19. *Капет* Гуго — основатель династии французских королей (X в.). Речь идет о его потомке Людовике XVI, свергнутом с престола революционным народом в 1792 г. и казненном в 1793 г.

Строка 65. *Помпадурша* — маркиза де Помпадур, фаворитка французского короля Людовика XV.

Строка 66—67. *Большой Трианон, Малый Трианон* — названия версальских дворцов.

Строка 79. *Бенуа* А. Н. (р. 1870) — русский художник, историк искусства и критик; после революции — эмигрант.

Строка 81. *Ахматова* А. А. (р. 1889) — современная русская поэтесса.

Строка 90. *Мария-Антуанетта* — французская королева, жена Людовика XVI, казненная революционным народом в 1793 г.

Строка 97. *Санкюлот* (франц.) — распространенное название революционеров во время французской буржуазной революции конца XVIII в.

Ж о р е с (стр. 219). Неполный список, сделанный рукою Л. Ю. Брик (хранится у Л. Ю. Брик); альманах «Красная новь», М. 1925, № 2; «Париж»; Сочинения, т. 2.

Жорес Жан (1859—1914) — видный деятель французского и международного социалистического движения, выступавший против развязывания первой мировой войны. Убит 31 июля 1914 г. шовинистом Вилленом, который затем был оправдан французским буржуазным судом. В ноябре 1924 г. состоялось перенесение праха Жореса в Пантеон. Маяковский находился в это время в Париже и был, повидимому, свидетелем церемонии.

Строка 29. *Пантеон* — место погребения останков выдающихся деятелей Франции.

Строка 92. *71-й год.*— 1871 год — год Парижской Коммуны.

П р о щ а н и е (К а ф е) (стр. 223). Газ. «Парижский вестник», Париж, 1925, № 25, 3 июня; журн. «Огонек», М. 1925, № 28, 5 июля; «Париж»; Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесены исправления: в строках 8—9 вместо «И Ром и Ремул» — «И Рем и Ромул» (по всем изданиям); в строке 26 вместо «кофейный» — «кафейный» (по всем изданиям).

В журнале «Огонек» стихотворение озаглавлено «Кафе» («Прощание») и снабжено подзаголовком: «Из поэмы В. Маяковского».

В книге «Париж» оно названо «Кафе»; во всех остальных прижизненных изданиях дан приводимый здесь заголовок.

Строка 6. *Монпарнасец* — обитатель Монпарнаса, квартала художников в Париже.

Строки 8—9. *Ромул и Рем* — братья-близнецы, согласно легенде, основавшие Рим.

Строка 51. *Буа-дю-Булонь* — Булонский лес, парк в Париже.

Строка 103. *Агафья* Тихоновна — купеческая дочь, девица на выданье из комедии Гоголя «Женитьба».

Строка 138. *Кулидж* Калвин (1872—1933) — американский реакционный политический деятель, президент США в 1923—1929 гг.; занимал враждебную позицию в отношении СССР.

Прощанье (стр. 227). Газ. «Парижский вестник», Париж, 1925, № 25, 3 июня; «Париж»; Сочинения, т. 2.

ПОЭМЫ

Владимир Ильич Ленин (стр. 231). Черновой автограф (строки 1—423; 1262—1477; 1527—1842; 2046—2358; 2405—2986) в записных книжках 1924 г. №№ 23 и 24 (БММ); неавторизованная машинописная копия (БММ); газ. «Рабочая Москва», М. 1924, № 238, 18 октября, строки 1253—1345 под заглавием «Партия»; «Бюллетень Прессбюро», «А», М. 1924, № 92, 21 октября, строки 1887—1906 и 1930—2006 под заглавием «Октябрь»; «Бюллетень Прессбюро ЦК РКСМ», М. 1924, № 6, 23 октября, строки 1887—1906 и 1930—2006 под заглавием «Октябрь»; газ. «Рабочая Москва», 1924, № 240, 21 октября, строки 2562—2646 под заглавием «Улица в похороны»; газ «Бакинский рабочий», 1924, № 245, 23 октября, строки 2893—2999 под заглавием «Ленинцы»; газ. «Заря Востока», Тифлис, 1924, № 714, 28 октября, строки 2562—2646 под заглавием «Улица в похороны»; журн. «Красная нива», М. 1924, № 44, 2 ноября, строки 495—655 (без строк 614—624) под заглавием «Капитализм»; газ. «Известия ЦИК», М. 1924, № 256, 7 ноября, строки 1843—2066 под заглавием «Ленин»; газ. «Бакинский рабочий», 1924, № 254, 7 ноября, строки 1864—2048 под заглавием «25 октября»; газ. «Рабочая Москва», 1924, № 255, 7 ноября, приложение «Седьмой Октябрь», строки 1674—1755 под заглавием «Приезд»; журн. «Красная нива», М. 1924, № 46, 16 ноября, строки 2863—2999 под заглавием «Ленинцы»; «Красный журнал», М. 1924, № 4, 31 декабря, строки 1346—1457

под заглавием «1905 год»; газ. «Гудок», М. 1925, № 7, 9 января, строки 2225—2404 под заглавием «НЭП»; журн. «Красная панорама», Л. 1925, № 3, 17 января, строки 1253—1386, 1458—1468, 2980 — 2999 под заглавием «Владимир Ильич Ленин»; газ. «Гудок», М. 1925, № 17, 21 января, строки 923—1156 под заглавием «Наш фундамент»; «Красный журнал», М. 1925, № 1—2, 21 января, строки 77—222 под заглавием «Ленин»; «Рабочая газета», М. 1925, № 17, 21 января, строки 2898—2987 (без строк 2934—2942), под заглавием «Смерть»; журн. «30 дней», М. 1925, № 1, январь, строки 2444—2480 под заглавием «Весть о смерти» и строки 2687—2755 под заглавием «Похороны»; журн. «Красный перец», М. 1925, № 3, январь, строки 2637—2999 под заглавием «Чёрные дни»; журн. «Туннель», М. 1925, № 1, январь, строки 2405—2492 под заглавием «6 часов 50 минут»; журн. «Экран», М. 1925, № 2, январь, строки 2405—2999 под заглавием «Смерть»; журн. «ЛЕФ», М. 1925, № 3, январь, первая часть поэмы (строки 1—922); «Красный журнал», М. 1925, № 7, апрель, строки 746—751 и 847—922 под заглавием «Рождение Ленина»; «Красный журнал», М. 1925, № 8, апрель, строки 794—846 под заглавием «Маркс и Ленин»; первое отдельное издание, ГИЗ, Л. 1925; второе отдельное издание, ГИЗ, М. 1927; Сочинения, т. 3.

В настоящем издании в текст 3-го тома Сочинений внесены следующие исправления: в строке 49 вместо «этих строчек тысячи» — «этих строчек тыщи» (по автографу); в строках 1071—1072 вместо «он вместе, учит в кузнечной пасти» — «он вместе, учит в кузничной пасти» (исправление ошибки); в строках 2075—2077 вместо «И фронт расползался в улитке теплушек» — «И фронт расползался в улитки теплушек» (по автографу); в строках 2177—2182 вместо «Смотрите — кружат над крошками мушки, сытнее им, чем нам в осьмнадцатом году» — «Смотрите — кружат над крошками мушки, сытней им, чем нам в осьмнадцатом году» (по автографу и отдельному изданию 1927 года); в строках 2327—2328 вместо «Под этой мелкобуржуазной стихией» — «Вот этой мелкобуржуазной стихии» (по автографу); в строках 2690—2691 вместо «часы мешая, путая даты» — «часы меняя, путая даты» (по автографу); в строках 2835—2836 вместо «стреляли из пушки, а может, из тысячи» — «стреляли из пушки, а может из тыщи» (по автографу); в строках 2982—2984 вместо «снова живой вызывает Ленин» — «снова живой взывает Ленин» (по автографу).

Отрывки поэмы перепечатывались: газ. «Голос молодежи», Самара, 1924, № 109, 7 ноября под заглавием «Октябрь»; газ. «Звезда», Минск, 1924, № 259,7 ноября под заглавием «Октябрь»; газ. «Известия

Одесского Губисполкома, Губкома КПБУ и Губпрофсовета», Одесса, 1924, № 1481, 7 ноября под заглавием «Ленинцы»; газ. «Коммуна», Калуга, 1924, № 255, 7 ноября под заглавием «Партия»; газ. «Красная Татария», Казань, 1924, № 156, 7 ноября под заглавием «Октябрь»; газ. «Молодая гвардия», Одесса, 1924, № 262, 7 ноября под заглавием «Октябрь»; газ. «Молодой рабочий», Баку, 1924, № 35, 7 ноября под заглавием «Октябрь»; газ. «Призыв», Владимир, 1924, № 249, 7 ноября под заглавием «Октябрь»; газ. «Правда молодежи», Гомель, 1924, № 52, 7 ноября под заглавием «Октябрь»; газ. «Смена», Л. 1924, № 109, 7 ноября под заглавием «Октябрь»; газ. «Тамбовская правда», 1924, № 255, 7 ноября под заглавием «Октябрь»; газ. «Уральский рабочий», Свердловск, 1924, № 255, 7 ноября под заглавием «Октябрь»; газ. «Голос молодежи», Самара, 1925, № 129, 21 января; газ. «Молодой рабочий», Баку, 1925, № 6—7, 21 января; газ. «Северная правда», Кострома, 1925, № 17, 21 января; газ. «Правда молодежи», Орел, 1925, № 3, 25 января под заглавием «22 января 1924 г.»; журн. «Северное эхо», Великий Устюг, 1925, № 1, январь под заглавием «22 января 1924 г.»; журн. «Шквал», Одесса, 1925, № 10, январь; газ. «Пролетарская правда», Киев, 1925, № 34, 8 февраля; газ. «Парижский вестник», Париж, 1925, № 47, 28 июня под заглавием «Смерть»; газ. «Новый мир», Нью-Йорк, 1925, 14 августа под заглавием «Партия»; газ. «Грядущая смена», Екатеринослав, 1925, № 164 под заглавием «Ленин»; журн. «Мартен», Екатеринослав, 1926, № 13 (1), январь, под заглавием «22 января 1924 г.».

Отрывки из поэмы вошли во многие сборники художественных произведений о Ленине и хрестоматии. Около трети текста поэмы вошло в литмонтаж артиста-чтеца В. Яхонтова «Ленин» (Гиз, М. 1926).

Беловой автограф поэмы «Владимир Ильич Ленин» и авторизованный машинописный текст поэмы не сохранились. В записных книжках 1924 г. № 23 и 24 (БММ) находятся крупные отрывки поэмы. Всего имеется пять отрывков. Из них — четыре в записной книжке № 23:

1. С первой строки по 423.

2. С 1262 строки по 1477.

3. С 1527 строки по 1842. С пропущенными двумя строфами (1736—1755), которые, повидимому, были написаны позже.

4. С 2046 строки по 2358.

В книжке № 24 полностью (без последней строфы) третья часть поэмы — строки 2405—2986.

Из первой книжки вырвано несколько листов, на которых, по-

видимому, и были записаны недостающие куски двух первых частей поэмы.

Отрывки в записной книжке № 23 расположены в следующем порядке:

На правой стороне листов записано начало поэмы с первой строки по 422—423, до слов «покрывая детвориный плачик». Последние слова — в самом конце листа. Дальнейшие листы вырваны, и этим объясняется, почему строфа не закончена. Таким же образом и следующий отрывок (после вырванных листов) начинается с неполной строфы, словами «пылающих дворянских усадеб» (строки 2046—2047) и кончается строками 2357—2358 («и Ленин — организатор победы»). До конца второй части не хватает пяти последних строф.

Далее следует большой отрывок из второй части поэмы, от слов «Оттуда миллионы канонадою в уши» (строки 1527—1529) до слов «Товарищи, довольно тянуть канитель» (строки 1841—1842). Весь этот отрывок записан на листах книжки почти набело с разбитыми для печати строками. На левых оборотных листах книжки против этого записан другой отрывок из второй части строки (1262—1477) от слов «Единица! Кому она нужна!» до слов «подымается страшный четырнадцатый». Строки этого отрывка не разбиты, над ним поставлен крестик, обведенный кружком, — условный знак, отмечающий его место в тексте поэмы, очевидно на тех самых листах, которые утеряны.

Таким образом, можно предположить, что на вырванных листах были расположены — конец первой части поэмы (строки 424—922) и несколько отрывков из второй — 923—1261, 1478—1526, 1843—2045.

В автографе поэмы, сохранившемся в записных книжках, часть отрывков записана набело с небольшими поправками и разбивкой строк для печати, часть же представляет собой первоначальные наброски и является первым черновиком. Стихи записаны, как правило, на листах справа; на левых оборотных листах записной книжки Маяковский заносил первые черновые наброски строф, отдельные рифмы, которые затем либо довольно быстро «вставали» в новые строфы, либо ждали своей «очереди» и появились в поэме значительно позднее. Характерен в этом отношении оборотный лист 36 (записная книжка № 23, см. фото на стр. 272—273). В левой верхней его строке записана рифма-«заготовка»:

сбегались ротозеи
музея

Эта рифма-«заготовка» затем встанет в строфу, которой начинается третья часть поэмы (черновой автограф которой находится в записной книжке № 24):

Если бы
выставить в музее
плачущего большевика,
весь день бы
в музее
торчали ротозеи.

Под этой первой записью, отделенною чертой (лист 36), помещен первоначальный набросок строк 1835—1837:

и дни недель,

окончательный текст которых записан на листе 47 (записная книжка № 23):

день
наметив
в ряду недель

Еще ниже, под этой записью, рифма-«заготовка»

ввысь,
мысль,

она обведена карандашом (лист 36).

Уже на листе 38 она «встала» в основной текст автографа:

На аэроплане
прорваться б ввысь,
туда, на помощь
к восставшим рабочим, —
одно желанье,
единая мысль.

Основное место на *обороте* листа 36 занимает черновая запись первоначального варианта строфы 1664—1673:

Премьер
не власть вышивание
гладью
Это тебе не грубый нарком.
Прямо девушка
иди и гладь е<е>
Закатит истерику,
поет тенорком.

Строфа эта была затем переписана на листе 40—41 (записная книжка № 23) с окончательной разбивкой на строки и с последним вариантом строк 1672—1673:

Истерики закатывает,
поет тенорком

Под этой строфой, отчеркнутой чертой, внизу оборотной стороны листа 36, опять отдельные «заготовки»:

Левушка
Кровушка
а главное чтобы не лилась
кровушка

И, наконец, под чертой в правом углу листа 36 внизу рифма-«заготовка»:

ссылок
сила,

ставшая затем основой строфы 1187—1190 второй части поэмы:

Полюбилась Ленину
в какой из ссылок
этой песни
траурная сила?

В записных книжках отразились почти все основные этапы «рождения» тех или иных строф поэмы. Так, например, строфа 2317—2327, первоначально обозначена на обороте листа 17 (записная книжка № 23) следующими рифмами-«заготовками»:

нэпчик
медленней
крепче.

На обороте листа 30 Маяковский уже записывает наброски строк:

Вперед и в прошлом
Стушуется непчик

Затем на листе 32 в основном тексте чернового автографа поэт записывает часть строфы, с разбивкой строк:

вперед
и в прошлом
скроется непчик

Написав начало следующей строки «пойдем мы», Маяковский его зачеркнул и, немного отступив вправо, записал вариант следующих двух строк:

мы двинемся
во сто раз медленнее

С небольшим изменением эти строки вошли в окончательный текст, где вместо «медленнее» — «медленней».

В 1937 г., в журнале «Октябрь» № 2, появилась статья Н. Кальмы «Владим Владимыч», в которой приведены варианты нескольких строф из поэмы и большой, не вошедший в текст, отрывок из первой части поэмы. В статье приведены варианты следующих пяти строф: 431—439, 634—639, 645—655, 823—834, 1478—1487, отрывок из первой части, повидимому, стоявший вместо строк 537—594, и одна строфа, место которой было между строками 1186 и 1187. Все эти материалы даны, как сообщает автор, «по неопубликованным материалам записных книжек поэта. Все печатаемые варианты переписаны автором с черновиков Маяковского в 1924—1925 гг. ...»

Принадлежность этих строк Маяковскому документально не может быть подтверждена. Анализ общих стилистических признаков позволяет предположить, что эти строки были написаны Маяковским. Однако, ввиду того, что черновики Маяковского не сохранились и точность расшифровки Н. Кальмой черновиков не может быть проверена, эти строки помещены в конце раздела: «Варианты и разночтения».

Настоящее издание впервые полностью воспроизводит варианты строф и строк поэмы, имеющихся в записных книжках. Более ста вариантов отдельных строф и строк поэмы печатаются здесь впервые.

В бумагах Маяковского сохранился экземпляр поэмы, убористо переписанный на пишущей машинке как прозаический текст, без разбивки на стихотворные строчки и без заглавия. Этот экземпляр он брал с собой за границу. Разночтения, отличающие этот текст от окончательного печатного текста, немногочисленны. Повидимому, это были последние изменения, внесенные Маяковским в рукопись, сданную в издательство, или, может быть, сделанные уже в корректуре.

* * *

Написанная в 1924 г. поэма «Владимир Ильич Ленин» явилась завершением длительной работы Маяковского над ленинской темой.

Первое стихотворение о вожде — «Владимир Ильич!» — было написано Маяковским в апреле 1920 г., когда Коммунистическая партия и весь наш народ отмечали 50-летие со дня рождения В. И. Ленина (см. т. 2 наст. изд., стр. 32).

Идеи и образы первого стихотворения Маяковского о Ленине нашли свое развитие в другом произведении поэта о вожде — «Мы не верим!», написанном в 1923 г., в дни болезни Владимира Ильича

(см. т. 5 наст. изд., стр. 17). К этому времени, очевидно, относится и возникновение у Маяковского замысла поэмы о вожде.

В автобиографии «Я сам» под датой «23-й год» имеется лаконичная запись: «Начал обдумывать поэму «Ленин» (см. т. 1 наст. изд., стр. 26).

Все виденное и пережитое в дни похорон Ленина требовало от Маяковского ускорить начатую им еще в 1923 г. работу над поэмой о вожде.

В начале 1924 г. в печати появляется стихотворение Маяковского «Комсомольская» (см. наст. том, стр. 34).

Апрель — сентябрь 1924 г. прошли в напряженной работе над поэмой «Владимир Ильич Ленин», завершенной в первых числах октября 1924 г.

3 октября Маяковский подписал с ленинградским отделением Госиздата договор на поэму. Срок сдачи рукописи — 17 октября 1924 г. Рукопись была представлена тремя днями позже.

18 октября 1924 г. Маяковский читал поэму в московском Доме печати, 21 октября — в Красном зале МК РКП(б) партийному активу. Газета «Рабочая Москва» 23 октября 1924 г. в статье «Поэма Маяковского «Ленин» перед судом партийного актива» писала:

«Зал был переполнен. Поэма была встречена дружными аплодисментами всего зала. В открывшихся прениях... ряд товарищей говорили, что это сильнейшее из того, что было написано о Ленине. Огромное большинство выступавших сошлось на одном, что поэма вполне наша, что своей поэмой Маяковский сделал большое пролетарское дело. После прений Маяковский отвечал оппонентам. В частности, Маяковский указал, что он хотел дать сильную фигуру Ленина на фоне всей истории революции».

После Москвы Маяковский выступал с чтением поэмы в рабочих и партийных аудиториях Киева, Минска, Смоленска и других городов.

«Закончил поэму «Ленин». Читал во многих рабочих собраниях... Отношение рабочей аудитории обрадовало и утвердило в уверенности нужности поэмы»,— писал позднее Маяковский в автобиографии «Я сам» (см. т. 1 наст. изд., стр. 27).

21 января 1930 г. Маяковский выступил на торжественно-траурном заседании, посвященном памяти Ленина, в Большом театре, с чтением третьей части поэмы.

В литературной критике появление поэмы вызвало очень небольшой отклик: в 1924 г. — заметка в 20 строк о чтении поэмы в Доме печати (газ. «Известия ЦИК», № 246, 20 октября); в 1925 г.— небольшие рецензии: в ленинградской «Красной газете» (веч. вып.,

№ 97, 25 апреля), в журнале «Октябрь», № 3 и в журнале Центросоюза «Город и деревня» (№ 9—10); в 1926 г. рецензия в журнале «Печать и революция» (№ 1) и несколько строк в общей рецензии на пять книг Маяковского в «Известиях ЦИК» (№ 43, 21 февраля).

Строка 199. *Дзержинский*, Феликс Эдмундович (1877—1926) — выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, с декабря 1917 г.— председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК).

Строка 203. *Чека* — Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК).

Строки 267—269. Маяковский упоминает в этих строках о широко известном факте — любви Владимира Ильича к шахматам. Г. М. Кржижановский, вспоминая о днях, проведенных с Лениным в ссылке в селе Шушенском, рассказывает, что Владимир Ильич соблюдал в ссылке строго установленный им самим же режим дня, что он «...был большим поклонником морозного чистого воздуха, быстрой ходьбы, бега на коньках, шахмат и охоты. И какой это был весёлый, живой и общительный товарищ в часы такого отдыха на свежем воздухе или в процессе сражения за шахматным столиком!» (см. сборник «Воспоминания о В. И. Ленине», Госполитиздат, М. 1955, стр. 22).

Строки 321—323. В Колонном зале Дома союзов с 23 по 27 января 1924 г. стоял гроб с телом Владимира Ильича Ленина. За четыре дня через Колонный зал прошло 700 000 человек.

Строка 359. Крупные металлургические заводы в Москве и Петербурге.

Строка 417. *Елисеев* — владелец гастрономических магазинов в Москве, Петербурге и некоторых других городах царской России.

Строка 482. *Патагония* — область на юге Аргентины. Коренное индейское население Патагонии в XIX в. вело борьбу с аргентинскими помещиками и иностранными компаниями, захватившими их земли. В 1921 г. в Патагонии вспыхнуло восстание батраков, жестоко подавленное правящими кругами Аргентины.

Строки 486—487. *Иваново-Вознесенск* — город текстильщиков, один из старейших центров революционного движения России, ныне областной центр — г. Иваново.

Строка 526. *Марсельеза*— французская революционная песня. Слова и музыка написаны в 1792 г. Руже де Лилем. Ныне государственный гимн Франции.

Строка 561. *...пол ампиристый* — иронический неологизм от

слова ампир. Ампир — стиль искусства, возникший во Франции в начале XIX в.

Строка 562. *...потолок рококовый.* — Рококо — стиль в искусстве, главным образом в архитектуре, получивший развитие во Франции и других европейских странах в первой половине и середине XVIII в.

Строка 565. *Каторз* (quatorze) — четырнадцатый (франц.).

Строки 798—800. *Золотой телец* — идол, которому, по библейскому преданию, поклонялись в древности; символ богатства.

Строка 872. *Тьерами растерзанные.*— Тьер, Адольф глава французского правительства, жестоко расправившийся с Парижской Коммуной в 1871 г.

Строка 878. *...парижскою стеною.*— Стена кладбища Пер-Лашез, у которой похоронены жертвы Парижской Коммуны 1871 г.

Строки 912—914. *Коммунизма призрак по Европе рыскал* — перефразировка первых строк «Коммунистического Манифеста» — «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма».

Строки 919—922. *В. И. Ленин* (Ульянов)—родился 22(10) апреля 1870 г. в г. Симбирске (ныне Ульяновск).

Строка 1020. *... за землю и волю...*—имеется в виду организация революционных народников 70-х годов в России «Земля и воля».

Строки 1032—1037. Александр Ильич Ульянов (1866—1887) — брат Владимира Ильича. 1 марта 1887 г. был арестован за участие в покушении на жизнь царя Александра III и 8 мая 1887 г. казнен в Шлиссельбургской крепости вместе со своими товарищами Генераловым, Шевыревым, Андреюшкиным и Осипановым.

Строки 1048—1059. Н. К. Крупская в своих воспоминаниях «Детство и ранняя юность Ильича», рассказывая о глубоком влиянии на Владимира Ильича судьбы его старшего брата Александра Ильича Ульянова, говорит: «Много он после того дум передумал. По-новому зазвучал для него Чернышевский, стал искать он ответа у Маркса; «Капитал» был у брата, но прежде трудно было Ильичу в нём разобраться, а после гибели брата по-иному взялся он за изучение его. Брата казнили 8 мая. Получив об этом известие, Владимир Ильич сказал: «Нет, мы пойдём не таким путём. Не таким путём надо идти» (см. «Воспоминания родных о В. И. Ленине», Госполитиздат, М. 1955, стр. 186).

Строки 1071—1081. Маяковский говорит о ранних пропагандистских брошюрах Ленина: «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», «О промышленных судах», «О стачках», «Новый фабричный закон» и др. (1895—1899).

«В развертывании марксистами политической агитации,— отмечается в «Краткой биографии Ленина»,— большую роль сыграла нелегальная брошюра Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Он с увлечением работал над этой брошюрой. «Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих»,— писал он позднее» («Ленин Владимир Ильич. Краткая биография», Госполитиздат, М. 1955, стр. 27—28).

Строки 1139—1144. Осенью 1895 г. Ленин объединил все существовавшие в Петербурге марксистские рабочие кружки (их было около 20) в одну организацию, которая получила название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Строка 1156. Владимирский тракт — по нему при царе отправляли политических ссыльных в Сибирь.

Строка 1165. *Нерчинск* — город в Сибири, в царское время одно из мест ссылки на каторгу политических заключенных.

Строки 1185—1186. Из известной революционной песни Г. А. Мачтета (1852—1901) «Последнее прости» («Замучен тяжелой неволей...») — одной из любимых песен В. И. Ленина.

Строка 1235. *Идешь Чухломой.*— Чухлома — небольшой город в Ивановской области РСФСР.

Строки 1242—1244. *Теперь на Марсов охотится Пулково.*— В наблюдениях за планетой Марс во время ее великого противостояния в 1924 г. принимала участие и Пулковская обсерватория, расположенная близ Ленинграда.

Строка 1371. *...встали пресненцы.*— Речь идет о Московском вооруженном восстании в декабре 1905 г., центром которого стала Пресня — рабочий район Москвы.

Строки 1378—1382. В начале ноября 1905 г. Ленин вернулся из-за границы в Россию. По приезде в Петербург Владимир Ильич развернул огромную организаторскую деятельность. Он руководил работой Центрального Комитета партии и ежедневной легальной большевистской газетой «Новая жизнь», систематически выступал в газете со статьями.

Строки 1392—1394. 17 октября 1905 г. Николай II издал манифест, в котором «верноподданному народу» даровалась «свобода слова, собраний» и т. д. Но вслед за тем правительство начало принимать жестокие меры для подавления революции.

Строка 1406. Адмирал Дубасов в конце 1905 г. был назначен московским генерал-губернатором и руководил разгромом Декабрьского вооруженного восстания.

Строки 1416—1423. После революции 1905 г. в период реакции на идеологическом фронте активизировались различные буржуазные реакционные писатели и «теоретики», поднявшие в печати поход против марксизма. «Критику» марксизма, его философско-теоретических и научно-исторических основ развернули также литераторы, примкнувшие во время революции к большевикам (Богданов, Базаров, Луначарский и другие), а также меньшевики (Юшкевич, Валентинов). Некоторые из них — «богостроители» — проповедовали в своих выступлениях необходимость соединения социализма с религией.

Строки 1424—1448. После поражения Декабрьского вооруженного восстания Г. Плеханов в «Дневнике социал-демократа» (Женева, № 4, 1905) выступил со статьей, в которой писал: «Сила пролетариата оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство нетрудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие». Ленин в статье «Современное положение России и тактика рабочей партии» в «Партийных известиях» (Петербург, февраль 1906) отвечал Плеханову: «Новый взрыв, может быть, и не наступит еще весной, но он идет, он, по всей вероятности, не слишком далек. Мы должны встретить его вооруженными, организованными по-военному, способными к решительным наступательным действиям». (В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 99).

В сентябре 1906 г. в статье «Уроки московского восстания», приводя эту же фразу Плеханова «не нужно было браться за оружие», Ленин писал: «Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 11, стр. 147).

Строки 1424—1457. Маяковский включил эти строки в текст пьесы «Москва горит», написанной в начале 1930 г. для циркового представления, в связи с 25-летием революции 1905 г.

Строки 1485—1487. *...к какой приравнять к Полтаве, к Плевне?!* — Битва под Полтавой во время русско-шведской войны, 27 июня 1709 г.

Плевен — город в Болгарии (на старых русских картах — Плевна). Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. под Плевеном происходили длительные упорные бои союзных (русской и румынской) армий при содействии болгарского народного ополчения против сильной группировки турецких войск. Бои под Плевеном продолжались с 20 июля по 10 декабря 1877 г.

Строка 1499. Буржуазный сынок Вова из водевиля Е. Мировича «Вова приспособился», популярного в годы первой империалистической войны.

Строки 1511—1515. 5—8 сентября 1915 г. в Циммервальде состоялась международная социалистическая конференция, на которой Ленин возглавлял левое крыло, выступившее со своей программой. Ленин резко критиковал социал-шовинистическое большинство, противопоставляя ему позицию последовательно революционного интернационализма.

В «Проекте резолюции Циммервальдской левой», написанной Лениным и внесенной на конференции в Циммервальде левой группой депутатов, говорилось: «Империалистская война открывает собой эру социальной революции. Все объективные условия новейшей эпохи ставят на очередь дня революционную массовую борьбу пролетариата. Долг социалистов ...развивать революционное сознание рабочих, сплачивать их в интернациональной революционной борьбе, поддерживать и двигать вперед всякое революционное выступление, стремиться к превращению империалистской войны между народами в гражданскую войну угнетенных классов против их угнетателей, войну за экспроприацию класса капиталистов, за завоевание политической власти пролетариатом, за осуществление социализма» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 315).

Строки 1538—1558 очень близки ленинской статье «Положение и задачи социалистического интернационала», в которой Ленин подчеркивал, что:

«...работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций... Поднимем знамя гражданской войны!» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 24.)

Строка 1542. *Верден* — французская крепость, за обладание которой шли ожесточенные бои в 1915—1917 гг.

Строка 1633. *Гогенцоллерны* — династия прусских королей и германских императоров. Последний Гогенцоллерн — Вильгельм II был свергнут буржуазной революцией в Германии в 1918 г.

Строки 1659—1660. *...Дарданельский, в девичестве Милюков.*— Милюков П. Н. (1859—1943), один из главарей российской буржуазной контрреволюции, в годы первой мировой войны ярый сторонник войны «до победного конца» и захвата Дарданельского пролива.

Строка 1664. *Премьер* — Министр-председатель буржуазного Временного правительства в России в 1917 г. Керенский А. Ф.

Строка 1680. *Оборонцы* — меньшевики, троцкисты, эсеры и другие мелкобуржуазные партии и группировки стояли за продолжение империалистической войны и поддерживали военную политику Керенского.

Строка 1691. *Савинков* Б. В. (1879—1925) — эсер, летом 1917 г. принимал деятельное участие в подготовке контрреволюционного заговора.

Строки 1694—1735. В. И. Ленин приехал в Петроград 3 апреля около полуночи.

В. И. Ленин произнес с броневика у Финляндского вокзала речь, в которой призвал к революционной борьбе: «Да здравствует социалистическая революция!» — так закончил Ленин свое первое выступление перед трудящимися России по возвращении на родину.

Строки 1694—1755. Маяковский включил эти строки в написанное им позднее (1927) стихотворение «Ленин с нами» (т. 8 наст. изд.).

Строка 1708. Литейный проспект в Петрограде.

Строки 1767—1770. *Кшесинская* — балерина, любовница Николая II. В особняке, подаренном ей царем, помещался в 1917 г. ЦК РСДРП (большевиков).

Строки 1778—1781. Это двустишие было написано Маяковским осенью 1917 г. (до октября). Впервые напечатано на обложке журнала «Соловей» («Журнал пролетарской сатиры», М. 1917, № 1, 24 декабря). О происхождении этих строк Маяковский впоследствии писал в статье «Только не воспоминания»: «Кабачок — подвал «Бродячая собака» перешел в «Привал комедиантов». К «Привалу» стали приваливаться остатки фешенебельного и богатого Петербурга. В такт какой-то разухабистой музычке я сделал двустишие:

> Ешь ананасы, рябчиков жуй,
> день твой последний приходит, буржуй.

Это двустишие стало моим любимейшим стихом: петербургские газеты первых дней Октября писали, что матросы шли на Зимний, напевая какую-то песенку: Ешь ананасы и т. д.» (см. т. 12 наст. изд.).

Строки 1787—1788. Июльские дни, 3—4—5 июля 1917 г.— стихийное выступление петроградских рабочих и солдат под лозунгом: «Вся власть Советам!» Выступление было подавлено. Юнкера разгромили редакцию и типографию «Правды».

Строки 1796—1799. Временное правительство издало 7 июля 1917 г. приказ об аресте Ленина. Партия укрыла своего вождя в глубоком подполье. В. И. Ленин переехал к рабочему Н. А. Емельянову на станцию Разлив, находящуюся в 30 километрах от Петрограда. Через несколько дней он поселился в шалаше за озером Разлив.

Когда в конце августа наступили холода, ЦК партии организовал переезд Ленина в Финляндию.

Строка 1800. *В Кресты Зиновьева!* — Зиновьев Г. Е. (Радомысльский) (1883—1936)—бывш. чл. ВКП(б), исключенный из партии за измену партии и рабочему классу.

После июльских дней 1917 г. в Петрограде Временное правительство обрушило репрессии на большевистскую партию. По приказу Временного правительства была разгромлена типография «Правды». Было отдано распоряжение об аресте вождя партии В. И. Ленина, а также Луначарского, Зиновьева и др. В дальнейшем, в октябре 1917 г. Зиновьев вместе с Каменевым штрейкбрехерски выступил против организации вооруженного восстания, раскрыв врагу план восстания.

В. И. Ленин в «Письме в Центральный Комитет РСДРП» по поводу предательского поступка Зиновьева и Каменева писал: «Каменев и Зиновьев *выдали* Родзянке и Керенскому решение ЦК своей партии о вооруженном восстании и о сокрытии от врага подготовки вооруженного восстания, выбора срока для вооруженного восстания. Это факт. Никакими увертками нельзя опровергнуть этого факта. Двое членов ЦК кляузной ложью перед капиталистами *выдали* им решение рабочих. Ответ на это может и должен быть один: немедленное решение ЦК:

Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, ЦК исключает обоих из партии» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 194).

Кресты — Дом предварительного заключения в Петрограде.

Строки 1838—1842. 7 октября Ленин, по решению ЦК партии, нелегально переезжает из Выборга в Петроград. 10 октября 1917 г. состоялось историческое заседание Центрального Комитета партии большевиков, посвященное вопросу о немедленной подготовке вооруженного восстания. С докладом о необходимости вооруженного восстания выступил Ленин, который указал, что «...с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Между тем это недопустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти Советами» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 160). После доклада ЦК принял предложенную Лениным резолюцию, в которой подчеркивалось, что «...вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы...» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 162).

Строки 1896—1939. В дни революции Маяковский был в Смоль-

ном. Поэт говорил об этом в своем выступлении на первой Всесоюзной конференции ВАПП в январе 1925 г. Полемизируя с журналистом Сосновским, который в своем выступлении пытался утверждать, что картина поэмы, рисующая Ленина в Смольном, не дает правдивого представления о вожде, Маяковский заявил, что всё написанное в поэме о Ленине в Смольном — непререкаемая правда, что эту картину он «описывал с натуры». «Немногим из нас было дано счастье увидеть товарища Ленина, — говорил Маяковский в своем выступлении 9 января 1925 г. на вечернем заседании первой Всесоюзной конференции ВАПП.— Взятый мною факт — это был один из тех, которые я описывал с натуры. Эта картина была в дни революции буквально списана с товарища Ленина...» (см. т. 12 наст. изд.).

Строки 1919—1920. *По приказу товарища Троцкого!* — Троцкий Л. Д. (Бронштейн) (1879—1940), социал-демократ, возглавлявший в рядах русской социал-демократии «центристское течение» (троцкизм). В 1917 г. по приезде из-за границы в Петроград примкнул к «межрайонцам». Вместе с последними на VI съезде РСДРП(б) вошел в большевистскую партию и был избран в ее Центральный Комитет. Перед Октябрем 1917 г. выступал за отсрочку восстания до созыва II съезда Советов. По поводу этого выступления Троцкого, входившего в политический центр по руководству восстанием, В. И. Ленин писал в статье «Кризис назрел»: «„Ждать" съезда Советов есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить *недели*, а недели и даже дни решают теперь *все*. Это значит трусливо *отречься* от взятия власти...» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 60.)

В годы советской власти Троцкий выступает как ярый враг ленинизма, ренегат и предатель международного рабочего движения. На XV съезде ВКП(б) Троцкий был исключен из партии и в 1929 г. за подпольную антисоветскую деятельность выслан за границу.

Строка 1981. *...воля нобельца*—имеются в виду рабочие петроградского механического сталелитейного завода Э. Нобель (ныне «Русский дизель»), активно участвовавшие в революционных событиях 1917 г.

Строки 1994—2006. Маяковский говорит о первых исторических декретах советской власти — обращении Всероссийского съезда Советов к рабочим, солдатам и крестьянам 25 октября 1917 г. о переходе всей власти к Советам, декрете о мире и декрете о земле, принятых съездом Советов по предложению В. И. Ленина 26 октября 1917 г.

Строки 2003—2006. Маяковский вводит в свой стих лозунги, выдвинутые В. И. Лениным еще в канун вооруженного восстания. Так, в написанном накануне Октябрьской революции «Письме в ЦК,

МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам» В. И. Ленин, говоря о лозунгах, под которыми следует развернуть подготовку к вооруженному восстанию, указывает: «Лозунг: власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным» (В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 26, стр. 115).

Строка 2014. *Духонин с Корниловым.*

Духонин Н. Н. (1876—1917) — генерал царской армии, монархист. В ноябре 1917 г. был верховным главнокомандующим. Один из участников предательского заговора, целью которого было сдать революционный Петроград немцам. Корнилов — см. примечание к стихотворению «Повествование это о странствии эсера вокруг света» (стр. 507—508 наст. тома).

Строка 2016. *Гучков с Керенским.*—Гучков А. И. (1862—1936)— лидер буржуазно-монархической партии октябристов, впоследствии один из организаторов интервенции против Советской России. Керенский А. Ф. — см. примечание к строке 1664 (стр. 526 наст. тома).

Строка 2083. *Вильгельмов сапог.* — Вильгельм II (1859—1941)— германский император и король Пруссии (1888—1918).

Строки 2104—2108. В основу этих строк положено выступление В. И. Ленина на VII съезде партии по вопросу о заключении мира с Германией: «Ловите передышку, хотя бы на час, раз вам ее дали»,— говорил Владимир Ильич в докладе о войне и мире (В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 27, стр. 86). «...я хочу уступить пространство фактическому победителю, чтобы выиграть время. В этом вся суть, и только в этом» (В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 27, стр. 87).

Строка 2120. Поэт говорит о плакатах эпохи гражданской войны, изображавших контрреволюцию в виде многоголовой гидры.

Строки 2128—2131. Слова из известной революционной песни периода гражданской войны.

Строки 2162—2163. *... путь на завод Михельсона найдешь по крови из ран Ильича.*— 30 августа 1918 г. В. И. Ленин выступал перед рабочими в Замоскворецком районе, на заводе б. Михельсона, ныне завод им. Владимира Ильича. После выступления, когда Ленин подходил к автомобилю, он был тяжело ранен эсеркой-террористкой Каплан.

Строки 2263—2267. «Вопрос в том, — говорил Ленин на XI съезде партии весной 1922 г.,— что ответственный коммунист — и лучший, и заведомо честный, и преданный, который каторгу выносил и смерти не боялся, — торговли вести не умеет, потому что он не делец, этому не учился и не хочет учиться и не понимает, что с азов

должен учиться... он должен учиться от рядового приказчика, который бегал в лабаз десять лет, который это дело знает, а он, ответственный коммунист и преданный революционер, не только этого не знает, но даже не знает и того, что этого не знает» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 246).

Строки 2284—2296. Первого мая 1920 г. состоялся Всероссийский субботник, в котором Ленин принял личное участие.

Строки 2322—2326. Речь, которую вкладывает Маяковский в уста Ленина, основана на выступлении Ленина на XI съезде партии:

«У нас государственная власть, у нас масса экономических средств; если мы капитализм побьем и смычку с крестьянской экономикой создадим, тогда будем абсолютно непобедимой силой... тогда рядовой крестьянин будет видеть: они мне помогают; и он тогда пойдет за нами так, что, если эта поступь и будет в сто раз медленнее, зато будет в миллион раз прочнее и крепче» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 255—256).

Строка 2420. *Мамонтов* К. К. (1869—1919) — белогвардейский генерал, «прославившийся» во время гражданской войны расправой с мирным населением.

Строка 2436. XI Всероссийский съезд Советов проходил с 9 по 29 января 1924 г. в Москве. *Пятиэтажное здание* — Большой театр.

Строки 2469—2480. На утреннем заседании XI Всероссийского съезда Советов 22 января М. И. Калинин сообщил о смерти В. И. Ленина.

Строка 2559. Траурный ленинский поезд прибыл из Горок в Москву на Павелецкий вокзал 23 января в час дня.

Строки 2617—2631. «Когда он умер,— вспоминает одна из старейших ткачих Трехгорки,— у нас что было, ужас! Это был удар, самый жестокий удар за все время революции, вся Москва будто все потеряла на свете... Я была на похоронах... Несла венок и плакала! Да что я, что мои слезы! Мои слезы маленькие. А как плакали другие! Даже говорили: «Лучше бы мы померли» («Рассказы рабочих о Ленине», Профиздат, М. 1934, стр. 135).

Строки 2643—2644. 23 января гроб с телом Ленина был перенесен в Колонный зал Дома союзов. В тот же день был открыт доступ в Колонный зал для делегаций и всех трудящихся.

Строки 2647—2707. За четыре дня, с 23 по 27 января, несмотря на жестокие морозы, сотни тысяч рабочих и крестьян, красноармейцев и служащих, делегации трудящихся Москвы и многих других

городов, делегации рабочих капиталистических стран прошли через Колонный зал, прощаясь со своим вождем.

Строка 2656. *Тверская* — ныне ул. Горького в Москве.

Строка 2657. *Димитровка* (Большая Димитровка) — ныне ул. Пушкина.

Строка 2739. ...*Надежда Константиновна* — Крупская Надежда Константиновна (1869—1939) — жена Ленина, его друг и соратник, видный деятель Коммунистической партии и Советского государства.

Строки 2753—2755. Перефразированные заключительные строки известной революционной песни «Вы жертвою пали...»:

Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь, благородный.

Строки 2795—2796. Строки из песни Г. А. Мачтета «Последнее прости» («Замучен тяжелой неволей...»).

Строки 2817—2818. Черный циферблат часов на Спасской башне Кремля.

Строки 2822—2862. В 4 часа 27 января, в день похорон В. И. Ленина, был произведен одновременно салют по всей территории Союза. На пять минут была прекращена работа на фабриках и заводах, приостановилось движение транспорта.

Строка 2870. *Муралов.*— Муралов Н. И., бывш. чл. ВКП(б), впоследствии исключенный из партии как активный троцкист. В 1924 г. Н. И. Муралов являлся командующим Московским военным округом.

Строки 2920—2925. На смерть Ленина рабочий класс Советского Союза ответил еще большим сплочением своих рядов вокруг Коммунистической партии. За четыре месяца свыше двухсот сорока тысяч рабочих вступило в ряды Коммунистической партии.

Летающий пролетарий (стр. 311). Отрывки — в журналах: «Город и деревня», М. 1925, № 7, 17 апреля; «Прожектор», М. 1925, № 8, 30 апреля; «Красная нива», М. 1925, № 17, апрель, под заглавием «Даешь небо»; «Огонек», М. 1925, № 19, 3 мая; «Красная новь», М. 1925, № 4, май; «Северное эхо», Великий Устюг, 1925, № 5, май, под заглавием «Марш летчиков»; «Красная нива», М. 1925, № 30, июль, под заглавием «Древняя история»; «Новый мир», М. 1925, № 7, июль (под заглавием «В бой»); «Шквал», Одесса, 1925, № 21, июль (под заглавием «Марш летчиков»); «Молодая гвардия», М. 1925, № 8, август; «Синяя блуза», М. 1926,

№ 25, январь, под заглавием «Марш Авиахима»; в газетах: «Заря Востока», Тифлис, 1926, № 1226, 14 июля, под заглавием «Марш»; «Раз в год» (без обозначения места издания), 1926, 14 июля, под заглавием «Марш».

Полностью—«Летающий пролетарий» (отд. изд.); Сочинения, т. 4.

Время написания поэмы определяется датой заключения договора с издательством «Вестник Воздушного флота» (9 марта 1925 г.) и датой получения рукописи издательством (8 апреля 1925 г.). 6 апреля, выступая в Большом театре на праздновании двухлетней годовщины Общества друзей воздушного флота, Маяковский читал отрывки из поэмы (газ. «Рабочая Москва», 1925, 7 апреля). Примерно с того же числа он давал редакциям периодических изданий отрывки из поэмы. После этого в основной текст поэмы вносились изменения и уточнения, зафиксированные в отдельном издании, вышедшем в середине 1925 г. Текст этого издания без изменений воспроизведен в 4 т. Собрания сочинений в разделе «Агитпоэмы». То же обозначение жанра находим в автобиографии Маяковского: «25 год. Написал агитпоэму «Летающий пролетарий»... («Я сам» — т. 1 наст. изд., стр. 27).

Строка 38. Имеется в виду десятилетие со дня начала первой мировой войны.

Строка 253. *Кулидж* — см. примечание к стихотворению «Прощанне» (стр. 514 наст. тома).

Строка 555. *Ку-Клукс-Клан* — террористическая организация фашистского типа в США.

Строка 1057. *КУБУ* — Комиссия по улучшению быта ученых.

Строка 1289. *«Ундервуд»* — марка пишущих машинок.

Строки 1696—1697. *«Художественный», «Арс»* — названия московских кинотеатров.

Строка 1811. *О. Д. В. Ф.*— Общество друзей воздушного флота.

Строка 1820. *Ходынка* — в те годы летное поле под Москвой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Коллективное

Рассказ о Климе, купившем заем, и Прове, не подумавшем о счастье своем (стр. 365). Отдельное издание; «Песни крестьянам».

Печатается по сборнику «Песни крестьянам».

Отдельное издание — без указания автора, под заглавием: «Рас-

сказ о Климе, купившем крестьянский заем, и Прове, не подумавшем о счастье своем», с рисунками А. Левина. Вышло из печати в первой половине мая 1924 г.

В настоящем издании в текст сборника «Песни крестьянам» внесены исправления: в строках 19—20 вместо «ростом вровень — оба» — «оба — ростом вровень» (по первопечатному тексту).

Написано Н. Асеевым и В. Маяковским по заданию Наркомфина СССР в связи с выпуском крестьянского выигрышного займа. Время написания определяется датой опубликования постановления ЦИК и СНК СССР о выпуске займа (20 марта 1924 г.).

Строки 42—48. Речь идет, повидимому, о статье крестьянина И. Гаврилова «Добрая отдушина для нас», напечатанной в газете «Беднота», М. 1924, № 1770, 23 марта. В статье говорится о выгодных для крестьянина условиях подписки на новый заем.

Строка 121. *Скрыня* — ларец, сундук.

Строка 148. *Клуня* — хозяйственная постройка для молотьбы и хранения хлеба.

Одна голова всегда бедна, а потому бедна, что живет одна (стр. 373). Отдельное издание; «Песни крестьянам».

Печатается по тексту сборника «Песни крестьянам».

В настоящем издании в текст сборника «Песни крестьянам» внесено исправление: в строках 208—209 вместо «но вы на слово скупщику верите» — «то вы на слово скупщику верите» (по первопечатному тексту).

Поэма написана в июле — первой половине августа 1924 г. Н. Асеевым при участии Маяковского. На обложке сверху: Н. Асеев В. Маяковский.

По содержанию перекликается с «Кооперативными плакатами» Маяковского, написанными в августе 1924 г. (см. стр. 188 наст. тома).

Строка 129. *Ктитор* — церковный староста.

Рассказ о том, путем каким с бедою справился Аким (стр. 385). Отдельное издание; «Песни крестьянам».

Печатается по тексту сборника «Песни крестьянам».

В настоящем издании в текст сборника «Песни крестьянам» внесены исправления: в строке 344 вместо «у нас в горсти» — «у нас же в горстке»; в строках 358—360 вместо «Никто не виляет, не поет, не

ропщет» — «Никто не виляет, не ноет, не ропщет» (по первопечатному тексту).

Написано в июле — первой половине августа 1924 г. Н. Асеевым при участии Маяковского.

Отдельное издание озаглавлено «Рассказ о том, путем каким с бедой управился Аким». На обложке: Н. Асеев и В. Маяковский. Вышло из печати в декабре 1924 г.

Строка 291. *Шелюга* — кустарниковое растение.

Сказка про купцову нацию, мужика и кооперацию (стр. 397). Отдельное издание.

В настоящем издании в текст отдельного издания внесено следующее исправление: в строке 476 вместо «не одну получку» — «не одну полушку» (исправление ошибки по смыслу и в соответствии с рифмой: «полушку — крупорушку»).

Написана в марте-апреле 1925 года Н. Асеевым при участии Маяковского. Вышла в свет к международному дню кооперации, отмечавшемуся 4 июля 1925 г. На обложке отдельного издания: В. Маяковский и Н. Асеев.

Договор с издательством, по которому писалась «Сказка...», предусматривал также совместное написание Н. Асеевым и В. Маяковским агитпоэмы на тему о городской кооперации. Для нее Маяковский сделал только заглавие: «Отчего у Моргана стало дело погано»; написана она была Н. Асеевым и П. Незнамовым после отъезда Маяковского за границу и вышла под заголовком «Отчего сенатор Юз не взлюбил Центросоюз».

Реклама

Папиросы «Клад» (стр. 411). Черновой автограф (БММ); Тексты для папиросной коробки и рекламных плакатов.

Черновой автограф — рукою Н. Асеева с правкой Маяковского записан на обороте автографа агитпоэмы «Ткачи и пряхи, пора вам перестать верить заграничным баранам» (см. том 5 наст. изд.). Строфы 6, 7, 5, 3, 2, 4 записаны на обороте второго листа автографа, строфа 8 и варианты к 1 — на обороте первого листа. На папиросной коробке — строфа 1, на рекламных плакатах — строфы 2—8.

Тексты написаны Н. Асеевым и Маяковским по заказу Моссельпрома в январе 1924 г. (сданы 2 февраля).

Столовая Моссельпрома (стр. 414). Журн. «Огонек», М. 1924, № 46, 9 ноября; печатный текст листовок (БММ).

В журнале «Огонек» текст напечатан на 2-й странице обложки за подписями: Маяковский, Асеев. Рядом со стихотворением — прозаический рекламный текст, заканчивающийся словами Маяковского: «Нигде кроме, как в Моссельпроме».

В листовке — текст за теми же подписями и с тем же прозаическим рекламным текстом (с концовкой Маяковского на обороте листовки).

Написано в связи с открытием на Арбатской площади в Москве образцовой столовой Моссельпрома (ресторан «Прага»).

Строки 20—31. Здесь перефразированы строки первой песни поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Строка 23. *Родов* С. А. — см. примечание к стихотворению «Протестую!» (стр. 491 наст. тома).

Строка 28. *Лелевич* Г. — литературный критик, один из организаторов журнала «На посту».

Строка 30. *Пильняк* Борис (Вогау Б. А.) — русский писатель, автор романа «Голый год» и рассказов, рисовавших быт первых лет революции преимущественно в его отрицательных чертах.

Строки 57—58. *Мейерхольд* В. Э. (1874—1940), *Станиславский* К. С. (1863—1938) — выдающиеся деятели русского театра, режиссеры.

Строка 61. Имеется в виду советский писатель А. Н. Толстой (1883—1945).

Строка 65. *Коган* П. С. — см. примечание к стихотворению «Протестую!» (стр. 491 наст. тома).

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

Частушки о метрополитене (стр. 419).

Журн. «Синяя блуза», М. 1926, № 32, апрель (см. прим. к стихотворению «Немножко утопии про то, как пойдет метрошка») (стр. 502 наст. тома).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

СТИХОТВОРЕНИЯ *(1924 — первая половина 1925)*

[1] В первой колонке цифр указываются страницы текста, во второй — вариантов, в третьей — примечаний.

ТЕКСТЫ К РИСУНКАМ В ЖУРНАЛЕ «КРАСНЫЙ ПЕРЕЦ» *(1924)*

ЛОЗУНГ-ПЛАКАТ (*1924*)

ПАРИЖ (*1924—1925*)

ПОЭМЫ (*1924—1925*)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Коллективное (*1924—1925*)

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ
МАЯКОВСКИЙ

Полное собрание сочинений. Том 6.

Редактор тома С. А. Коваленко

Редактор *К. Малышева*

Оформление художника *Б. Воронецкого*

Художественный редактор *Г. Клодт*

Технический редактор *Г. Архангельская*

Корректоры *А. Сабадаш* и *Г. Фальк*

Сдано в набор 27/IV 1957 г.
Подписано к печати 9/IX 1957 г.
Бумага 84×108 1/32. — 17 печ. л. =
27,88 усл.-печ. л. 22,62 уч.-изд. л.
+9 вклеек = 23,07 л.
Тираж 190 000 экз. Заказ № 471
Цена 11 р.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.